

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Роль ООН в противостоянии современным угрозам и вызовам международной безопасности

А. ПОДБЕРЁЗКИН, А. ЖУКОВ

Факторы безопасности для России

С. УСТИНКИН, А. РУДАКОВ

Идентичность – объект противоборства в мире

И. ЗОНН, С. ЖИЛЬЦОВ

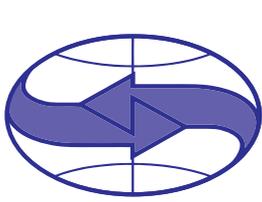
Каспийские саммиты и решение проблем моря-озера

А. НИКАНДРОВ

Компартия в системе диктатуры пролетариата

Два подхода к российским революциям 1917 года

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

16+

Политология

Роль ООН в противостоянии современным угрозам и вызовам международной безопасности. Часть 2

5

А. Абашидзе, Г. Гусейнова

События и тенденции в международных отношениях последних лет показывают, что при сохранении и усугублении прежних угроз и вызовов появляются новые, а международное сообщество нередко не может найти пути и средства для преодоления проблем глобального характера.

Во второй части статьи показана роль международного права и ООН в противостоянии современным вызовам и угрозам международной безопасности. Сделан акцент на важности осознания неделимости развития, безопасности и прав человека в современном мире.

Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей

23

А. Подберёзкин, А. Жуков

В работе рассматриваются проблемы влияния социальных сетей на различные объекты и субъекты международной и военно-политической обстановки, определяющие состояние их безопасности.

О скромности и величии в мировой политике. К вопросу о геополитическом статусе России

41

М. Неймарк

Автор анализирует роль и место России в современном мире, эволюцию её подхода к определению адекватного международного статуса страны в срав-

нении с постоянным курсом США на геополитическое доминирование на мировой арене.

Идентичность – объект современного глобального противоборства 53

С. Устинкин, А. Рудаков

Для противостояния глобальным вызовам и угрозам России необходимо преодоление кризиса идентичности в общественном сознании. На основе анализа современных стратегий геополитического противоборства с использованием гуманитарных технологий, направленных на трансформацию идентичности, показано, как идентичность превращается в фактор политической борьбы. Политика, направленная на сохранение и развитие идентичности, способна стать основой для укрепления геополитических позиций российского государства.

Роль Каспийских саммитов в решении региональных проблем 62

И. Зонн, С. Жильцов

За более чем четверть века, прошедшую с момента распада СССР, страны Каспийского региона не раз пытались выработать механизмы решения региональных проблем. Ключевой вопрос – это международно-правовой статус Каспийского моря. Для его решения страны региона используют саммиты, которые проводятся с начала XXI в., сближая позиции прикаспийских стран и создавая условия для решения региональных проблем.

Российский политический консалтинг в начале 2000-х годов 72

Л. Федорченко

Рассматривая развитие отечественного политического консалтинга в начале 2000-х годов, автор отмечает, что консьюмеризация института политического консалтинга проявляется в коммерциализации спектра услуг и деятельности соответствующих политико-технологических фирм. Однако частичная переориентация политико-консалтингового сообщества на бизнес-клиентуру имела не стратегический, а тактический характер, позволив части политтехнологов приспособиться к новым условиям работы с властью, изменению избирательного процесса и партийного строительства.

Особенности менталитета украинцев. В контексте российско-украинских отношений 83

В. Калита

На основе анализа исторического развития Украины и России автор рассматривает особенности менталитета украинцев и их влияние на взаимоотношение стран. Выделяются основные менталитетные группы украинского населения и делается вывод о том, что в стране усиливается влияние радикальных националистов, затрудняющее возможность нормализации российско-украинских отношений.

100-летие русских революций 1917 года

Два подхода к российским революциям 1917 года: какой из них верен? Концептуальные размышления о судьбах российских революций 1917 года 94

Я. Пляйс

В статье анализируются два подхода к российским революциям 1917 г. Один из них основан на том, что эти революции, а также Гражданская война 1918–1922 гг. образуют один процесс – Великую русскую революцию. Другой, принадлежащий автору статьи, исходит из того, что Февральская и Октябрьская революции – различные по своей сути и направленности процессы и поэтому не могут быть объединены и отнесены к одной Великой революции.

Научная жизнь

Коммунистическая партия в системе диктатуры пролетариата: доктрина и история 104

А. Никандров

Автор предпринимает попытку определения места и роли партии в системе диктатуры пролетариата – особой формы государства, которая была в СССР. Анализируется концепт диктатуры пролетариата в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также соотношение партии и суверенитета в государстве диктатуры пролетариата.

Содержание на английском языке 124

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; БОЙКО Ю. П. – д. п. н., проф.; ВЕРЕЩАГИН Ю. А. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КОВНИР В. Н. – д. э. н., проф.; КОМАРОВ И. К. – д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. – д. в. н., проф., генерал-майор; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; МАЙОРОВА Е. И. – д. ю. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н. проф.; ПАВЛЕНКО В. Б. – д. п. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; СЕРЕДА В. Н. – д. ю. н., проф.; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

АРИСТОВ В. В.	— доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО (У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН
ЯКОВЛЕВ В. Ф.	— доктор юридических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации

© Институт стран СНГ

Роль ООН в противостоянии современным угрозам и вызовам международной безопасности*

Часть 2

Аслан АБАШИДЗЕ
Гюнай ГУСЕЙНОВА

Старые и новые угрозы и вызовы

В актах, принятых в рамках ООН, на саммитах или на национальном уровне, а также в доктринах международных отношений и международного права, где затрагиваются угрозы международной безопасности, обычно речь идёт о «старых» (прежних) угрозах и о «новых» угрозах, однако анализ соответствующим

актов не даёт чёткую картину о различиях между этими категориями угроз. В этом отношении заслуживают внимания те параметры, на основе которых в доктрине даются их характеристики.

Во-первых, «новые» угрозы от «старых» отличаются своим происхождением: всё чаще их источником

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права РУДН, профессор МГИМО МИД России, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. *SPIN-код*: 8944-1427, *E-mail*: a.solntsev@gmail.com

ГУСЕЙНОВА Гюнай Видади-кызы – аспирант кафедры международного права РУДН. *E-mail*: gunanalilva5@gmail.com

Ключевые слова: глобализация, современные угрозы и вызовы, международное право, международные отношения, ООН, права человека, международный терроризм, миграция, изменение климата.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10315), реализуется в Санкт-Петербургском государственном университете.

становятся не только и не столько государства, сколько собственно функционирование всей системы международных отношений, а также диспропорции и асимметрии развития современного мира.

Во-вторых, новые угрозы не уничтожают государство, а подвергают эрозии, что в перспективе угрожает целостности системы как таковой.

В-третьих, при отсутствии ответа на вопрос, на кого возложена ответственность по борьбе с новыми угрозами и какими методами её осуществлять, следует определиться: только государства должны противостоять им или же необходимо создать специальные механизмы глобального и (или) регионального форматов?

В-четвёртых, общим фоном для роста новых угроз становится процесс глобализации.

Если в отношении характеристик «старых» и «новых» угроз можно найти достаточное число работ, где разъясняются эти феномены, то в отношении характеристик «новых» и «старых» вызовов имеется ограниченное число. В этом отношении привлекает внимание типология новых аспектов безопасности, данная отечественными специалистами И. Д. Звягельской и В. В. Наумкиным по шкале «угрозы – вызовы – риски». По этой типологии к угрозам относятся явления, которые требуют непосредственных и незамедлительных действий по их нейтрализации (например, терроризм, международ-

ная организованная преступность), а к вызовам – группа явлений дестабилизирующего характера, в отношении которых необходима долговременная стратегия противодействия (например, проблемы миграции, беженцев) [1].

Таким образом, в условиях глобализации понимание международной безопасности приобрело характер многоаспектности и полисемантической. Новыми измерениями безопасности помимо военных угроз также стали так называемые «мягкие» угрозы, такие как экономическое, экологическое, демографическое, информационное, продовольственное и иное измерение международной безопасности.

В отличие от традиционных военно-стратегических угроз, новые угрозы приобрели системный характер и оказались тесным образом связаны с проблемами современного глобального и регионального развития как такового. Вызовы, прежде всего «новые» вызовы, международной безопасности имеют не только глобальное, но и региональное измерение.

Многие угрозы глобального масштаба стали объектом пристального внимания со стороны международного сообщества благодаря проведению международных конференций в рамках или под эгидой ООН в 70-х, 80-х и 90-х годах по таким проблемам, как экологическая деградация, рост населения, урбанизация, пандемия СПИДа, борьба с нищетой и др. [2].

¹ Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда в Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. проф. А. Д. Воскресенского, проф. Н. П. Малетина. М., 2001. С. 279.

² Schechter M. G. United Nations Global Conferences. L.: Routledge, 2005.

ООН приходится функционировать в условиях всё более глобализирующегося мира, когда государства и народы становятся всё более взаимосвязанными и взаимозависимыми, особенно в сфере торговли, финансов и кредитования, инвестиций и т. д. [3].

Отечественный исследователь М. А. Чешков даёт общее понимание глобализации: это «процесс сочетания различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества» [4].

Российский учёный В. И. Блищенко указывает на основную характерную черту глобализации: весь мир становится общим пространством для человеческой деятельности, она ассоциируется с состоянием сокращения времени и пространства [5].

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун с глобализацией ассоциирует эпоху великих перемен и великих возможностей и обращает внимание на то, что ООН не существует в изоляции от этих реалий, она пытается соответствовать требованиям и отвечать вызовам, характерным глобализирующемуся миру [6].

Кофи Аннан – предшественник Пан Ги Муна на посту Генерального секретаря ООН, в своём докладе

(2005 г.) констатировал: «В эпоху глобальной взаимозависимости общность наших интересов, если её правильно осознать, должна сплотить все государства ради достижения этих целей. В эпоху глобального изобилия у нас есть ресурсы для резкого сокращения того огромного разрыва, который сохраняется между богатыми и бедными, если только нам удастся высвободить эти ресурсы на благо всех народов. После периода сложного развития международных отношений и перед лицом как новых угроз, так и старых угроз в новом обличье многие круги проявляют сильное стремление к достижению нового консенсуса, на котором будут зиждиться коллективные действия. Есть желание осуществить наиболее далеко идущие реформы за всю историю Организации Объединённых Наций, с тем чтобы вооружить её всем необходимым и выделить ей достаточные ресурсы для содействия успешной реализации этой повестки дня XXI века» [7].

В докладе указано на те изменения, которые заставляют человечество действовать совместно. Речь идёт прежде всего о вызовах изменяющегося мира, которые проявляются в виде различных опасных явлений и тенденций.

³ Held D., McGrew A. G. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999.

⁴ Чешков М. А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002 / сост. Т. А. Шаплеина. М., 2002. С. 114.

⁵ См.: Блищенко В. И. Глобализация и международное право // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». М., 2004. С. 18.

⁶ Пан Ги Мун. ООН в эпоху великих перемен // ООН в России. 2013. № 1. С. 3.

⁷ Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» 2005 г. // Док. ООН A/59/2005 // URL: www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml

Так, террористические акты, совершённые 11 сентября 2001 г. в США, заставили даже наиболее могущественные государства почувствовать себя уязвимыми. Всё более очевидным становится тот факт, что дисбаланс сил в мире является источником нестабильности. Разногласия крупных держав по ключевым вопросам мировой политики не способствуют сокращению числа вооружённых конфликтов в мире. Ныне свыше 40 стран затронуты насильственными конфликтами. Количество внутренне перемещённых лиц в последнее время резко выросло, причём почти до одной трети из них помощь ООН не доходит.

Чума современного мира – ВИЧ/СПИД – унесла жизни свыше двух десятков миллионов мужчин, женщин и детей, а количество инфицированных уже превышает 40 млн.

В условиях глобализирующегося и изменяющегося мира всё чаще стали говорить об изменении международного правопорядка, что не отражает действительность. Дело в том, что современный международный правопорядок определяется современным международным правом, и прежде всего Уставом ООН. Если положения Устава ООН действуют, их никто не отменял или не изменял по установленным Уставом правилам, то тогда каким образом изменился международный правопорядок? Не следует путать международный правопорядок с международным миропорядком: последний больше ассоциируется с по-

литикой в международных делах, не всегда соответствующей международно-правовым установкам.

Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях глобализирующегося мира становится всё сложнее разграничивать понятия «миропорядок» и «международный правопорядок». В решении этой задачи помогает современное международное право.

Известный отечественный правовед и практик, доктор юридических наук, профессор Б. С. Эбзеев в монографии, выполненной в соавторстве с В. Е. Чуровым, отмечает следующее: «Четверть века назад исчезла биполярная система мира. ...Мир, однако, не стал более стабильным, деградируют ключевые международные институты» [8].

В монографии подтверждается, что глобализация сопровождается глобальной конкурентной борьбой, в которой активно используются средства политического, экономического, информационного и военного характера; по-разному распределяются негативные последствия глобализации и предоставляемые ею блага. В ней воспроизводится мнение о том, что «глобализация осуществляется прежде всего ради прибыли динамичных и мощных стран» [9].

Характерной чертой глобализирующегося мира является его несправедливость. Верховный комиссар ООН по правам человека, выступая в начале марта 2016 г. на мероприятии Совета ООН по правам человека, посвящённом празднованию 50-летия принятия двух Международных пактов о правах человека, констатировал, что совре-

⁸ Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М.: РЦОИТ, 2015. С. 3.

⁹ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 71.

менное международное сообщество далеко от того состояния, на достижение которых были направлены эти пакты. В качестве подтверждения этого он привёл тот факт, что 62 богатейших человека планеты владеют столькими же богатствами, сколько и 3,8 млрд чел. вместе (т. е. более половины населения планеты).

Международное сообщество пытается исправить эту несправедливость различными способами, в том числе путём принятия целей развития. На Саммите тысячелетия (2000 г.) были определены восемь целей развития тысячелетия (ЦРТ). Монтеррейский консенсус Международной конференции по финансированию развития (2002 г.) и саммит «Группы восьми» (Гленнигс, 2005 г.) вроде бы укрепили надежду на достижение этих целей в связи с обещаниями со стороны экономически развитых государств увеличить объём финансовой помощи в целях развития, половина которой должна была быть предоставлена странам Африки.

Действительно, объём помощи за период с 2000 г. по 2014 г. увеличился на 66% (с 81 млрд долл. в 2000 г. до 135,2 млрд долл. в 2014 г.) [10]. Однако в конечном счёте объём показателя общей помощи развитию составил 0,4% от валового национального дохода (ВНД) развитых стран (первоначально было предусмотрено выделение 0,7% ВНД).

25 сентября 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию

70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Несмотря на недостижение ряда ЦРТ, в ней были закреплены амбициозные 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач.

ЦУР на концептуальном уровне предусматривают сбалансированность трёх компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Для достижения ЦУР, по оценкам экспертов ООН, потребуется 17–22 трлн долл., при том что в среднем годовой объём мировых финансовых активов составляет всего 218 трлн долл.

Анализ докладов Рабочей группы ООН по финансированию устойчивого развития и Межправительственного комитета экспертов по финансированию устойчивого развития, а также итогового документа Аддис-Абебской международной конференции по финансированию развития (13–16 июля 2015 г.) [11], к сожалению, не дают твёрдой уверенности в том, что финансирование развития будет обеспечено в полном объёме, т. е. на него будет выделяться более 1 трлн долл. в год.

Какие бы цели развития ни ставились мировым сообществом, очевидно, что основная проблема мирового развития всё равно остаётся нерешённой. Это несправедливая система международных экономических отношений, на что обращалось внимание еще в 1974 г. при приня-

¹⁰ Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, 2015 // URL: www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf

¹¹ Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa, Ethiopia, 13–16 July 2015). United Nations, New York, 2015 // URL: www.un.org/esa/ffd/wp.../2015/08/AAAA_Outcome.pdf

тии Генеральной Ассамблеей ООН Декларации об установлении нового международного экономического порядка [12].

В данной декларации подчёркнуто, что международное сотрудничество в целях развития «является совместной целью и общим долгом всех стран»; данное сотрудничество должно основываться на справедливости, посредством чего могут быть ликвидированы преобладающие в мире диспропорции.

Декларация предусматривает ведение преференциального и невзаимного режима для развивающихся стран во всех областях международного экономического сотрудничества, а также обеспечение доступа развивающихся стран к достижениям современной науки и техники и передачу им технологий.

Без решения основной проблемы, отмеченной выше, и, следовательно, в условиях отсутствия у подавляющего числа государств средств для достижения ЦУР, ожидать выделения достаточных для этого средств от экономически развитых государств не приходится.

С этой позиции вызывают сомнения и итоги Парижской конференции по климату (ноябрь 2015 г.).

На этой конференции государства договорились не допускать повышения температуры атмосферы планеты более чем на 2 градуса по Цельсию, а в идеале повышение не должно превышать

1,5 градусов [13]. Предусматривается ежегодное выделение 100 млрд долл. начиная с 2020 г. Создана специальная комиссия, которая будет следить за выполнением данного соглашения.

Однако вновь возникает вопрос: будут ли выделяться такие объёмы финансовых ресурсов в действительности? Определены ли источники стабильного финансирования?

В свете глобализации наблюдается любопытное состояние международного сообщества: вместе с достаточно отчётливым осознанием положительных и отрицательных её последствий международное сообщество не в состоянии продемонстрировать адекватную готовность к решительным действиям; оно как бы плывёт по течению и довольствуется констатацией негативных сторон процесса глобализации, вместо того чтобы искать реальные пути и средства их преодоления.

Доказательством этого являются ЦУР, для достижения которых требуются значительные финансовые средства. Предложения по их изысканию разные.

Например, президент Казахстана Н. Назарбаев призвал все государства – члены ООН выделить на эти цели по 1% из их военных бюджетов. Пока не последовали какие-либо положительные реакции со стороны других государств. Зато наблюдает-

¹² Декларация об установлении нового международного экономического порядка // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г. Док. ООН A/RES/3201(S-VI) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml

¹³ Солнцев А. М. Борьба с изменениями климата в эпоху антропоцена: международно-правовые аспекты // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). Материалы конференции в 4 частях. М.: Проспект, 2016. Ч. 2. С. 202–207.

ся повсеместное увеличение военных расходов.

Достижение ЦУР, включая искоренение нищеты и голода во всём мире, потребует ежегодных вложений в размере от 3,5 до 5 трлн долл. в условиях, когда военные расходы в 2014 г. составили 1,8 трлн долл.

По данным Стокгольмского международного института по исследованию вопросов мира (СИПРИ), в 2014 г. следующие шесть государств были ведущими по объёму военных затрат: США – 610 млрд долл.; КНР – 216 млрд долл.; Россия – 84,5 млрд долл.; Саудовская Аравия – 80,8 млрд долл.; Франция – 62,3 млрд долл.; Великобритания – 60,5 млрд долл., а Великобритания заявила об увеличении военного бюджета на 18 млрд долл. в течение 10 лет.

Такую ситуацию охарактеризовал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, по образному выражению которого «мир перевооружён, однако мир недофинансирован».

Генеральная Ассамблея ООН ежегодно принимает резолюции, касающиеся разоружения. В связи с этим напомним, что первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения и развития состоялась в 1978 г., однако до сих пор в данной сфере нет каких-либо положительных сдвигов.

В контексте сказанного возникают вопросы: что такое «глобализация» и откуда она берёт своё начало?

Глобализация – это продукт научно-технического развития или же результат осознания социумом, организованным в международное сообщество государств, определённого состояния своего развития?

Если исходить из того, что единственное разумное существо на Земле – человек, который по всем зако-

нам (земным и небесным) изначально был обречён взаимодействовать с другим человеком, то где бы он ни жил – в первобытном обществе или в развитом государстве, – человечество в целом должно двигаться от простой формы организации к более сложной. При таком подходе начало процесса глобализации не укладывается в какие-либо временные рамки, обозначенные различными науками гуманитарного профиля.

В последнее время в дипломатии, в политическом лексиконе, в международных документах, принятых в рамках ООН и других международных форумов межправительственного и неправительственного характера, в международно-правовой литературе и т. д. часто используются термины «угрозы» и «вызовы» в различных коннотациях (например, «новые угрозы», «новые вызовы»), способность предотвращения и преодоления которых всё чаще выступает мерилем эффективности современного международного права и дееспособности международных межправительственных объединений глобального управления в области обеспечения международного мира и безопасности, здравоохранения, финансов, кредитования и в других сферах.

К сожалению, мы не можем обратиться к какому-либо международно-правовому акту, в котором бы содержались исчерпывающие ответы на эти вопросы. В документах, принятых главными органами ООН (Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности) или их функциональными органами (например, Совет по правам человека, СПЧ), а также специализированными учреждениями

ями системы ООН (такими как ВОЗ, ЮНЕСКО и др.), содержатся лишь отдельные положения о некоторых видах «вызовов», которые нередко по своему характеру пересекаются с «угрозами» международному миру и безопасности человечества.

При этом медленная и неадекватная реакция международного сообщества на эти «вызовы» и «угрозы» подтверждает то, что степень осознания суверенными государствами реальной опасности уже существующих «вызовов» и «угроз» для человечества и его благополучия во многом отстаёт от их темпа роста в количественном отношении и по их масштабу.

Не без оснований генеральный директор ФАО Жозе Грациану да Силва, выступая на форуме *EXPO-2015* (Милан, 19 октября 2015 г.), задался вопросом: как можно умудриться, чтобы, имея достаточные данные об ухудшении экологического состояния Земли, продолжать уничтожать планету вместо её защиты?

Ещё в 1994 г. в докладе ПРООН под названием «Новые измерения безопасности человека» охрана здоровья человека была определена как одна из сфер, подпадающих под угрозу [14]. Комиссия ООН по безопасности человека, учреждённая с целью включения вопроса об обеспечении безопасности человека в деятельность системы ООН, в своём докладе «Безопасность человека сегодня» (2003 г.) определила безопасность

человека как важную часть безопасности государств [15].

Несмотря на подобные заявления, число угроз и вызовов возрастает. Для подтверждения сказанного рассмотрим два явления современного мирового развития: пандемию ВИЧ/СПИД, которая была затронута выше, и международный терроризм.

Начиная с 1988 г. 1 декабря каждого года отмечается Всемирный день борьбы со СПИДом. Несмотря на то что в этот день выражается тревога всемирного масштаба в связи с гибелью миллионов людей от этой пандемии, число заражённых растёт: ныне около 76 млн чел. заражены ВИЧ и около 40 млн – СПИДом.

Появление таблеток против зачатия, антибиотиков против болезней, передаваемых половым путём, легализация аборт, широкая доступность марихуаны, употребление наркотических средств внутривенным путём дало толчок гетеросексуальной активности и гей-активизму. Напомним, что первый случай ВИЧ-инфицированного был зафиксирован в 1981 г. в США среди геев. Эта болезнь особо распространена среди геев, мультисексуальных групп, наркоманов и занимающихся проституцией.

В 1987 г. ВОЗ приняла Всемирную программу по борьбе со СПИДом, однако она не была в состоянии предотвратить рост числа заражённых. В июне 2001 г. была проведена Специальная сессия Генеральной Ас-

¹⁴ United Nations Development Programme. Human Development Report 1994. New Dimensions of Human Security // URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf.

¹⁵ Human Security Now. Commission on Human Security. New York, 2003 // URL: <http://www.unocha.org/humansecurity/chs/finalreport/English/FinalReport.pdf>.

самблеи ООН по борьбе с ВИЧ/СПИДом.

ВОЗ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ВБ и ЮНФПА выработали собственные программы действий по борьбе с ВИЧ/СПИДом и стали координировать свои усилия. В 1993 г. они создали межучрежденческую рабочую группу – Комитет финансируемых организаций. В результате в 1995 г. была принята Объединённая программа ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС).

К сожалению, вышеперечисленные международные структуры не могут объединить свои усилия: вся их деятельность ограничивается координирующей работой, хотя пандемия ВИЧ/СПИДа является общей угрозой.

Несмотря на различные усилия, принимаемые на международном и внутригосударственном уровнях, с 1995 г. были инфицированы более 22 млн чел., 6 млн из которых скончались от этой болезни. Присоединение к данной объединённой программе УВКБ ООН, ВПП ООН, «ООН-женщины», УНП ООН и МОТ не смогло переломить тенденцию роста числа заражённых: прошло 35 лет после обнаружения первого случая заражения ВИЧ-инфекцией, каждый день их число возрастает на 6 тыс. чел.

От этой болезни каждый день умирают около 4 тыс. чел. В таких условиях только 15 млн ВИЧ-инфицированных имеют доступ к лечению, а 22 млн не имеют таких возможностей; около 1,5 млн больных СПИДом умерли в 2014 г.

Относительно второго явления – терроризм – целесообразно напом-

нить о том, что 13 ноября 2015 г. международное сообщество в очередной раз сотряс теракт в Париже. При этом мало кто знает о том, что только в 2014 г. число жертв терактов во всём мире возросло на 80%. Это самый высокий показатель за всё время. Большинство террористических актов совершалось в государствах, из которых исходило больше всего беженцев.

Институт экономики и мира выработал Глобальный индекс терроризма и представил его 17 ноября 2015 г.

Согласно этому индексу число погибших от терроризма с 2000 г. выросло в девять раз.

В 2014 г. в результате терактов, совершённых в 67 государствах, погибли 32658 чел. 78% из числа этих жертв приходится на пять государств: Ирак, Нигерия, Афганистан, Пакистан и Сирия. Только в Нигерии число жертв терроризма выросло на 300% и составило 7512 чел. Это – результат преступной деятельности террористической организации «Боко Харам».

Самой большой террористической группировкой в мире стало так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ, ИГ, ДАИШ, ISIL)*.

В вышеупомянутом Глобальном индексе указывается на связь между террористической деятельностью и некоторыми государствами, а также на прямую взаимосвязь между ростом числа беженцев и внутренне перемещённых лиц и терроризмом.

На пять государств, наиболее пострадавших от терроризма, в 2014 г.

* Запрещена в Российской Федерации на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14–1424С, вступившего в силу 13 февраля 2015 г. // Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

приходилось более 16 млн беженцев и внутренне перемещённых лиц.

К числу таких государств относится Сирия, где с 2011 г. идёт кровопролитная война, вызванная вмешательством извне. На Сирию приходится более 7 млн внутренне перемещённых лиц и 4 млн беженцев. Сирийцы также составляют большинство из лиц, ищущих убежище в Европе.

Становится очевидным, что в условиях глобализации всё более взаимозависимого мира при наличии реальных и потенциальных угроз для международной безопасности возрастает значение основополагающего принципа международного права – обязанности государств сотрудничать друг с другом. Следует констатировать, что добровольное сотрудничество государств в сфере устранения общих угроз трансформируется в добровольно-принудительное взаимодействие под давлением указанных угроз.

В этих условиях жизнеспособность, авторитет и эффективность международного права в полной мере зависят от поведения непосредственно государств и их активного сотрудничества. Все пороки, приписываемые международному праву и ООН, предопределены действиями или бездействием в первую очередь государств-членов, которые обязаны добросовестно и полностью выполнять взятые на себя международные обязательства.

Если международное право адекватно не отражает потребности международного развития, то причина кроется прежде всего в незаинтересованности, пассивных действиях или вообще бездействии суверенных государств. Если межгосударственные институты коллективного дей-

ствия, в первую очередь ООН, адекватно не реагируют на нарушения (особенно грубые) международного правопорядка, то причина в отсутствии политической воли у государств действовать совместно, оперативно, правомерно и легитимно на основе существующих международно-правовых предписаний.

Очевидно, что роль современного международного права в качестве регулятора международных отношений и как средства разрешения международных разногласий и конфликтов во многом предопределена тем, насколько основные субъекты международного права и международных отношений (суверенные государства, а также их лидеры) адекватно осознают, в каком мире мы живём. И более того, насколько они готовы действовать совместно по противостоянию общим угрозам и обеспечению общих интересов.

В представленном Группой высокого уровня докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность» говорится о глубоких разногласиях между государствами относительно характера угроз, с которыми сталкивается международное сообщество. В названном документе признаётся необходимость выработки широкой, более всеобъемлющей концепции коллективной безопасности, в которой бы рассматривались «новые» и «старые» угрозы, а также учитывалась бы озабоченность всех государств по поводу международной безопасности.

Создавая в 1945 г. ООН, государства антигитлеровской коалиции понимали концепцию коллективной безопасности в традиционном военном значении. В Уставе ООН зафиксировано, что агрессия против одно-

го государства – члена ООН является агрессией против всех государств, что предполагает коллективное реагирование. Очевидно, что в XXI в. в условиях нарастающей глобализации, возникновения новых угроз и вызовов международному правопорядку требуется более глубокое понимание системы коллективной безопасности во всех её измерениях: военном, политическом, экономическом, гуманитарном, экологическом, информационном.

Перечень названных измерений всё время расширяется под давлением реальных кризисов, таких как продовольственный, экономический, финансовый и т. п. Дело в том, что человечество вступило в эпоху беспрецедентной взаимообусловленности самих угроз для международного мира и безопасности.

Например, нищета порождает массовую миграцию населения и является благодатной почвой вербовки для террористов.

Эти угрозы не знают национальных границ. Ни одно государство, каким бы сильным оно ни было, не может самостоятельно оградить себя от современных угроз.

Специфика развития международных отношений в настоящее время заключается в том, что серьёзные угрозы международной безопасности не сводятся исключительно к межгосударственным военным конфликтам. Эти угрозы включают в себя войны и насилие внутри государств (гражданские войны), преступление геноцида, ухудшение состояния окружающей среды, распространение и возможность применения ядерного, химического, биологического и радио-

логического оружия, терроризм, транснациональную организованную преступность, нищету, инфекционные болезни и др. С точки зрения Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, современное состояние мира характеризуется растущими проблемами и всё более ограничивающимися ресурсами.

ООН на основе современного международного права может:

1. Содействовать налаживанию и ведению общего диалога в целях:

– определения и согласования общего видения перспектив;

– выработки совместных комплексных решений глобальных проблем.

2. Легитимизировать новые нормы, подходы, структуры и процессы в сфере международного сотрудничества.

В основе любой модели дальнейшего укрепления системы коллективной безопасности должен лежать баланс между интересами суверенных государств и интересами мирового сообщества в целом. Международное право является механизмом обеспечения интересов каждого государства и постепенно вырабатывает нормы и механизмы по защите интересов всего мирового сообщества, выражающихся в обязательствах, имеющих характер *erga omnes*.

У международного права нет альтернативы. В условиях наличия консенсуса государств по важным аспектам мироустройства ООН в состоянии выполнить поставленную в её Уставе задачу – быть центром для согласования действий государств-членов в достижении общих целей (п. 4 ст. 1 Устава ООН).

Как итог рассматриваемой проблемы следует привести слова известного учёного, юриста-международ-

ника, профессора В. А. Карташкина: «Всем, наконец, надо признать, что без международного права не может существовать современная цивилизация, а отказ от его соблюдения ввергнет мир в анархию. ...В современном мире лишь путём согласо-

вания межгосударственных позиций с учётом разумного сочетания интересов государства, личности и международного сообщества в целом можно создать такой правопорядок, который будет достойным цивилизации XXI века» [16].

Осознание неделимости развития, безопасности и прав человека требует адекватных коллективных мер

Неделимость этих трёх важных аспектов нашла отражение в докладе Генерального секретаря ООН [7], где отмечено: «Мы не можем обеспечить развитие, не обеспечив безопасность, мы не можем обеспечить безопасность, не обеспечив развитие, и мы, конечно же, не можем обеспечить ни то ни другое без обеспечения прав человека».

После этой констатации делается вывод: если не будет достигнут прогресс по всем этим трём направлениям, то ни по одному из них нельзя будет добиться успеха. Генеральный секретарь ООН убеждён в том, что в новом тысячелетии деятельность ООН должна приблизить мир к тому дню, когда все люди смогут свободно выбирать, какую жизнь они хотят прожить, и будут иметь доступ к ресурсам, которые помогут им сделать такой выбор осмысленным и обеспечить безопасность, чтобы они могли жить в мире.

В докладе подтверждается очевидная заинтересованность каждой страны в том, что в мире взаимозависимых угроз и вызовов необхо-

димо адекватно реагировать на все из них эффективно. Этого можно достичь лишь посредством широкого, глубокого и устойчивого глобального сотрудничества между государствами. Такое сотрудничество, в свою очередь, возможно только в том случае, если каждая страна в своей политике будет учитывать не только потребности своих собственных граждан, но и потребности всех других людей.

Международное сообщество в целом и международные институты глобального управления в частности должны быть заинтересованы в том, чтобы суверенные государства оставались незаменимыми составляющими международной системы. Если государства будут слабые, то народы мира не смогут жить в безопасности и пользоваться плодами развития и справедливости. Поэтому один из главных вызовов нового тысячелетия заключается в том, чтобы обеспечить такое положение, при котором все государства были бы достаточно сильными и могли бы преодолевать негативные тенденции

¹⁶ *Карташкин В. А.* Верховенство международного права в мировой политике и на национальном уровне // *Обозреватель–Observer*. 2015. № 11. С. 116, 121.

в международных отношениях, которые всё чаще дают о себе знать.

Известный российский учёный-правовед и практик профессор Б. С. Эбзеев, в частности, выделяет два противоположных вектора в международных отношениях. Один – вектор правового развития современного мира, означающий, что глобализация и свойственные ей интеграционные процессы в обозримом будущем будут осуществляться в рамках «сообществ государств», которые будут базироваться на сложившемся международном правопорядке и его давно ставших универсальными принципах. Этому вектору противостоит другой вектор, характеризующийся тем, что формируются «государства государств», основывающиеся на исключительном государственном суверенитете транснациональном правопорядке, формируемом либо посредством экономического давления, либо под угрозой силой или её применения. Вектор «государств государств» основывается на началах господства и подчинения, а вектор «сообществ государств» – на суверенном равенстве и сотрудничестве государств [17].

Для построения безопасного и справедливого мира необходимы эффективные глобальные и региональные межправительственные учреждения по мобилизации и координации коллективных действий. И здесь особая ответственность ложится на ООН как на единственную в мире универсальную организацию, наделённую мандатом рассматривать вопросы безопасности, раз-

вития и прав человека. По мере того как глобализация сокращает расстояния на земле и эти вопросы становятся всё более взаимосвязанными, преимущества ООН проявляются с ещё большей очевидностью.

Человечество обязано адекватно реагировать на непосредственные угрозы, и оно должно достичь единства по вопросу содействия мировому социально-экономическому развитию, что предполагает наличие консенсуса в том, как противостоять новым угрозам. Только за счёт решительных действий возможно ответить на неотложные вызовы в сфере безопасности и одновременно добиться успехов в борьбе с негативными последствиями социально-экономического характера.

Учитывая сказанное, в докладе Генерального секретаря ООН усилия международного сообщества обозначены по двум ключевым задачам: избавление от нужды и избавление от страха.

Первая задача предполагает, в частности, намерение международного сообщества сократить масштабы нищеты (каждый седьмой житель на планете живёт в условиях крайней нищеты, не имея средств для выживания перед лицом хронического голода). Мир, в котором ежегодно умирают 11 млн детей до пяти лет, нельзя назвать миром большей свободы.

Конференции и саммиты ООН создали всеобъемлющие нормативные рамки вокруг связей между развитием, безопасностью и правами человека путём формирования широкого видения общих приоритетов

¹⁷ Эбзеев Б. С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 13–14.

развития. Это заложило основу для разработки на Саммите тысячелетия 2005 г. ряда ограниченных конкретными сроками целевых показателей, охватывающих все упомянутые области. Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, отразили насущные и принятые, а также одобренные на глобальном уровне приоритеты.

В основе, например, крайней нищеты лежат многие причины – начиная от неблагоприятного географического положения и неэффективного (возможно, коррумпированного) управления и кончая разрушительными конфликтами и их последствиями.

Очевидно, что для обеспечения всеобщего доступа к первичному медико-санитарному обслуживанию, в том числе к службам, занимающимся охраной здоровья матери и ребенка, поддержанием здоровья и борьбой со смертоносными заболеваниями, такими как туберкулез и малярия, необходимо наличие мощных систем здравоохранения. Глобальные фонды борьбы с пандемиями играют ведущую роль в глобальных усилиях.

Однако многое ещё предстоит сделать для того, чтобы добиться поставленных целей. Некоторые правительства даже не начали активно бороться с этими проблемами. Ресурсы, выделяемых на борьбу с отмеченными проблемами, по-прежнему недостаточно для принятия всеобъемлющих комплексных эффективных мер.

Ещё в 2001 г. Генеральный секретарь ООН призвал международное сообщество ежегодно выделять от 7 до 10 млрд долл. на покрытие прогнозируемых потребностей в борьбе с ВИЧ/СПИДом в развивающемся мире. В полном объёме эта сумма до сих пор не выделяется, а масштабы распространения заболевания продолжают расти.

В результате разрыв между требуемыми и выделяемыми ресурсами всё больше увеличивается.

Как уже было отмечено, одним из источников финансирования по достижению ЦРТ была определена официальная помощь в целях развития (ОПР). Однако глобальный показатель ОПР на протяжении десятилетия имел нестабильный характер. Более того, значительная часть этой суммы ОПР отражала списание долга и понижение курса доллара, а не чистое долгосрочное финансирование. В итоге не удалось обеспечить создание международного финансового механизма для содействия мобилизации средств по линии ОПР.

С вопросом ОПР тесно связаны многие проблемы, в том числе проблема внешней задолженности государств.

В соответствии с Инициативой в отношении бедных стран с крупной задолженностью (БСКЗ) были взяты обязательства по выделению 54 млрд долл. для снижения задолженности 27 стран. Однако несмотря на наличие доказательств того, что подобные меры позволяли высвободить ресурсы, имеющие важное значение для достижения ЦРТ, предоставляемой помощи было недостаточно для удовлетворения потребностей.

Чтобы добиться дальнейшего прогресса, очевидно, следует пересмотреть определение приемлемого уровня задолженности, определив его как уровень задолженности, который позволит стране достичь ЦУР. Однако для доведения долга большинства стран, относящихся к группе БСКЗ, до этого уровня требуется перейти на выделение им новых финансовых ресурсов исключительно в виде безвозмездных субсидий и осуществить 100-процентное списание долга, в то время как для достижения этого уровня многими странами с высоким уровнем задолженности, не относящимся к группе БСКЗ, и странами со средним уровнем

дохода потребуется осуществить гораздо более значительное сокращение объёма долга, чем им обычно предлагалось.

При этом дополнительное списание долга должно производиться без отвлечения ресурсов, предлагаемых другим развивающимся странам, и без ущерба для финансовой жизнеспособности международных финансовых учреждений.

При такой постановке вопроса Бреттон-Вудским учреждениям следует принять серьёзные меры по определению правил действий, чтобы увеличить степень доверия со стороны развивающихся стран в отношении их деятельности.

Открытая и равноправная торговая система – необходимое условие для экономического роста и сокращения масштабов нищеты. По этой причине вопросы развития с полным основанием занимают центральное место в повестке дня раундов многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО, включая Дохийский раунд. Дело в том, что развивающиеся страны не могут на равных конкурировать в глобальной торговле, поскольку экономически развитые страны используют самые разные таможенные пошлины, квоты и субсидии для ограничения доступа на свои рынки и защиты собственных производителей. Для исправления сложившейся системы требуется, чтобы развитые страны разработали график ликвидации барьеров, препятствующих доступу на рынки, и приступили к поэтапной отмене внутренних субсидий, вызывающих торговые диспропорции, особенно в сельском хозяйстве. В качестве первого шага эти государства должны предоставить беспошлинный и неквотируемый доступ на рынки всей продукции, экспортируемой наименее развитыми странами.

Все попытки покончить с нищетой окажутся безрезультатными, если процесс экологической деградации будет продолжаться неослабевающими темпами. Для решения задач в области охраны окружающей среды, таких как совместные водотоки, леса, морское рыболовство и биологическое разнообразие, необходимо активизировать глобальные и региональные усилия. Особенно безотлагательной представляется задача решения международным сообществом следующих важнейших проблем.

Опустынивание. Деградация более миллиарда гектаров земли отрицательно сказывается на развитии во многих регионах мира. Миллионы людей вынуждены покидать свои земли, поскольку не в состоянии более заниматься сельским хозяйством или вести кочевой образ жизни. Для борьбы с опустыниванием международное сообщество должно поддерживать и обеспечивать реализацию Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьёзную засуху и (или) опустынивание, особенно в Африке.

Биологическое разнообразие. Утрата биологического разнообразия – процесс, развивающийся беспрецедентными темпами в разных регионах. Эта тенденция, сама по себе тревожная, также оказывает негативное влияние на состояние здоровья, уровень жизни, производство продовольствия и доступ к чистой воде, повышая уязвимость населения для стихийных бедствий и изменения климата. Для изменения этих тенденций правительствам следует в индивидуальном и коллективном порядке принять меры

по выполнению Конвенции о биологическом разнообразии и других международных обязательств, касающихся данной проблематики.

Изменение климата. Одной из серьёзнейших экологических проблем и проблем развития в XXI в. является изменение климата, а задача противодействия этому явлению и борьбы с его последствиями становится важнейшей. Вступление в силу в феврале 2005 г. принятого в 1997 г. Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата представляло собой важный шаг по решению проблемы глобального потепления. Чрезвычайно важное значение имеет принятое в декабре 2015 г. Парижское соглашение по климату.

Для удовлетворения более широкого круга потребностей в области развития необходимо также принять меры в других областях, например, таких как борьба с инфекционными заболеваниями, регулирование миграции, уменьшение опасности стихийных бедствий.

Природные катастрофы постоянно напоминают об уязвимости человеческой жизни перед стихийными бедствиями. На состоявшейся в начале 2005 г. Всемирной конференции по уменьшению опасности

бедствий была принята Хиогская рамочная программа действий на 2005–2015 гг., в которой определены стратегические задачи деятельности по уменьшению опасности бедствий.

А в марте 2015 г. была принята Сендайская рамочная программа действий по уменьшению опасности бедствий на 2015–2030 гг.

В повестке дня Организации Объединённых Наций стоит задача создать на базе существующих национальных и региональных возможностей всемирную систему раннего предупреждения всех стихийных бедствий, координатором которой может стать Международная стратегия по уменьшению опасности бедствий.

Сегодня за пределами своих стран происхождения проживает больше людей, чем когда бы то ни было в истории, причём в будущем их число, как ожидается, будет возрастать. Миграция сопряжена с множеством сложных проблем. В отсутствие регулирования она может провоцировать возникновение острой социально-политической напряжённости, что уже наблюдается в странах Европейского союза и регионах Северной Африки и Ближнего Востока.

Подводя итог, следует указать, что в условиях глобализирующегося и изменяющегося мира всё чаще стали говорить об изменении международного правопорядка, что он не отражает действительность. Дело в том, что современный международный правопорядок определяется современным международным правом, и прежде всего Уставом ООН. Если положения Устава ООН действуют, их никто не отменял или не изменял по установленным Уставом правилам, то тогда каким образом изменился международный правопорядок?

Не следует путать международный правопорядок с международным миропорядком: последний больше ассоциируется с политикой в международных делах, не всегда соответствующей международно-правовым установкам.

ООН была, есть и будет оставаться основой международного правопорядка, она готова и впредь содействовать налаживанию и ведению общего диалога в целях определения и согласования общего видения перспектив, а также выработки совместных комплексных решений глобальных проблем.

Библиография • References

- Блищенко В. И. Глобализация и международное право // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». М., 2004. – 240 с.
- [Blischenko V. I. Globalizatsiya i mezhdunarodnoe pravo // Moskovskij yuridicheskij forum «Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI vek». М., 2004. – 240 s.]
- Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г. Док. ООН A/RES/3201(S-VI) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml
- [Deklaratsiya ob ustanovlenii novogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo poryadka. Rezolyutsiya General'noj Assamblei OON3201 (S-VI) ot 1 maya 1974 g. Dok. OON A/RES/3201(S-VI) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml]
- Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» 2005 г. Док. ООН A/59/2005 // URL: www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml
- [Doklad General'nogo sekretarya OON «Pri bol'shej svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vseh» 2005 g. Dok. OON A/59/2005 // URL: www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml]
- Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» от 2 декабря 2004 г. Док. ООН. A/59/565 // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml
- [Doklad Gruppy vysokogo urovnya po ugrozam, vyzovam i peremenam «Bolee bezopasnyj mir: nasha obschaya otvetstvennost'» ot 2 dekabrya 2004 g. // Dok. OON. A/59/565 // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml]
- Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.
- [Edinyj federal'nyj spisok organizatsij, v tom chisle inostrannyh i mezhdunarodnyh organizatsij, priznannyh v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federatsii terroristicheskimi // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.]
- Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда в Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. проф. А. Д. Воскресенского, проф. Н. П. Малетина. М., 2001. – 355 с.
- [Zvyagel'skaya I.D., Naumkin V. V. Ugrozy, vyzovy i riski «netraditsionnogo» ryada v Tsentral'noj Azii // Aziatsko-Tihookeanskij region i Tsentral'naya Aziya: kontury bezopasnosti / pod red. prof. A. D. Voskresenskogo, prof. N. P. Maletina. М., 2001. – 355 s.]
- Карташкин В. А. Верховенство международного права в мировой политике и на национальном уровне // Обозреватель–Observer. 2015. № 11. С. 112–122.

- [Kartashkin V. A. Verhovenstvo mezhhdunarodnogo prava v mirovoj politike i na natsional'nom urovne // Obozrevatel'-Observer. 2015. № 11. S. 112–122]
- Пан Ги Мун. ООН в эпоху великих перемен // ООН в России. 2013. № 1.
[Pan Gi Mun. OON v epohu velikih peremen // OON v Rossii. 2013. № 1]
- Солнцев А. М. Борьба с изменениями климата в эпоху антропоцентрист: международно-правовые аспекты // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). Материалы конференции в 4 частях. М.: Проспект, 2016. Ч. 2. С. 202–207.
- [Solntsev A. M. Bor'ba s izmenenijami klimata v jepohu antropocentrist: mezhhdunarodno-pravovye aspekty // Razvitie rossijskogo prava: novye konteksty i poiski reshenija problem. III Moskovskij juridicheskij forum. X Mezhhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (Kutafinskie chtenija). Vaterialy konferencii v 4 chastyah. M.: Prospekt, 2016. Ch. 2. S. 202–207]
- Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. – 304 с.
[Utkin A. I. Globalizatsiya: protsess i osmyslenie. M., 2002. – 304 s.]
- Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, 2015 // URL: www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf
- [Tseli razvitiya tysyacheletija: doklad za 2015 god. Organizatsiya Ob'edinjonnyh Natsij, N'yu-Jork, 2015 // URL: www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf]
- Чешков М. А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002 / Сост. Т. А. Шаклеина. М., 2002. – 538 с.
- [Cheshkov M. A. Globalizatsiya: suschnost', nyneshnyaya faza, perspektivy // Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002 / Sost. T. A. Shakleina. M., 2002. – 538 s.]
- Чуров В. Е., Ебзеев Б. С. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М.: РЦОИТ, 2015. – 80 с.
[Churov V. E., Ebzeev B. S. Globalizatsiya. Mezhhdunarodnye gumanitarnye standarty. Suverenitet Rossii. M.: RTsOIT, 2015. – 80 s.]
- Ебзеев Б. С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–15.
- [Ebzeev B. S. Sovremennyj konstitutsionalizm kak sinteticheskoe edinstvo estestvennogo i pozitivnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 12. S. 5–15]
- Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa, Ethiopia, 13–16 July 2015). United Nations, New York, 2015 // URL: www.un.org/esa/ffd/wp.../2015/08/AAAA_Outcome.pdf
- Held D., McGrew A. G. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999. – 498 p.
- Human Security Now. Commission on Human Security. New York, 2003 // URL: <http://www.unocha.org/humansecurity/chs/finalreport/English/FinalReport.pdf>.
- Schechter M. G. United Nations Global Conferences. London: Routledge, 2005. – 321 p.
- United Nations Development Programme. Human Development Report 1994. New Dimensions of Human Security // URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf

Факторы безопасности для российской нации, государства и общества*

Угрозы силового использования социальных сетей

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН
Артём ЖУКОВ

Для того чтобы попытаться ответить на вопрос о характере и масштабах системных факторов безопасности**, вытекающих из угроз и политического использования социальных сетей, т. е. определить предельно допустимые значения этих опасностей и угроз, необходимо рассмотреть проблему в следующей последовательности:

- определить перечень и приоритетность основных объектов безопасности;
- выяснить характер и возможность использования социальных сетей в качестве средств силового политического воздействия и, соответственно, угроз безопасности;

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России. *E-mail:* podberezkin@gmail.com

ЖУКОВ Артём Владимирович – аспирант кафедры социологии МГИМО МИД России. *E-mail:* avzh86@rambler.ru

Ключевые слова: государство, нация, общество, локальная человеческая цивилизация, элита, социальные сети, внешняя политика, безопасность, критерии безопасности, политика силы, факторы безопасности.

* Работа подготовлена в соответствии с ТЗ гранта РНФ № 16–18–10411.

** Безопасность – состояние защищённости от внутренних и внешних угроз того или иного субъекта. Наиболее часто используется понятие «национальная безопасность Российской Федерации» как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

– исследовать и определить собственно факторы безопасности*, вытекающие из возможностей использования социальных сетей, т. е. до какой степени может развиваться опасность или угроза, являющаяся следствием развития той или иной функции социальных сетей.

Приоритетность основных объектов национальной безопасности

Перечень и приоритетность основных объектов обеспечения национальной безопасности имеет ключевое значение потому, что в зависимости от этого не только распределяются необходимые ресурсы, но и формируется в конечном счёте вся стратегия национальной безопасности. Более того, представление правящей элиты, общества и всей нации о приоритетах развития и способах обеспечения их защиты.

В США, например, существует чёткая приоритетность, закреплённая нормативно в Стратегии национальной безопасности страны, в соответствии с которой существует иерархия: «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы» [1]. Причём эта последовательность и перечень чётко зафиксированы в основных документах и тесно взаимосвязаны между собой. Так, в Военной стратегии США этот перечень конкретизируется до трёх основных военных задач:

– сдерживание и поражение нападающих;

– разрушение и уничтожение экстремистских организаций;

– укрепление глобальной сети союзников и партнёров [2].

В политической практике России такого деления пока что не существует. Перечень и приоритеты, определённые в Стратегии национальной безопасности, не делятся по категориям «интересы», «интересы безопасности» и «военные интересы», а существуют в едином перечне, сформулированы, по сути, в одном абзаце. Так, если согласиться с приоритетностью и использовать перечень объектов, имеющих приоритетное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, данный в последней редакции Указа Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», то их можно выстроить в следующем порядке:

– защита конституционного строя;

– суверенитета;

– государственной и территориальной целостности;

– основных прав и свобод человека;

¹ The National Security Strategy. Washington. 2015. 15 February. P. 2.

² The National Military Strategy of the United States of America 2015. Washington. 2015. June. P. 5.

* Фактор безопасности – мера приближения контролируемой величины к её предельно допустимому значению, установленному в качестве норматива или субъективного восприятия.

– сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе;

– защита от природных и техногенных катастроф [3].

Вряд ли подобный перечень и предлагаемая приоритетность являются точным и реальным отражением интересов безопасности России. Это имеет прямое отношение к средствам их защиты, включая информационные средства и социальные сети, рассматриваемым в данной работе. Даже оставляя за скобками вопрос о приоритетности той или иной политической цели (требующей специального отношения), можно изначально констатировать (обладая минимальной информацией о возможностях социальных сетей), что с точки зрения эффективности политического и военно-силового использования социальных сетей все эти объекты представляются идеальными мишенями для воздействия.

Прежде всего как потенциальных рисков, опасностей и угроз (враждебная деятельность в социальных сетях, ведущаяся активно все последние годы, не рассматривается как военная), так и возможных материальных затрат и времени, необходимых для решения поставленной задачи (ресурсы для организации и поддержки деятельности в Сети ни в какой мере не могут сравниться с реальными физическими операциями).

Иными словами, с точки зрения нанесения ущерба безопасности государства, нации, личности и общества эти объекты являются идеальными целями для возможного нападения противника с помощью новейших средств интернет-технологий, прежде всего социальных сетей и других *Web 2.0-технологий**. Такой подход основан на подавляющем преимуществе США в области интернет-технологий и СМИ. В специальном исследовании корпорации *Rand* «Стратегия принуждения» (2016 г.) подчёркивается, например, что среди преимуществ США, которые могут обеспечить им возможности проведения политики принуждения, особое место занимают «семь крупнейших медиакомпаний и 95% мировой медиасобственности» [4, р. 6].

Однако вопрос о приоритетности и перечне объектов безопасности, казалось бы, решённый в Стратегии безопасности России, на наш взгляд, таковым отнюдь не является. Как и вопрос о перечне основных объектов национальной безопасности, требующих защиты и, соответственно, угрожающих им средств и способов нападения. Это означает, что прежде, чем рассматривать угрозы, необходимо определиться с тем, против чего эти угрозы создаются. В частности, в Стратегии не говорится о таких трёх важнейших объектах национальной безопасности,

³ Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.consultant.ru>

⁴ *The Power to Coerce*. Washington, D. C. Gompert., 2016.

* Под термином *Web 2.0* автор концепции Т. О'Рейли понимал интернет-платформы, объединяющие пользователей на базе интерактивного взаимодействия (*О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 / пер. с англ. // Компьютерра. 2005. 11 октября*).

требующих защиты в новых условиях, как:

- собственно нации;
- локальной человеческой цивилизации;
- правящей элиты.

Однако в характере современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) рассматриваются именно эти три объекта национальной безопасности в качестве наиболее приоритетных, что, впрочем, далеко не всегда, а тем более точно отражается в нормативных документах; это стало фактом с начала 90-х годов прошлого века, когда на эти особенности обратили внимание такие классики политологии, как С. Хантингтон и А. Тойнби [5].

В частности, С. Хантингтон писал, что «...в двадцатом веке взаимоотношения между цивилизациями перешли от фазы, характеризующейся однонаправленным влиянием одной цивилизации на все остальные, к этапу интенсивных, непрерывных и разнонаправленных отношений между всеми цивилизациями» [6].

В настоящее время в значительной части исследований, посвящённых военно-политической проблематике, имеющих преимущественно не только теоретическое, но и прикладное значение, эти три приори-

тета национальной безопасности рассматриваются в качестве базовых [7].

Так, например, в коллективной монографии «Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии» авторы пишут: «...со второй половины XX века... именно ЛЧЦ*, возглавляемые страной-лидером, стали играть решающую роль» [8].

Действительно, если возникает изначально сомнение относительно важнейших объектов национальной безопасности, т. е. собственно предмета безопасности, то это сомнение требует разъяснения. Так, например, с этой точки зрения очевидно отсутствие таких двух важнейших субъектов безопасности, как нация и локальная человеческая цивилизация, которые вообще не упоминаются в Стратегии. Станным образом Стратегия национальной безопасности именно нацию как ключевой объект обеспечения безопасности и не включает в этот перечень. Из текста становится ясно, что понятия «нация» и «государство» рассматриваются в Стратегии национальной безопасности России как синонимы, что отнюдь не соответствует действительности.

И это «отнюдь» не теоретическое допущение, а ошибка, имеющая ог-

⁵ Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016.

⁶ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями // Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016. С. 196.

⁷ Подберёзкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁸ Подберёзкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями. Аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2016. Декабрь. С. 7.

* ЛЧЦ – локальные человеческие цивилизации.

ромное значение, ведь в утверждённой Указом Президента России Стратегии речь идёт именно о безопасности государства, а не нации, хотя сама Стратегия и называется вполне справедливо и вполне точно – Стратегия национальной безопасности. Как минимум эта ошибка ведёт к двум последствиям.

Во-первых, «государство» – значительно более узкое понятие, связанное только с институтами управления государством, а «нация» – значительно более общее, включающее и негосударственные (общественные, религиозные, бизнес) институты, а также отдельных граждан. Так, например, военная организация России включает в себя только (или преимущественно) государственные институты и с их помощью обеспечивает безопасность, что в значительной степени сужает потенциал безопасности. Но не только. Такой подход неизбежно выносит за скобки именно угрозы безопасности нации, концентрируясь на угрозах только государству.

Напротив, военная организация США охватывает все бизнес- и общественные институты и организации, что имеет огромное значение с точки зрения всего потенциала национальной безопасности [7]. В Соединённых Штатах Америки сложились устойчивые и эффективные формы взаимодействия государства с бизнесом и общественными институтами, что позволяет говорить именно о национальном характере политики безопасности.

Как отмечают российские исследователи, «в 2000-е годы можно зафиксировать новый этап во взаимодействии государства и бизнеса, характеризующийся особо активным заимствованием бизнес-практик в политике и военном деле» [9].

Более того, военная организация США является именно национальной, потому что состоит из государственных, бизнес- и общественных институтов, а также привлекает личную и частную инициативу, а не ограничивается, как в России, только государственными институтами.

Только в период войны 1941–1945 гг. в СССР существовал ГКО, который обладал аналогичными функциями.

Во-вторых, современное противоборство в основном предопределяется борьбой локальных человеческих цивилизаций и их военно-политическими коалициями, а не только, и даже не столько государствами. В системе приоритетов безопасности США «союзы и партнёры» стоят на очень высоком, третьем месте, что позволяет не только рассматривать угрозу для их безопасности как угрозу национальной безопасности, но и использовать общий коалиционный ресурс.

Соответственно, средства информации, включая интернет-ресурсы и социальные сети, аккумулируются в ЛЧЦ и направлены преимущественно для противодействия другим противникам, прежде всего против других ЛЧЦ.

⁹ Новые тенденции взаимодействия правительства США с бизнесом. 2017. 5 января // URL: <http://eurasian-defence.ru>

Так, например, военно-политическая коалиция западной ЛЧЦ использует тщательно скоординированную информационную политику, включая интернет-ресурсы, дезинформацию и организацию социальных групп поддержки.

У России в перечне наиболее приоритетных объектов, требующих обеспечения безопасности, нет даже

упоминания о российской ЛЧЦ, «Русском мире» или о том, что в конфликте между ЛЧЦ в XXI в. России предстоит выступить самой организатором такой локальной человеческой цивилизации. Собственно евроазиатская интеграционная модель и предполагает создание такой ЛЧЦ во главе с Россией.

Социальные сети как силовые средства политики, угрожающие национальной безопасности

Развитие социальных сетей в Интернете представляется чрезвычайно опасной и непредсказуемой (даже в самых общих чертах) тенденцией уже на среднесрочную перспективу. А учитывая абсолютное превосходство США и западной ЛЧЦ в этой области и их стремление к силовому решению международных проблем, то развитие социальных сетей видится особенно опасным явлением, которое в полной мере не оценивается. Это обстоятельство объясняется целой группой причин, основные из которых следующие.

Во-первых, в начале XX в. появились принципиально новые и очень влиятельные политические инструменты диалога, управления и влияния между субъектами международных отношений, а в более широком контексте – между властью и обществом, получившими общее название «интернет-ресурсы». Опасность их в качестве силового средства политики, однако, в полной мере не оценено до сих пор. В лучшем случае их относят к влиятельным

СМИ, а не к средствам управления, влияния и принуждения.

И – что очень важно – среди этих средств именно информационные средства взаимодействия между отдельными субъектами стали играть исключительно важную роль. Учитывая же, что именно в этих средствах западная ЛЧЦ обладает фактическим монополизмом (контроль более 95%), становится понятным и значение этих информационных средств, используемых в качестве инструментов политики принуждения.

В настоящее время существует много понятий и терминов, которые используются, например в США, в качестве способа влияния на зарубежных субъектов при помощи Интернета:

- цифровая дипломатия (*digital diplomacy*);
- интернет-дипломатия (*internet diplomacy*);
- дипломатия социальных сетей (*twitter diplomacy*);
- публичная дипломатия Web 2.0 (*public diplomacy Web. 2.0*) [10].

¹⁰ Цветкова Н. А. Программы Web. 2.0 в публичной дипломатии США. 2011. 13 апреля // URL: <http://www.ushistory.ru/staty559-programmy-web-2.0>

При этом наиболее распространённым термином в США считается последний.

Публичная дипломатия *Web. 2.0* представляет собой целый комплекс инструментов политического, военного и иного влияния:

- в организационно-политической форме – для создания и поддержки существующих сил и структур, а также иной деятельности (через социальные сети происходит вербовка порядка 80% террористов), например, рассылки информации через мобильные телефоны;

- в пропагандистской области – размещение теле- и радиоконтента в Интернете, распространение литературы и т. п.;

- в области информационной борьбы – вбрасывание дезинформации, слухов, ложных идей и концепций, организация и мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание реальных и ложных сайтов, страничек и любого контента в социальных сетях;

- в политической области – создание необходимой атмосферы и основы для тех или иных политических или военных решений (например, наличия химического оружия у Сирии).

Во-вторых, опасность развития социальных СМИ, прежде всего социальных сетей, объясняется также тем, что резкое обострение международной и военно-политической обстановки в мире во втором десятилетии нашего века привело к активизации военно-силовой политики западной локальной человеческой цивилизации. Это относится ко всем ЛЧЦ, но прежде всего к военно-политической коалиции, возглавляемой США и их союзниками.

Такая активизация, в свою очередь, сформулировала политический заказ по приоритетному использованию социальных сетей и других интернет-технологий в нарастающем силовом противоборстве. События и «цветные революции» в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, но особенно в Сирии и на Украине, продемонстрировали новые возможности применения социальных сетей в политической борьбе – прежде всего дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Выборы, состоявшиеся в 2011–2017 гг. в разных странах, также показали, что стоящие за теми или иными кандидатами правящие элиты активно использовали социальные сети в качестве средств не только агитации, но и организации сторонников тех или иных кандидатов.

Особенно важное значение социальные сети приобретают для оппозиции, становясь основным средством в её политической борьбе. Как показали события в Тунисе, Египте, Сирии, России и на Украине, социальные сети и другие интернет-ресурсы оказались основным средством оппозиции в организации сопротивления.

В-третьих, с организационно-политической точки зрения в выборе стратегии, военно-силовом противоборстве с Россией огромное значение приобрели именно информационные средства, прежде всего Интернета и социальные сети, которым отводится роль организатора силового противодействия власти, инструмента для развала институтов государственного управления и обеспечения эффективности применения других силовых средств, включая военные.

Именно в эти годы в США и других странах отдельные области информационного противоборства были организационно преобразованы в самостоятельные командования (радиоэлектронной борьбы и кибероперации), значение которых было приравнено к огневому поражению противника, а решение об их использовании в США (например, о применении киберопераций, приравниваемых к использованию ОМУ) принимает только президент страны.

Произошедшие изменения в области интернет-технологий и социальных систем в мире уже отразились радикально на состоянии МО и ВПО.

Так, широкое распространение социальных сетей и *Web 2.0-технологий* на современном этапе развития Интернета оказывает самое существенное влияние на международную политику и безопасность, что подтверждается активным использованием таких социальных сетей в организации массовых протестов в период «арабской весны» (получивших в СМИ название *Twitter-революций* или *Facebook-революций*), а также в гражданской войне на Украине. Социальные сети проникли в дипломатию (феномен так называемой цифровой дипломатии), государственное управление (концепции «открытого правительства», «интерактивного управления»), экономику, социокультурную сферу и, как следствие, оказывают влияние на национальную и международную безопасность.

Как отмечают наблюдатели, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) всё чаще применяются для вмешательства во внутренние дела государств или подрыва

ва их национального суверенитета, особенно в целях организации террористической и экстремистской деятельности. Как стало известно в результате разоблачений Э. Сноудена, попытки установить контроль над информационной сферой, в том числе над частной жизнью представителей правящих элит, приобрели угрожающий суверенитету некоторых стран размах.

Так, в самое последнее время появилась новая форма – «телеграмм-каналы», зарегистрированная за рубежом.

В соцсетях, например, появились группы с призывами выйти 2 апреля с. г. на новую акцию протеста на Красную площадь в Москве.

В региональных штабах Навального предполагают, что люди, не получив ответов от власти, пытаются организовываться самостоятельно. Эксперты не исключают, что это может быть провокацией, и отмечают, что капитализировать протест Навальному будет трудно.

В самом деле, если говорить, например, о сохранении социальной и политической стабильности, то, по сути дела, практически любое реальное (или выдуманное) событие может стать предметом воздействия с помощью социальных сетей: выборы в органы власти, в частности, являются идеальным поводом для дестабилизации и использования социальных сетей сразу по нескольким направлениям:

- пропаганды в пользу своих кандидатов;
- критики оппонентов;
- организации сторонников;
- дезорганизации противников;
- создания групп наблюдателей;
- формирования групп протеста;
- создания групп по связям со СМИ;

– формирования «творческих» групп писателей-комментаторов и т. д.

Ещё более эффективно использование социальных сетей против государства и его политической элиты. Это связано с тем, что возможен вброс любой, даже самой неправдоподобной информации, которая практически мгновенно становится достоянием не только политической элиты и других СМИ, но и зарубежных противников и обычных граждан, что недопустимо в условиях гражданского конфликта, политических противостояний (в ходе выборов) или военного конфликта, когда целями в приоритетном порядке становятся представители правящей элиты и государственные институты.

Данное качество сетевых СМИ и сетей ярко проявилось во время избирательной кампании Д. Трампа – Х. Клинтон в США (2016 г.), когда использовался компромат сайта *WikiLeaks* против демократов, а Д. Трамп основным средством своей пропаганды сделал *Twitter*. В свою очередь, сайт *WikiLeaks* неоднократно публиковал взломанную переписку как самой Клинтон, так и членов её предвыборного штаба, причём в самое неподходящее время и в самой несоответствующей выборам форме.

Так, именно на пике избирательной кампании, когда мало что можно исправить (октябрь 2016 г.), было обнародовано письмо от 21 апреля, которое помощница Х. Клинтон Хума Абедин разослала ключевым фигурам предвыборного шта-

ба. «Ей придётся больше пользоваться подсказками, у неё ещё не всё в порядке с головой», – написала она в письме, подразумевая свою начальницу.

На фоне разговоров о постоянных «головокружениях» у Клинтон публикация такого письма стала серьёзным минусом в глазах американцев, которые трепетно относятся к здоровью своих руководителей.

Кроме того, ещё за месяц до выборов на сайте были опубликованы письма главы предвыборного штаба демократов Джона Подесты. В них, в частности, говорилось о пожертвованиях в фонд Клинтон, которые делали крупные компании. И в этом случае мало что можно было исправить в такой короткий срок: конкретные факты требовали либо ярких и безоговорочных опровержений, либо длительных разъяснений необходимости получения средств от корпораций.

Слова Х. Клинтон о «виновных» в её поражении не остались без ответа со стороны её оппонента на выборах.

По своей привычке Трамп ответил на своей странице в *Twitter*: «Директор ФБР Коми – это самое лучшее, что когда-либо случалось с Хиллари Клинтон в том смысле, что он сделал ей поблажку за многие плохие поступки! Фальшивая история про Трампа – Россию была лишь оправданием, которое использовали демократы, чтобы объяснить проигрыш на выборах. Может быть, Трамп просто вёл отличную кампанию?» [11] – написал действующий американский президент.

Надо сказать, что прообразом таких сетевых структур в Интернете (ещё до появления Интернета в СССР) стали сетевые структуры,

¹¹ Трамп ответил на слова Клинтон о «виноватых» в её поражении // Агентство печати «Новости». 2017. 3 мая // URL: <http://ria.ru>

например, «демократической оппозиции» в СССР, выступавшие при инспирированной поддержке М. Горбачёва – А. Яковлева против «консерваторов» («молчаливого большинства»), сконцентрированных в руководстве КПСС, и государственных институтов, прежде всего КГБ, армии и правоохранительных органов. Разного рода кружки, общества и группы «неформалов», которые получили массовое распространение и скрытую поддержку, стали фактически теми инструментами несистемной оппозиции, которые превратились в оружие против институтов партии и государства. Социальная сеть, фактически созданная в то время, оказалась эффективнее работы КГБ и правоохранительных органов. А появление социальных сетей в Интернете в сотни раз повысило их возможности. Иначе говоря, появление в наше время установки, которая была аналогична установке времён М. Горбачёва, сделало бы победу этой группы практически мгновенной и абсолютной. Это также означает, что реальность угрозы существованию внутриполитической стабильности со стороны какой-то отдельной группы правящей элиты России следует изначально иметь в виду.

Такая группа, как показывают действия М. Ходорковского и «Открытой России», может достаточно эффективно существовать и развиваться даже в условиях политического и административного противодействия власти. Её эффективность будет зависеть прежде всего от масштабов и решимости противодействия власти, с одной стороны, и масштабов финансово-материального обеспечения – с другой. При этом даже в самых неблагоприят-

ных условиях она может развиваться, используя поддержку из-за рубежа. Как показывает опыт сетей, созданных террористами и оппозицией, имеющих по большому счёту одинаковую политическую (антиэлитную) направленность, такие социальные сети становятся несущей конструкцией для действий будущей массовой оппозиции.

Наш подход в исследовании системных факторов безопасности в условиях новых рисков и уязвимости предполагает как минимум изначально целенаправленное вычленение и искусственное развитие достаточно специфических проблем с помощью социальных сетей, прежде всего в следующих областях:

- социальной;
- религиозной;
- этнической и национальной;
- безопасности.

Их развитие, актуализация и превращение из просто проблемы в опасность или угрозу с помощью социальных сетей представляет собой вполне прогнозируемый и контролируемый процесс, который, как показывает политическая практика на Украине и в странах Северной Африки и Ближнего Востока, становится основным средством борьбы с существующей властью и главным организатором будущих беспорядков.

Надо понимать, что основная цель западной ЛЧЦ – создание состояния постоянного хаоса, с помощью которого можно контролировать ситуацию в стране (регионе). Внутриполитическая стабильность затрудняет сохранение контроля, а сильные политические лидеры (независимо от их политической ориентации) – процесс хаотизации. Поэтому совершенно неправильно ут-

верждения о том, что «политика США в Афганистане, Ираке и других странах провалилась потому, что там не удалось восстановить порядок». Совсем наоборот, в этих странах США добились своего, а в таких странах, как Египет или Турция (где удалось стабилизировать ситуацию), потерпели неудачу.

Перечисленные выше основные области дестабилизации и сферы применения социальных сетей, конечно же, не являются исключительными. Могут создаваться искусственно и в других областях (например, в спорте), но именно они являются традиционными и легко программируемыми. Развитие человечества даёт огромный опыт того, как именно в этих областях развивались конфликты, перераставшие в вооружённые столкновения, беспорядки и войны.

Социальные сети как инструмент силовой политики одного субъекта или актора МО против другого субъекта конкретизируются в определённых политических, исторических и социально-экономических условиях, которые и создают основной спектр опасностей и угроз* в отношении конкретных субъектов международной обстановки**, прежде всего суверенных государств, но также

и других объектов обеспечения национальной безопасности, а именно:

- наций;
- государств;
- обществ (и их отдельных социальных групп);
- личности [12];
- локальных человеческих цивилизаций [13].

Это означает, что политические и иные средства насилия, включая военные, информационные, в том числе социальные сети, используются тем или иным субъектом против объекта своего нападения по-разному. Это очень важная особенность, характеризующая сущность современного политического и военного противоборства. Государство, которое борется с другим государством, использует одни средства и способы борьбы в зависимости от многих причин: качества вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и вооружённых сил (ВО) противника, условий войны и т. д.

Но ещё больше эти средства и способы отличаются, если государство борется с:

- негосударственным актором (террористической или экстремистской организацией);
- правящей элитой другого государства;

¹² Подберёзкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014.

¹³ Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А. И. Подберёзкина, М. В. Александрова. М.: МГИМО-Университет, 2016.

* Опасности и угрозы – используется определение опасности как объективно существующей возможности негативного воздействия, а угроза – степень готовности к нанесению ущерба интересам того или иного субъекта (т. е. сочетание возможностей и намерений у какого-то субъекта), имеющая конкретный характер.

** В основополагающих документах большинства стран в качестве единственных субъектов безопасности рассматриваются нации-государства (The National Security Strategy. Washington. 2015. February).

– системой ценностей другой нации и т. д.

Спектр сил и средств для такой эффективной борьбы должен быть очень широк и включать те из них, которые подходят именно для данного противоборства. Социальные сети в этой связи выступают исключительным и универсальным средством вооружённой и силовой борьбы практически с любым потенци-

альным противником – государством, обществом, нацией, ЛЧЦ, правящей элитой или чем-то иным.

Но как раз меру будущей опасности, и даже саму эту будущую опасность, вытекающую из использования в целях насилия социальных сетей, и невозможно определить. В этой связи требуется тщательный мониторинг перспектив развития социальных сетей.

Перспективы развития социальных сетей

Ещё не ясны последствия применения феномена *Web 2.0*, а на подходе уже следующие этапы развития Интернета и социальных сетей. Кто-то может сказать: «Мы ещё с *Web 2.0* не разобрались, а вы уже про три ноль начинаете...» Действительно, хоть и существуют технологии *SMO* (*Social Media Optimization* – продвижения в социальных сетях, обозначенных тем самым *Web 2.0*), точного определения термина *Web 2.0* пока не существует. Скорее под этим понятием подразумевается некая общая тенденция развития Интернета. А кто-то и вовсе считает нанизывание цифр на *Web* некорректным и ненужным: Сеть одна и альтернатив ей нет.

В данном случае, начиная разговор о *Web 3.0*, по умолчанию подразумевается, что *Web 2.0* – это социальные сети, сервисы, в основе которых лежит генерируемый пользователями контент, ими же самими и потребляемый, – общепринятая трактовка на сегодняшний день.

Семантическая паутина (*Semantic Web*) – часть глобальной концепции развития сети Интернет, целью которой является реализация воз-

можности машинной обработки информации, доступной во Всемирной паутине. Основной акцент концепции делается на работе с метаданными, однозначно характеризующими свойства и содержание ресурсов Интернета, вместо используемого в настоящее время текстового анализа документов.

То есть это некая сеть над сетью, содержащая метаданные о ресурсах Всемирной паутины и существующая параллельно с ними.

Пользовательские беспроводные сети **Web 3.0** – так нарекли свой проект европейские исследователи, занимающиеся созданием пользовательских беспроводных сетей (*WIP*). По их мнению, если генерируемый пользователями контент – это *Web 2.0*, то генерируемые пользователями сети – *Web 3.0*. Клиенты таких сетей могут самостоятельно объединять собственные каналы связи и создавать новые беспроводные сети.

Один из разработчиков проекта, доктор Марсело Диас де Аморим, поясняет: «Концепция *Web 3.0* предполагает создание надёжного, гибкого, оптимизируемого и при этом дружественного по отношению к пользователям набора технологий и стандартов, которые позволили бы любому пользователю, где бы он ни находился, идентифицировать любое находящееся поблизости от него устройство и создавать сеть с ним. Это станет возможным даже при отсутствии у него каких бы то ни было технических знаний».

Полярные информационные системы, построенные по принципу *commerce-on-demand*, – это *Web 3.0*, считают уже российские интернет-предприниматели.

По их расчётам, владелец такой системы участвует в разделении прибыли, образовавшейся в результате сделки, совершённой с помощью системы.

Почему *Web 3.0*? Потому что полярные информационные системы, подобно *Web 2.0*, подвержены эффекту «саморазрастания» за счёт активности посетителей.

Сеть в формате 3D – это *Web 3.0*. Есть мнения, что виртуальные трёхмерные миры будут следующим этапом развития *Web*. Нас ждут не просто игры, вроде *Second Life*, а Интернет в трёхмерном воплощении.

Возможно, совсем скоро 3D реализованный персонаж будет покидать игру и свободно перемещаться по просторам Всемирной паутины.

Например, уже сегодня в 3D построена столица Казахстана Астана, и это позиционируется как освоение зарождающегося *Web 3.0*.

Факторы безопасности

Конкретной задачей для исследователя является как вычленение объектов обеспечения безопасности, так и проблем, вытекающих из опасностей и угроз этим объектам, а также определение критериев безопасности (факторов безопасности) для каждого из перечисленных объектов (целей) того или иного субъекта МО, т. е. определения тех предельно допустимых значений, при которых обычные внешние условия переходят в категорию «опасностей», а «опасности» – в «угрозы» [7, с. 17–28].

С точки зрения степени влияния социальных сетей на формирование внешних условий, опасностей и угроз для тех или иных субъектов МО, например, предлагается выделить три принципиально отличных уровня, которые, в свою очередь, сами делятся неизбежно на несколько степеней:

- уровень *внешнего влияния* социальных сетей (нейтрального, позитивного, негативного), который может быть также слабым, сильным, очень сильным и т. д.;

- уровень *опасности*, когда внешнее влияние социальных сетей достигает какого-то предела (например, по аналогии с пятью уровнями

природной или террористической опасности), но пока ещё не перешло на уровень угрозы. Его можно рассматривать как сочетание возможностей и намерений;

- уровень *угрозы*, когда потенциальная опасность, создаваемая социальными сетями, сопровождается соответствующими намерениями и даже конкретными действиями. В отличие от опасности, таким образом, угроза представляет собой сочетание не только возможностей и намерений, но и конкретных действий.

Таким образом, факторы безопасности (которые являются нормативными или субъективными критериями) отражают представление о состоянии защищённости интересов тех или иных субъектов МО от:

- негативного внешнего влияния социальных сетей;

- внешних опасностей, создаваемых социальными сетями;

- внешних угроз, вытекающих из социальных сетей.

В самом общем виде эти представления можно формализовать в некоей матрице (табл. 1), в которой показана логика их развития,

но которая, естественно, требует в дальнейшем более подробной конкретизации.

В этих целях можно сделать несколько таких частных матриц, отражающих состояние безопасности различных субъектов МО в разных областях. Или отношения отдельных субъектов МО.

Например состояние отношений между какой-то конкретной (западной) ЛЧЦ и другими субъектами в конкретной политической области и роль социальных сетей, измеряемой по шкале от 1 до 10.

Критические значения (близкие к 10) использования социальных сетей в противоборстве западной ЛЧЦ с сирийским правительством показывают уровень безопасности (опасности) для сирийской нации, государства, общества, личности и цивилизации. Они говорят о том, что средства сети и Интернет, используемые против Б. Асада, фактически находятся в состоянии войны, но не только с режимом, но и всем обществом (за исключением части оппозиции).

Аналогичную ситуацию с использованием социальных сетей против Российской Федерации можно рассмотреть и применительно к противоборству с Россией, где показатели использования социальных сетей будут иногда очень близки к сирийским, хотя и отсутствует публичное вооружённое противостояние. И это не случайно, а свидетельство того, что по отношению к России ведётся война, не признаваемая публично и нетрадиционными средствами. Иначе говоря, там, где необходимо для противодействия России, прямое использование военной силы обеспечено или даже заменено деятельностью социальных сетей.

Прежде всего если речь идёт об организации экстремистской или террористической деятельности, где вербовка на 89% идёт за счёт социальных сетей.

Естественно, что использование средств и способов применения социальных сетей против Сирии и России не может быть одинаковым. В частности, если говорить, например, о политических отношениях западной ЛЧЦ к России (как нации, государству, обществу и цивилизации), то можно и нужно выделить отдельные составляющие, характеризующие эти отношения, к примеру, в такой области, как создание и использование стратегического наступательного и оборонительного потенциалов, стратегических ядерных сил и противоракетной обороны (СЯС и ПРО). Так, с помощью социальных сетей и отдельных публикаций общественному мнению России навязывается идея «абсолютных гарантий» безопасности, которые могут предоставить стратегические наступательные вооружения России (СНВ). Это означает в том числе, что:

- нет необходимости в совершенствовании и развитии системы воздушно-космической обороны (ВКО) в России, чьи функции с успехом могут выполнить СНВ в ответном ударе;

- «бессмысленность ЯО» означает его бесполезность, а значит, и возможность и необходимость скорейшего уничтожения;

- нет необходимости в масштабном развитии НИОКР ВВСТ, потому что «абсолютная гарантия» ответного удара делает бессмысленным любые военные действия, и т. д.

Этот приём идеолого-политической диверсии находит определённый

Таблица 1

Матрица политического применения социальных сетей западной ЛЧЦ и другими субъектами (на примере Сирии)

Внешнее воздействие	Потенциал и намерения		Воздействие социальных сетей в Сирии на:				
			нацию	государство	общество	личность	исламскую ЛЧЦ
Внешние условия, формируемые при помощи социальных сетей	благоприятные	сильные	2	1	7	4	2
		слабые					
	нейтральные	сильные					
		слабые					
	негативные	сильные	10	10	7	5	3
		слабые					
Опасности (намерения + потенциал), создаваемые социальными сетями	слабые						
	существенные						
	сильные						
	критические		10	10	7	9	6
Угрозы (намерения + потенциал + действия), которые возникают от использования социальных сетей	скрытые (потенциальные) или подразумеваемые						
	открытые, явные, демонстративные						
	публичные, вызывающие, провоцирующие		10	10	7	9	9

ную поддержку в российской правящей элите. И не только в академическом сообществе среди традиционных сторонников «нового мышления» из институтов РАН, но и среди части чиновников Министерства обороны, министерств промышленности и эко-

номического развития и руководителей ОПК.

Между тем, если посмотреть на критерии угроз безопасности российской нации, обществу и государству с точки зрения использования социальных сетей, мы увидим, что

Матрица политического применения социальных сетей западной ЛЧЦ и другими субъектами (на примере России)

Внешнее воздействие	Потенциал и намерения		Воздействие социальных сетей в России на:				
			нацию	государство	общество	личность	российскую ЛЧЦ
Внешние условия, формируемые при помощи социальных сетей	благоприятные	сильные					
		слабые					
	нейтральные	сильные					
		слабые					
	негативные	сильные	8	7	9	3	9
		слабые					
Опасности (намерения + потенциал), создаваемые социальными сетями	слабые						
	существенные						
	сильные		8	9	7	9	5
	критические						
Угрозы (намерения + потенциал + действия), которые возникают от использования социальных сетей	скрытые (потенциальные) или подразумеваемые						
	открытые, явные, демонстративные		9	9	5	10	3
	публичные, вызывающие, провоцирующие						

Россия как субъект международных отношений уже фактически находится в состоянии войны либо очень близка к нему (табл. 2).

В нашем случае такими средствами политического влияния, создающими уровень того или иного «влия-

ния», «опасности» или «угрозы» на приоритетные объекты для обеспечения безопасности (конституционный строй, нация, государство, общество, личность), являются интернет-ресурсы, и прежде всего социальные сети.

Для целей практической политики это необходимо понимать, чтобы определить конкретные действия того или иного субъекта, использующего эти средства, а также организации противодействия этим опасностям и угрозам, потому что в реальной политике возникновение внешних негативных условий и их превращение в опасности и угрозы, как правило, с самого начала уже сопровождается противодействием, которое может быть организовано со стороны не только уже перечисленных субъектов международных отношений, но и отдельных влиятельных акторов:

- нации;
- государства;
- общества (и его отдельной социальной группы);
- личности;
- локальной человеческой цивилизации приблизительно по следующему алгоритму, который в принципе известен, в том числе и заложен в ФЗ Российской Федерации «О безопасности» [14].

Между тем в этом алгоритме отсутствует очень важная и целая стадия «влияния», а также её переход в следующую категорию «опасность», но достаточно подробно описаны другие этапы, связанные прежде всего с оценкой угрозы и её проти-

водействием. Думается, что это является серьёзной проблемой, ибо именно на стадии формирования «внешних условий» в настоящее время происходит основная политическая борьба, в том числе и с помощью сетевых средств. Более того, нередко уже на этой стадии современного противоборства достигается победа.

Именно на этой стадии запускается механизм «стратегии принуждения» [4, р. 10–14], важной частью которого являются сетевые информационные системы. До перехода на стадию «угроза» эти системы действуют особенно эффективно и масштабно во всех областях противоборства – от политического и концептуального до физического.

Процесс подготовки и принятия решений в современной России в целом соответствует схеме, представленной на рисунке: он фактически начинается не с исследования и прогноза внешних условий, а сразу же с определения (иногда «назначения») той или иной опасности и последующей эволюции её в угрозу. Это во многом обесценивает анализ возможных средств и способов применения силы, в частности социальных сетей, обращая внимание на их возможности только в стадии их перехода в категорию «угроз».

Библиография • References

- Новые тенденции взаимодействия правительства США с бизнесом. 2017. 5 января // URL: <http://eurasian-defence.ru>
 [Novye tendencii vzaimodejstvija pravitel'stva SShA s biznesom. 2017. 5 janvarja // URL: <http://eurasian-defence.ru>]

¹⁴ Федеральный закон Российской Федерации № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/

- О'Рейли Т.* Что такое Веб 2.0 / пер. с англ. // Компьютерра. 2005. 11 октября.
[*O'Rejli T.* Chto takoe Veb 2.0 / per. s angl. // Komp'juterra. 2005. 11 oktjabrja]
- Подберёзкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями. Аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2016. Декабрь.
[*Podberjozkin A. I., Rodionov O. E., Harkevich M. V.* Strategicheskij prognoz razvitiya odnoshenij mezhdru lokal'nymi chelovecheskimi civilizacijami. Analiticheskij doklad. M.: MGIMO-Universitet, 2016. Dekabr']
- Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 13–44.
[*Podberjozkin A. I.* Voennye ugrozy Rossii. M.: MGIMO-Universitet, 2014. S. 13–44]
- Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016.
[*Podberjozkin A. I.* Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossii v XXI veke. M.: MGIMO-Universitet, 2016]
- Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А. И. Подберёзкина, М. В. Александрова. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 19–40.
[*Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnyh odnoshenij / pod red. A. I. Podberjozkina, M. V. Aleksandrova.* M.: MGIMO-Universitet, 2016. S. 19–40]
- Тойнби А., Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016. – 288 с.
[*Tojnbi A., Hantington S.* Vyzovy i otvety. Kak gibnut civilizacii. M.: Algoritm, 2016. – 288 s.]
- Трамп ответил на слова Клинтон о «виноватых» в её поражении // Агентство печати «Новости». 2017. 3 мая // URL: <http://ria.ru>
[*Trump otvetil na slova Klinton o «vinovatyh» v ejo porazhenii // Agentstvo pečati «Novosti».* 2017. 3 maja // URL: <http://ria.ru>]
- Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru/71296054/>
[*Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrja 2015 g. № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // URL: http://base.garant.ru/71296054/*]
- Федеральный закон Российской Федерации № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/
[*Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii № 390-FZ ot 28 dekabrja 2010 g. «O bezopasnosti» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/*]
- Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями // Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016.
[*Hantington S.* Bor'ba mezhdru civilizacijami // Vyzovy i otvety. Kak gibnut civilizacii. M.: Algoritm, 2016]
- Цветкова Н. А.* Программы Web. 2.0 в публичной дипломатии США. 2011. 13 апреля // URL: <http://www.ushistory.ru/staty559-programmy-web-2.0>
[*Cvetkova N. A.* Programmy Web. 2.0 v publichnoj diplomatii SShA. 2011. 13 aprilja // URL: <http://www.ushistory.ru/staty559-programmy-web-2.0>]
- The National Security Strategy. Washington. 2015. 15 February.
- The National Military Strategy of the United States of America 2015. Washington. 2015, June.
- The Power to Coerce. Washington, D. C. Gompert., 2016.

О скромности и величии в мировой политике

К вопросу о геополитическом статусе России

Марк НЕЙМАРК

Беспрецедентные изменения в мире, затрагивающие сквозные тенденции развития современного мироустройства, чрезвычайно актуализируют вопрос о международной роли и геополитической статусности государств, её критериях и параметрах, а также о факторах, которые предопределяют подвижность представлений о месте отдельных стран в глобальном пространстве. Вопрос о статусных параметрах государств обогащается новым или обновлённым содержательным наполнением, отражая изменившиеся мирополитические реальности.

В статусной иерархии ведущих акторов мировой политики Россия занимает сегодня одну из лидирующих позиций. Она реально участвует в формировании международной повестки дня, с ней не могут не считаться при обсуждении ключевых вопросов международной безопасности.

Учёный-международник Г. А. Арбатов, характеризуя геополитический статус России как исторически великую нацию и великую державу, делал при этом принципиально важную оговорку: «Но этот статус не есть нечто безусловное, данное как аристократический титул от рождения и навечно. История знает множество держав и народов, скатившихся на обочину мирового развития и канувших в небытие». И главное: «Статус великой державы в современном мире должен постоянно подтверждаться как титул чемпиона, и обеспечивается он благосостоянием и свободами граждан, прочностью внутренней и внешней безопасности, прежде всего перед лицом новых вызовов и угроз XXI века» [1].

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии (Дипломатическая академия МИД России). *SPIN-код*: 2491–0280, *E-mail*: mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: Россия, мировая политика, геополитическое влияние, США, мессианство.

¹ Арбатов Г. А. Жизнь, события, люди: автобиография на фоне исторических перемен. М.: Любимая Россия, 2008. С. 358.

Совокупность проблем, связанных с геополитическим статусом современной России, постоянно в центре острой идеологической, политической и информационно-пропагандистской борьбы на мировой арене. В условиях санкций заметно усилилось стремление правящих кругов Запада, прежде всего США, минимизировать геополитический статус России, принизить её роль в мировой политике и международных отношениях, что особенно ярко проявлялось в период президентства Б. Обамы.

По сути, сегодня продолжается оценочная экстраполяция ослабленной внешнеполитической значимости России сразу после распада СССР на её нынешний геополитический вес и несопоставимое с тем периодом влияние в мире.

В тени прошлого

Конечно, за последнюю четверть века после распада СССР геополитический статус России, представляющий собой многоуровневый системный феномен, претерпел объективные изменения; соответственно менялись самооценки её места в мире и роли, которую она играет в международных отношениях и мировой политике.

В начале 90-х годов территория страны сократилась с 1/6 до 1/7 поверхности планеты – с 22 до 17 млн кв. км.

При этом Россия – это 40% мировых природных ресурсов, но всего 2% от общей численности населения Земли. Из-за смещения географического центра на север и восток Россия стала ещё более северной страной в сравнении с Российской империей и Советским Союзом.

Прежние государственные границы претерпели значительные изменения. В СССР только 13 из 77 административно-политических образований считались пограничными, а в России таковых уже стало больше половины.

На западной границе СССР было 25 железнодорожных переходов – остался один-единственный.

За пределами страны оказалось немало важнейших инфраструктурных магистралей – железнодорожных, трубопроводных, связи, высоковольтных электрических линий и т. д.

В 90-е годы, к концу президентства Б. Ельцина, уменьшившаяся вдвое экономика России откатилась на 14-е место в мире. Развал экономики привёл к огромным потерям в оборонной сфере страны: численность армии сократилась втрое; войска были полностью выведены из Восточной Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Прибалтийских стран, Грузии, Азербайджана, Монголии; закрыты военные базы на Кубе и во Вьетнаме.

За полтора десятилетия производство военных самолётов в России уменьшилось в 17 раз, боевых вертолётов – в 5 раз, авиационных ракет – в 23 раза, а боеприпасов – в 100 раз [2].

С развалом СССР обрушились сами основы советской идентичности с вытекающими отсюда внутриполитическими последствиями, которые незамедлительно сказались на базовых экономических, военно-стратегических, ценностных и культурно-гуманитарных параметрах геополитического статуса страны.

² Никонов В. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Э, 2015. С. 323.

Распад конфронтационной двухполюсности в результате исчезновения Советского Союза как сверхдержавы обозначил новый формат статусного положения России в мире. Внешнеполитические позиции страны резко ослабли. Незадолго до своего первого президентства В. В. Путин так охарактеризовал степень кризисного развития страны в 90-е годы: «Россия переживает

один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200–300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира» [3].

Предстояло фактически заново обеспечить стране достойное место в системе мировых геополитических координат.

Кризис адаптации к новым условиям

Полноценный геополитический статус Российской Федерации – это действенный компонент её «мягкого» влияния в мире. Он образуется на двуединой основе:

- материально объективной (достижение экономических высот, военная мощь, технологический прогресс, обеспеченность стратегической триады «образование – наука – культура», уровень развития демократических институтов и гражданского общества);

- нематериальный (имидж, бренд-политика, информационно-коммуникационные возможности, внешнеполитическая пропаганда и т. д.).

Концептуальное преодоление кризиса адаптации России к кардинально изменившимся внутривнутриполитическим и внешнеполитическим условиям началось путём поиска опорных скреп новой модели внутри- и внешнеполитической жизнедеятельности государства. При международно-статусном позиционировании со всей очевидностью

проявилась реминисценция былого советского величия, перенесение роли Советского Союза как сверхдержавы на страну, впервые в истории человеческой цивилизации сделавшей «обратный» формационный скачок от социализма к тем рыночно-капиталистическим принципам хозяйствования, вокруг которых совсем недавно велась беспощадная идеологическая и политическая борьба на мировой арене.

Разработка понятийно-категориального аппарата и политико-методологических подходов к проблемному комплексу, связанному с международным статусом и стратегическими императивами только что распавшейся страны, находилась в зачаточном состоянии.

Выработать в одночасье адекватный интегральный подход к стратегически выверенному пониманию последствий принципиально изменившейся геополитической парадигмы и места новой России в мире было, конечно же, нереально.

³ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 31 декабря.

Все эти проблемы нашли наглядное отражение в первом доктринальном внешнеполитическом документе страны «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» (1993 г.), где было зафиксировано важнейшее положение о том, что Россия как государство – продолжатель СССР осуществляет перешедшие к ней права на мировой арене. Отсюда и целевая установка на полноправное и естественное включение России в мировое сообщество как великой державы.

В другом разделе, опять в приоритетном порядке, ставилась задача обеспечения за Россией роли «в мировом балансе влияния», в многосторонних процессах по урегулированию мирового хозяйства и международных отношений, соответствующей статусу великой державы.

Примечательно, что, несмотря на резкое ослабление международных позиций постсоветской России, именно в этой первой концепции внешней политики страны, в отличие от последующих четырёх её редакций, многозначное определение «великая держава» фиксировалось трижды.

Между тем распад СССР привёл к такому положению дел в России, при котором в краткосрочной, и даже среднесрочной перспективе объективно невозможным становилось обеспечение её заявленного международного статуса: для решения этой задачи требовались соответствующие финансовые, эконо-

мические и политические ресурсы, которые не стали бы чрезмерно затратными и уязвимыми и не угрожали бы суверенному развитию страны.

Из явного преувеличения – тем более с позиций сегодняшнего дня – скорее умозрительно-имиджевого уравнивания сверхдержавного статуса СССР и новой России логически вытекало и подспудное желание обозначить себя в одном геополитическом весе с США. И это в период «козыревой» дипломатии, когда статусное положение России в мировом политическом пространстве определяла постоянная оглядка на западные мнения и позиции, в первую очередь американские, учёт которых был действительно приоритетен при выработке внешнеполитических решений.

Характеризуя сложившуюся в тот период ситуацию и особо выделяя тот факт, что геополитическое равенство с Соединёнными Штатами Америки стало важнейшим достижением Советского Союза, один из ведущих российских экспертов, О. Быков, с полным основанием констатировал: «Но это был предел практически осуществимого в ходе конфронтации. Восхождение на ещё более высокую геополитическую ступень, т. е. выше американской, полностью исключалось, учитывая глубокую (и углубляющуюся) асимметрию потенциалов сверхдержав и динамику их соревновательного развития. Как бы амбициозно ни звучали претензии на абсолютное верховенство, действительность диктовала: дилемма СССР заключалась не в том, возвыситься ли над США или оставаться с ними на равных, а в том, удержаться ли на паритетном уровне или оказаться ниже его, уступить первенство американскому сопернику» [4, с. 71].

⁴ Быков О. Геополитический статус России (в двух книгах). Кн. 2. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

Геополитический статус – соразмерная ответственность

Совокупность тенденций, определяющих особенности оценочного позиционирования России в мире в первое десятилетие после распада СССР, получила развитие в её Концепции внешней политики 2000 г. В документе говорилось, что международная обстановка, сложившаяся к началу XXI в., потребовала переосмысления общей ситуации вокруг России, приоритетов государственной внешней политики и возможностей её ресурсного обеспечения. Наряду с определённым укреплением международных позиций страны проявились и негативные тенденции. Самокритично признавалось, что не оправдались некоторые расчёты, связанные с формированием новых равноправных партнёрских отношений с окружающим миром, как это предполагалось в предшествующем внешнеполитическом документе России 1993 г. Честно фиксировалась ограниченность тогдашнего ресурсного обеспечения внешней политики России. Тем не менее в Концепции-2000 Россия по-прежнему позиционировалась как великая держава. Но это было скорее декларируемое определение, которое всё ещё контрастировало с реальным весом страны в мировой экономике и политике.

Подводя итоги первому десятилетию постсоветской России, В. Путин, уже будучи президентом страны, в своём Послании Федеральному Собранию в 2000 г. охарактеризовал их со всей откро-

венностью: «Вопрос стоит гораздо острее и драматичнее. Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики?» [5]

Эта критическая оценка касалась прежде всего «kozyревского» этапа российской дипломатии, одномерно ориентированной на вхождение – практически любой ценой – в западное сообщество в ущерб многовекторной внешнеполитической стратегии страны.

Но анализируя в целом 90-е годы, было бы ошибочным рассматривать их линейно, в единообразном событийном потоке. Здесь важно избегать безоговорочно жёсткого разделения геополитических позиций в периоды президентства Б. Н. Ельцина, тем более позднего, когда министром иностранных дел стал Е. М. Примаков, и В. В. Путина.

Оценочно взвешенной и концептуально обоснованной представляется в этой связи точка зрения, согласно которой при всех очевидных «различиях двух постсоветских эпох несомненна их объективно обусловленная сущностная неразрывность, плотная стыковка как органически взаимосвязанных звеньев непрерывного процесса восстановления и наращивания потенциала великой державы в трудный, но судьбоносный период ее многовекового развития». Объясняется это тем, что ана-

⁵ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>

литически непропорционально подходить с одинаковыми мерками к оценке периодов, разнящихся по внутренним и внешним возможностям и ограничениям свободы выбора решений и действий. «И если уж говорить о новшествах подхода В. Путина к внешней политике, то они заключались отнюдь не в радикальном пересмотре заложенных при Б. Ельцине принципах внешнеполитического курса, а в максимизации содержащихся в нём потенциальных ресурсов в дополнение к расширению имеющихся возможностей и минимизации последствий допущенных просчётов и ошибок» [4, с. 30].

С точки зрения эволюции самопозиционирования России в окружающем мире прослеживается чёт-

ко обозначенная, на первый взгляд парадоксальная, тенденция: чем сильнее укрепляется внутреннее и внешнеполитическое положение России, тем скромнее говорится на официальном уровне о её международном статусе. Но парадокс здесь сугубо кажущийся. Быть, а не казаться – кредо признанного тяжеловеса мировой политики. Скромность выражения становится опознавательным знаком реально возросшего геополитического влияния России в международных делах.

В выступлении В. Путина на совещании в МИД России (июнь 2006 г.) акцентированно прозвучало: «Россия в целом должна нести **соразмерную** своему положению и возможностям ответственность за глобальное социально-экономическое развитие» (Выд. – Авт.) [6].

Быть, а не казаться

Новой точкой отсчёта в геополитическом позиционировании России в мире явилась программная речь В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики международной безопасности в 2007 г. Она стала обоснованной заявкой на возвращение России в круг наиболее влиятельных государств, определяющих международную повестку дня, на достижение равноправного положения страны среди них. Обозначая сразу после Мюнхена стратегический вектор укрепления позиций России в глобальной политике,

Путин заявил: «Мы не претендуем на роль сверхдержавы, но цену себе знаем. У нас достаточно потенциала, чтобы влиять на строительство нового мирового порядка, который должен учитывать интересы всех стран» [7].

Новые формулировочные акценты нашли отражение в последующих редакциях Концепции внешней политики России. Эволюция международных отношений и укрепление России, говорилось в её редакции 2008 г., потребовали по-новому взглянуть на общую ситуацию во-

⁶ Путин В. В. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации 27 июня 2006 г. // URL: <http://kremlin.ru/texts/appears/2006/06/107802/shtml>

⁷ Известия. 2007. 12 февраля.

круг неё, переосмыслить приоритеты российской внешней политики с учётом «возросшей роли страны в международных делах, повышения её ответственности за происходящее в мире и открывшихся в связи с этим возможностей участвовать не только в реализации международной повестки дня, но и в её формировании». Тем самым подчёркивалось, что Россия, встав на твёрдую почву национальных интересов, «обрела полноценную роль в глобальных делах» и оказывает «существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений». В отличие от предыдущей редакции Концепция-2008 определяла Российскую Федерацию как «один из влиятельных центров современного мира», одно из ведущих государств, «крупнейшую евразийскую державу».

Важную особенность геополитического статуса России обозначил впервые на столь высоком государственном уровне – президент В. В. Путин, подчёркнувший, что Россия в том числе и мусульманская страна и «российские мусульмане имеют полное право чувствовать себя частью глобальной уммы, а сама Россия всегда была и остаётся геополитическим союзником ислама» [8].

Эти позитивные изменения позволили пересмотреть важнейший принцип формирования международного имиджа России как нематериальной части её геополитического статуса. Если в редакции Концепции-2000 на передний план выдвигалась «задача формирования за ру-

бежом **позитивного** восприятия России, дружественного отношения к ней», т. е. продвижения её привлекательного образа, то Концепция-2008 ориентировала на «содействие **объективному** восприятию Российской Федерации как демократического государства с социально-ориентированной экономикой и независимой внешней политикой» (выд. – *Авт.*). Соответственно, забота о геополитическом статусе страны, её самоутверждении в мировом сообществе становилась стратегической задачей.

Оценочный фокус Концепции-2013 вновь корректируется: внешняя политика России «отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны как **уравновешивающего** фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации» (выд. – *Авт.*). Россия выступает в качестве ответственного и конструктивного члена международного сообщества, способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня, решению глобальных и региональных проблем.

В оценках россиянами геополитического статуса России мнения расходятся:

– 33% опрошенных в ходе социологического мониторинга 2014 г. считают, что «Россия сегодня – великая держава, сравнимая по своему влиянию на мировые процессы с США и Китаем»;

– для 27% «Россия сегодня – одна из ведущих стран мира, сравнимая по своему влиянию с такими странами, как Великобритания, Франция, Германия, Япония»;

⁸ Цит. по: Россия в глобальной политике. 2012. Май–июнь. С. 110.

– 21% убеждены в том, что «Россия сегодня не входит в число наиболее влиятельных стран мира»;

– 19% затруднились ответить [9, с. 24].

Весьма наглядна динамика представлений россиян о позиционировании России в Европе и мире.

В том же социологическом опросе респондентам были предложены два варианта ответа.

Если в поддержку первого: «Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира» в 2002 г. высказывались 55% опрошенных, то к 2014 г. их число сократилось до 36%.

Соответственно изменилась оценочная позиция россиян по отношению ко второму варианту ответа: «Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток». Если в 2002 г. так считали 45% респондентов, то в 2014 г. их число возросло до 64% [9, с. 28–30].

В Концепции-2016 среди приоритетных задач обозначено упрочнение позиций России «как одного из влиятельных центров современного мира», усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, укрепление позиций российских СМИ и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве.

Положение России в международной статусной иерархии обстоятельно характеризует п. 20: «Российская

Федерация, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участником целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов межгосударственного диалога и сотрудничества, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая в рамках своего внешнеполитического курса отношения с ведущими государствами, международными организациями и объединениями в различных частях мира, способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня». Далее следует уточняющее дополнение: Россия всецело осознаёт свою ответственность за поддержание безопасности в мире «как на глобальном, так и региональном уровне». И главное, что было сочтено необходимым – воспроизвести из прежней редакции Концепции-2013 тезис о роли России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации.

О взвешенном ответственном отношении России к своему геополитическому статусу, ни в коей мере не претендующему, подобно Соединённым Штатам Америки, на некую эксклюзивность в мировой политике и международных отношениях, убедительно свидетельствует приоритетная установка Концепции-2016 на обеспечение устойчивой управляемости мирового развития, «что

⁹ Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе. Исследование Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» // Полис. 2015. № 2.

требует **коллективного лидерства ведущих государств**, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отно-

шениях и осуществляться при полном уважении центральной координирующей роли ООН» (выд. – Авт.).

Мессианство в геополитике: американский эксклюзив

Официальный российский подход к определению геополитического статуса страны резко контрастирует с постоянно подтверждаемой стратегической претензией США на исключительную, мессианскую роль в мире. Но если в нашей стране только выразители известных настроений заводят речь о русском цивилизационном мессианстве, то на геополитической избранности США, «исключительности американской нации» настаивает само руководство Штатов.

И это при том, что в Глобальном прогнозе национального Совета по разведке США утверждается: «...к 2030 году ни одна страна, будь то США, Китай или любая другая, не сможет выступить в роли гегемона» [10, с. 8]. Авторы аналитического документа исходят из того, что «эпоха доминирования США в международной политике, начавшаяся в 1945 году, подходит к своему концу» и скорее всего через два десятилетия они останутся «первыми среди равных» в числе великих держав [10, с. 15].

В основе американского культового мессианства лежит исходная макроисторическая идея о глобаль-

ной роли США в развитии мироустройства по тем лекалам и стандартам, которые определяют сами США.

Распад СССР и кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабили давнее стремление США американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства.

В своей основе сохранились прежние представления американских политических элит о системе международных отношений и миропорядке, а также ценностно-идеологические принципы внешнеполитического поведения США.

Лишь немногие идеи и концепции исчезли с окончанием холодной войны. «Напротив, большинство из них вышло за пределы того политико-исторического контекста, в котором они появились. Они продолжают существовать до сих пор, принимая на себя новые политико-идеологические функции, наполняясь иным содержанием, но при этом продолжая логику тех мотивационных, ценностных и идейных элементов, которые развились в сознании

¹⁰ Глобальные тенденции – 2030: альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке США. NIC2012–001 // URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf>

элит Запада в годы существования биполярного миропорядка» [11].

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют её стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды. З. Бжезинский, призывая «высказываться скромнее», ссылаясь на «замечательный пассаж» Рейнольда Нибура о том, что чем ближе цивилизация к своему упадку, тем горячее она твердит о своём превосходстве. «В этом содержится предупреждение. У нас в последние годы была тенденция – говорить о международных делах в манихейских терминах. Мы – оплот праведности. Кто не с нами – тот против нас. Кто против нас – тот по определению на стороне зла. Я думаю, что надо быть чуть скромнее» [12].

В этой связи обращают на себя внимание размышления Дж. Ная, входящего в десятку ведущих американских аналитиков, который тесно увязывает стиль и сущность внешней политики, делая упор на то, что политика, учитывающая интересы других людей и долгосрочные национальные интересы, более привлекательна для других стран, нежели по-

литика, которая страдает узостью и близорукостью. Критикуя тех, кто в американской администрации выступает «за более напористый подход к продвижению американских ценностей», он фиксирует его слабую эффективность в восприятии других стран, «чи граждане видят, что американцы не обладают иммунитетом против спеси и следования только собственным интересам» [13, р. 63, 64].

Независимо от используемой тактики, подчёркивает Най, «скромность является важным аспектом стиля внешней политики». Он приводит весьма показательные результаты опроса общественного мнения в 11 странах, проведенного Би-би-си ещё в 2003 г., которые показали, что большинство в каждой из них, включая США, считает Америку «высокомерной страной» [13, р. 66, 67]. В подтверждение своих выводов он цитирует тогдашнего советника американского президента по национальной безопасности Брента Скоукрофта, предупреждавшего, что коалиции, созданные «по нашему желанию, могут придать нам имидж высокомерной страны, и можно дойти до точки, когда все будут надеяться, что наступит момент, когда кто-нибудь в конце концов поставит фингал под глазом США из-за того, что мы всем обрыдли, и тогда мы будем полностью связаны по рукам и ногам» [13, р. 67].

¹¹ Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщённость Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. М.: Крафт+, 2007. С. 297.

¹² Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: АСТ, 2012. С. 312.

¹³ Nye J. S. Soft Power. The means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

С европейской точки зрения ёмко и точно, со знанием дела охарактеризовал эту особенность американской внешней политики видный французский дипломат Габриель Робен, входивший в разное время в ближайшее окружение президентов Франции. Отмечая, что за последние годы холодной войны и переходного периода «у американцев выработались дурные привычки», он так суммировал свои оценочные выводы: «США так долго говорили

о том, что они борются с “империей зла”, что в конечном счёте сами поверили, будто являются “империей добра”. Они так долго рассуждали о демократии и правах человека, что больше не сомневались: им принадлежит эксклюзивное право собственности на эти две ценности. Американцы не только попали во власть подобного рода иллюзий, но и слишком пристрастились к возможности легко поступиться этими ценностями» [14].

Таким образом, одним из психологических раздражителей, подпитывающих антироссийские умонастроения значительной части политических элит Запада, остаётся стремление России добиться достойного геополитического статуса, соответствующего её реальному положению в мире, и то, как оно оценивается во властных структурах страны. И хотя многие представители западного политического истеблишмента исходят из того, что после распада СССР – геополитического гиганта – Россия не вправе играть в мировой политике роль, сопоставимую с ведущими игроками, события последних лет доказывают обратное.

Испытание геополитического будущего России продолжается.

Библиография • References

- Арбатов Г. А. Жизнь, события, люди: автобиография на фоне исторических перемен. М.: Любимая Россия, 2008. – 396 с.
 [Arbatov G. A. Zhizn', sobytija, ljudi: avtobiografija na fone istoricheskikh peremen. M.: Ljubimaja Rossija, 2008. – 396 s.]
- Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: АСТ, 2012. – 320 с.
 [Bzhezinskij Z., Skoukroft B. Amerika i mir. Besedy o budushhem amerikanskoj vneshnej politiki. M.: AST, 2012. – 320 s.]
- Быков О. Геополитический статус России (в двух книгах). Кн. 2. М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 410 с.
 [Bykov O. Geopoliticheskij status Rossii (v dvuh knigah). Kn. 2. M.: IMJeMO RAN, 2015. – 410 s.]
- Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщённость Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. М.: Крафт+, 2007. – 454 с.

¹⁴ Робен Г. Образ России как зеркало Запада. Кем становится победитель дракона // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 68.

- [*Vojtolovskij F. G.* Edinstvo i razobshhjonnost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii jelit SShA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporjadka 1940–2000-e gody. M.: Kraft+, 2007. – 454 s.]
- Глобальные тенденции – 2030: альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке США. NIC2012–001 // URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf>
- [Global'nye tendencii – 2030: al'ternativnye miry. Publikacija Nacional'nogo soveta po razvedke SShA. NIC2012–001 // URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf>]
- Горшков М. К., Петухов В. В.* Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе. Исследование Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегионом контекстах» // Полис. 2015. № 2. С. 10–34.
- [*Gorshkov M. K., Petuhov V. V.* Vneshnepoliticheskie orientacii rossijan na novom perelome. Issledovanie Instituta sociologii RAN «Dinamika social'noj transformacii sovremennoj Rossii v social'no-jekonomicheskom, politicheskom, sociokul'turnom i jtnoreligioznom kontekstah» // Polis. 2015. № 2. S. 10–34]
- Известия. 2007. 12 февраля.
[Izvestija. 2007. 12 fevral'ja]
- Никонов В.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Э, 2015. – 672 с.
- [*Nikonov V.* Kod civilizacii. Chto zhdjot Rossiju v mire budushhego? M.: Je, 2015. – 672 s.]
- Путин В. В.* Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации 27 июня 2006 г. // URL: <http://kremlin.ru/texts/appears/2006/06/107802/shtml>
- [*Putin V. V.* Vystuplenie na soveshhanii s poslami i postojannymi predstaviteljami Rossijskoj Federacii 27 ijunja 2006 g. // URL: <http://kremlin.ru/texts/appears/2006/06/107802/shtml>]
- Путин В. В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // 8 июля 2000 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>
- [*Putin V. V.* Poslanie Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii // 8 ijulja 2000 g. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>]
- Путин В.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 31 декабря.
- [*Putin V.* Rossija na rubezhe tysjacheletij // Nezavisimaja gazeta. 1999. 31 dekabrja]
- Робен Г.* Образ России как зеркало Запада. Кем становится победитель дракона // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 64–71.
- [*Roben G.* Obraz Rossii kak zerkalo Zapada. Kem stanovitsja pobeditel' drakona // Rossija v global'noj politike. 2008. № 4. S. 64–71]
- Россия в глобальной политике. 2012. Май–июнь.
[Rossija v global'noj politike. 2012. Maj–ijun']
- Nye J. S.* Soft Power. The means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. – 191 p.

Идентичность – объект современного глобального противоборства

Сергей УСТИНКИН
Анатолий РУДАКОВ

Гуманитарные технологии как оружие политической борьбы

В XXI в. наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной, которые уже не объявляются официально и не следуют установленным правилам [1]. Для уничтожения противника широко используются не прямые действия [2, с. 103].

Стратегия сдерживания конкурирующего государства строится

не столько на успехе военных операций, сколько ориентирована на его самодезорганизацию и самодезориентацию. Основой для этого являются иницилируемые извне и искусственно поддерживаемые процессы *деструкции исторически сложившейся культуры, основных мировоззренческих и идеологических установок населения и в конечном счёте*

УСТИНКИН Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, директор Приволжского филиала Института социологии РАН. *E-mail*: sv.ustinkin@gmail.com

РУДАКОВ Анатолий Валерьевич – кандидат политических наук, главный эксперт Центра изучения проблем национальной и международной безопасности ИМОМИ Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. *E-mail*: tamgderuda@mail.ru

Ключевые слова: гуманитарные технологии, архаизация неолиберализма, конфликт идентичностей, синтез историко-культурных кодов.

¹ Герасимов В. Ценность науки в предвидении // URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632>

² Неклесса А. И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1.

смены внутренней организационной среды общества и государства [3].

Основополагающими элементами внутренней организационной среды общества и государства являются общепринятая система ценностей и историческая память, модификация которых способствует трансформации исторически сложившихся традиционных процессов формирования и укрепления идентичности населения страны.

Гуманитарные технологии, используемые как полноценный стратегический военно-политический фактор, нацелены на распоряжение объектами и событиями в формирующейся реальности, всё менее контролируемой конвенциональными методами государственной политики, когда-то казавшиеся эффективными и безальтернативными [2].

Особенностью ситуации является то, что тактика применения подобного рода технологий гибко подстраивается под изменяющуюся ситуацию в стране-противнике, а арсенал самих технологий является предельно широким. При описании подобного рода инструментария в западном и российском экспертных сообществах применяются такие термины, как:

- технологии «мягкой силы»;
- сетевые воздействия;
- «поведенческие войны»;
- информационно-когнитивные технологии;
- технологии трансформации социального поведения и др.

Каждый из упомянутых терминов подразумевает особый набор подходов, концептов, стратегий. При этом все они так или иначе нацелены на обеспечение доступа субъекта применения этих технологий к процессу смыслообразования в информационном поле страны-конкурента и искусственному конструированию идентичности её граждан.

Основными объектами, на которые направлены стратегии трансформации идентичности и, соответственно, современные деструктивные гуманитарные технологии, являются представители социальных групп и институтов, прямо или косвенно участвующих в долгосрочном и краткосрочном регулировании жизнедеятельности населения, это: управленческие элиты, экспертное и научное сообщества («творческая интеллигенция»), работники СМИ, образования, лидеры общественного мнения и авторитетные деятели государства и общества. Образцами поведения и воплощением желаемого образа жизни для определённой части населения являются не только широко представленные в медийном пространстве личности, но и «теневые авторитеты» (успешные блогеры, духовные лидеры и т. д.); они также попадают в сферу стратегического планирования противоборствующих сторон [3].

Одним из важных направлений переконструирования идентичности граждан общества-мишени в современном геополитическом противостоянии является деятельность, на-

³ Овчинский В. С., Сундиев И. Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. Доклад Изборскому клубу // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

правленная на внедрение в научные теории и общественно-политические концепции деструктивных идей и концептов [4]. Поэтому среди прочих объектов, на которые ориентированы социогуманитарные технологии, особое место занимают представители экспертного и научного сообществ.

Степень концептуальной, ценностной ангажированности экспертного научного сообщества, интеллектуальной и политической элиты относится к основополагающему показателю эффективности стратегий, направленных на трансформацию идентичности населения страны. Внедрённая ложная теория поражает национальную науку и соответствующие научные школы [5]. Следующая в этом русле образовательная политика поражает кадры (студенты, аспиранты, молодые специалисты и учёные), которые оказываются «запрограммированными» на ложные представления о важнейших парадигмах управления и развития страны. Такого рода концепты и теории насыщают релевантные референтные структуры органов государственного управления и воспринимаются лицами, принимающими решения; соответственно, возникает ошибочная контрпродуктивная государственная политика управления, в том числе образовательная, культурная, информационная, политика памяти.

В этой связи к признакам успешности реализации стратегии трансформации идентичности населения страны необходимо причислять инверсию смыслообразующих образовательных программ (в том числе курса истории), отказ от национального наследия в методологии и формирование псевдонаук на периферии классических дисциплин, засорение знаний мизантропической мифологией, вбросы «глобальных» стандартов в законодательство, ретрансляцию «глобальной повестки дня» в соответствии с концептами и теориями общенациональных СМИ и т. д. [6].

Одним из элементов стратегии применения современных высоких социогуманитарных технологий является системное возвращение узкой прослойки населения из числа активных пользователей социальных сетей и блогосферы, не имеющих отношения к экспертно-научной среде, политической элите, работникам общенациональных СМИ. Руководствуясь посылами формируемого извне концептуального дискурса, они не просто воспринимают новую ценностную матрицу, но и являются «пехотой» по продвижению стереотипизированных штампов оценки действительности в стране на неформальном уровне, в открытых телекоммуникационных сетях. По мнению Линдона Ларуша, эти люди, являясь самыми непосвящён-

⁴ Калашиков М. Из кого состоит «пятая колонна». Изборский клуб // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/4542>

⁵ Сулакшин С. Национальные угрозы России: когнитивное оружие. Доклад на общем собрании Академии военных наук. 2014. Январь // Центр научной политической мысли и идеологии // URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie>

⁶ Фурсов А. И. Русский интерес. М.: КМК, 2014. С. 32.

ными, при этом самыми активными адептами нового мировоззрения, сознания, конструкторов идентичности, и занимаются информационно-психологической обработкой родного «общества-мишени» за собственный счёт в качестве волонтёра-энтузиаста [7].

Очевидно, что одним из критериев эффективности реализации разного рода деструктивных по отношению к стране геополитических стратегий является удельный вес такой категории граждан.

Фактически достижение ситуации трансформации ценностного целеполагания в сознании определённого процента пассионарной части населения вместе с осознанно или неосознанно действующими представителями научно-экспертных сред, политической, финансовой и культурной элит воплощает собой «способ активации некой патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя» [3].

Необходимо указать на то обстоятельство, что в основе стратегий трансформации идентичности лежат беспрецедентные возможности традиционных и новых медиа. Появление феномена социальных сетей, развитие облачных вычислений, беспроводной связи, массовый выпуск дешёвых смартфонов с поддержкой выхода в Интернет делают социум не просто связанным, а гиперсвязанным и взаимозависимым. Речь идёт фактически

о формировании нового качества культурно-информационной социальной среды.

Помимо того что трансформацию претерпели формы коммуникации в информационном пространстве, изменился и субъект, пытающийся оказывать манипулятивные воздействия с использованием новых коммуникативных форм.

Данный субъект обладает сложной структурой, причём его отдельные составные части имеют как совпадающие общие, так и специфические цели и задачи. В структуре данного субъекта достаточно очевидно различается заинтересованность и прямое участие государственных ведомств (прежде всего США). Вместе с тем важную роль в деятельности субъекта играет и ряд наднациональных парapolитических структур, университетские центры и международные НКО, спонсируемые определённой группой олигархических фондов при прямом содействии статусных международных институтов. Кроме того, как постоянная деятельность этих структур, так и результаты комплексных воздействий приносят выгоду ряду специфических видов транснационального бизнеса.

Таким образом, субъект, реализующий геополитические стратегии посредством современных социогуманитарных технологий, необходимо определять не как то или иное государство или группу государств, а как своего рода «цивилизационное лобби», пытающееся реализовывать определённый глобальный цивили-

⁷ Ларуш Л. О сущности стратегического метода. Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень. № 9 // URL: <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib9/sib9b.html>

зационный проект и работающее на задачу смены цивилизацион-

ной парадигмы на территории Российской Федерации [8].

Сворачивание глобализации и актуализация идентичности

Идентичность становится объектом противоборства не только в силу колоссального прорыва в развитии гуманитарных технологий, способных оказывать воздействие на процессы её формирования и трансформации. Причиной являются и общемировые глобальные социально-политические и культурные процессы. Речь идёт об отмечаемых отдельными исследователями изменениях современных глобализационных трендов, достигших своих пределов. В настоящее время идёт переконструирование мирового глобального проекта (его сворачивание в прежних форматах), но на условиях и к выгоде самих глобализаторов [9, с. 121].

Этот процесс сопровождают явления кардинальной переоценки ценностей в различных государствах и сообществах, называемой «архаизацией неолиберализма», формированием «нового варварства». Смысл этого заключается в том, что либеральный мир, теряя идеологическую привлекательность и накапливая экономические проблемы, вынужден прибегать к военной силе,

поскольку другие способы контроля над ситуацией утрачивают свою эффективность. Либеральная мир-система ужесточается и архаизируется. Возникает феномен неолиберализма. Если прежде в либеральной среде было принято рассуждать об обществе равных возможностей, то неолибералы считают, что «равные возможности» – это угроза для обладателей экономических привилегий. Таким образом, либерализм пришёл к отрицанию собственных ценностей и отходит от идеи «равных возможностей» [10].

Ответом на архаизацию становится раскручивание «спирали пассионарности», характерное не только для мировых окраин, но и для Ближнего Востока, Центральной Европы. Порой эта пассионарность выливается в реабилитацию неонацизма [11].

Так или иначе, изменение глобализационных трендов приводит к тому, что роль традиционалистских групп в обществе резко возрастает. Национальная и конфессиональная идентичность из этнокультурного феномена превращается в мощный политический фактор.

⁸ Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б. Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба. М.: Алгоритм, 2014. С. 5.

⁹ Щипков А. В. До и после политики. М.: Пробел-2000, 2016.

¹⁰ Щипков А. В. Национальная история как общественный договор: от экономического гегемонизма – к консенсусу традиций. СПб.: Алетейя, 2015. С. 54.

¹¹ Анатомия этнополитики / науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. С. 21.

Кризис идентичности российского общества: сущностные параметры

Достижения гуманитарных технологий, где манипуляция идентичностью является самоцелью, вместе с актуализацией феномена идентичности в новых мировых глобальных политических и культурных процессах накладываются и на внутрисоветские, в которых кризис общероссийской идентичности является одним из актуальных факторов, определяющих реальность современной России и её общества.

Понятие «идентичность» схематично можно определять через набор известных параметров: язык, конфессия, этничность, общая история и гражданско-правовое пространство. Это понятие воплощает собой некую коллективную Я-концепцию, которая содержит осознание исторической миссии народа, воплощённой в ответах на вопросы: кто мы, откуда и куда мы идём? [12]

С научной точки зрения общероссийскую идентичность можно определить, как «идентичность, основанную на традиции восточно-христианской византийской культуры, которая включает в себя элементы демократического централизма (феномен «народной монархии»), симфонию светско-религиозного, стремление к примату морали над правом и некой социальной эгалитарности. Причём эгалитарный аспект именно на русской почве получил дополнительное развитие и значение» [9, с. 121].

Анализ актуального состояния российского общества показывает, что ответ на вопрос о сущности общероссийской идентичности в современной ситуации не может быть однозначным.

Прежде всего эта неоднозначность обуславливается особенностями истории российского государства, в которой были катаклизмы, вызвавшие «разрыв» традиций. К таким событиям помимо церковного раскола XVII в., революций 1917 г. относятся и события 90-х годов.

Российская идентичность после 1991 г. может рассматриваться как некий конструкт, формируемый с помощью политтехнологий. Этот конструкт опирается на комплекс либеральных идей и является идеологической основой утверждения в России экономической модели, имеющей постпротестантские корни. Советская компонента общероссийской идентичности как важная часть исторического опыта народа в этом конструкте в лице советской модели развития, скрепляемой идеей полиэтничной нации и социального государства, вытеснена социал-дарвинизмом и принципами социальной эвгеники.

В результате в России вместо ослабленной, размытой, но исторически достоверной обществу системно навязывалась, не без использования инструментария современных гуманитарных технологий, «альтернативная» идентичность. Основанный

¹² Щипков А. В. Похищение русской идентичности // Плаха. 1917–2017. Сб. статей о русской идентичности / сост. А. В. Щипков. М.: Пробел-2000, 2015. С. 4.

на комплексе исторической неполноценности, этот конструкт новой российской идентичности фактически предполагает вытеснение из коллективной памяти российского народа сакральных смыслов общероссийской, русской истории.

Таким образом, в современной ситуации в общественном сознании, а следовательно, в научном, культурном, медийном, образовательном дискурсах устойчиво проявляет себя конфликт идентичностей – традиционной и квазилиберальной. На этом фоне во многом в результате массивных системных воздействий гуманитарных технологий традиционная общероссийская, русская, включающая советскую, идентич-

ность слабеет, вытесняется множественностью групповых, в том числе региональных (кёнигсбергской, сибирской, поморской, ингерманландской, финно-угорской и пр.) идентичностей.

Общенациональный кризис идентичности вместе с технологичными системными ударами по общественному сознанию со стороны внешних центров провоцируется в такие явления, как русофобия, эрозия системы ценностей, релятивизм, карнавализация общезначимых идей и символов, переформатирование символического пространства общества, которое призвано формировать и укреплять идентичностные основы народов России.

Политика укрепления идентичности как ресурс

Ответом на вышеуказанные процессы, деструктивные стратегии и технологии должна стать политика в сфере формирования и укрепления общероссийской идентичности. На концептуальном уровне её главной задачей является синтез (взаимный перевод) разных историко-культурных кодов, составляющих единое знаковое пространство общероссийской, русской традиции, в частности, советский (код «социальной справедливости») и христианских ценностей (евангельский код) [9, с. 121].

Этот взаимный перевод кодов необходимо осуществлять в рамках инициируемого обществом и поддерживаемого государством научного, экспертного, художественного, политического, общекультурного, медийного и сетевого дискурсов.

Подобного рода общенациональный дискурс должен быть противо-

поставлен мифотворчеству, искажению системы ценностей и фальсификации исторической памяти, привносимых стратегиями трансформации идентичности и современными гуманитарными технологиями. Формируемый и поддерживаемый государством дискурс может позволить компенсировать возникший вакуум идентичности, который усугубляется «призывами» к десоветизации, поощрением конфликтов между советским и несоветским, светским и религиозным, красными и белыми и пр. Необходимо понимание, что подобного рода «призывы» в информационно-культурном пространстве страны объективно направлены против всей общероссийской традиции и национальной исторической преемственности.

В предлагаемом дискурсе как базовой основе политики в сфере

укрепления общероссийской идентичности должно быть соединено на первый взгляд несовместимо: дореволюционный мир и мир советский. Но очевидно и то, что дореволюционное и советское имеют в полной мере общие корни, которые определяются императивом поисков и построения «царства правды», где всякий человек не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общи-

ми задачами. Образ «Святой Руси», «сосуда истинной веры» и образ государства социальной справедливости, «общества равенства и братства» – всё это разные проекции одной идеи, части одного целого. Идея общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) – вариации на одну и ту же тему, неотъемлемые составляющие общероссийской, русской идентичности [9, с. 122].

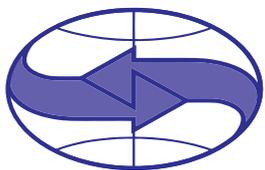
В современных условиях в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность оказывается более устойчивой, кризис идентичности ведёт к утрате геополитических позиций.

Реализация политики в сфере формирования и укрепления общероссийской идентичности позволит системно противостоять глобализационным вызовам, интегрировать политико-культурное пространство страны, мобилизовать население на решение актуальных задач возрождения научного и экономического потенциала страны, дать мощный толчок к развитию традиции и культуры.

Библиография • References

- Анатомия этнополитики / науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 431 с.
 [Anatomiyaetnopolitiki / podnauch. red. L. V. Savinova. Novosibirsk: Izd-voSibAGS, 2015. – 431 s.]
- Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Ежедневник «Военно-промышленный курьер» // URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632>
 [Gerasimov V. Tsennost nauki v predvidenii // Ezhenedelnik «Voенno-promyshlennyyi kurer» // URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632>]
- Калашников М. Из кого состоит «пятая колонна». Изборский клуб // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/4542>
 [Kalashnikov M. Iz kogo sostoit «pyataya kolonna». Izborskiy klub // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/4542>]
- Ларуш Л. О сущности стратегического метода. Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9 // URL: <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib9/sib9b.html>
 [Larush L. O sushhnosti strategicheskogo metoda. Shillerovskij institut nauki i kul'tury. Bjul. № 9 // URL: <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib9/sib9b.html>]
- Некlessа А. И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 93–107.
 [Neklessa A. I. Mirovoy tranzit: ot kriticheskikh tehnologiy k slozhnoy praktike // Aktualnyie problemy ekonomiki i prava. 2015. № 1. S. 93–107]

- Овчинский В. С., Сундиев И. Ю.* Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. Доклад Изборскому клубу // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>
- [*Ovchinskij V. S., Sundiev I. Yu.* Organizatsionnoe oruzhie: funktsionalnyy genезis i sistema tehnologiy XXI veka. Doklad Izborskому клубу // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>]
- Сулакшин С.* Национальные угрозы России: когнитивное оружие. Доклад на общем собрании Академии военных наук. 2014. Январь // Центр научной политической мысли и идеологии // URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie>
- [*Sulakshin S.* Natsionalnyye угрозы Rossii: kognitivnoe oruzhie: doklad na Obщем собрании Akademii voennyih nauk. 2014. Yanvar // Tsentr nauchnoy politicheskoy myisli i ideologii // URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie>]
- Фурсов А. И.* Русский интерес. М.: КМК, 2014. – 504 с.
- [*Fursov A. I.* Russkiy interes. M.: KMK, 2014. – 504 s.]
- Черемных К. А., Восканян М. В., Кобыяков А. Б.* Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба. М.: Алгоритм, 2014. – 224 с.
- [*Cheremnyih K. A., Voskanyan M. V., Kobuyakov A. B.* Anonimnaya voyna. Ot analitikov Izborskogo kluba. M.: Algoritm, 2014. – 224 s.]
- Щипков А. В.* До и после политики. М.: Пробел-2000, 2016. – 132 с.
- [*Shchipkov A. V.* Doiposlepolitiki. M.: Probel-2000, 2016. – 132 s.]
- Щипков А. В.* Национальная история как общественный договор: от экономического гегемонизма – к консенсусу традиций. СПб.: Алетейя, 2015. – 101 с.
- [*Shhipkov A. V.* Nacional'naja istorija kak obshhestvennyj dogovor: ot jekonomicheskogo gegemonizma – k konsensusu tradicij. SPb.: Aletejja, 2015. – 101 s.]
- Щипков А. В.* Похищение русской идентичности // Плаха. 1917–2017. Сб. статей о русской идентичности / сост. А. В. Щипков. М.: Пробел-2000, 2015. С. 3–40.
- [*Shhipkov A. V.* Pohishhenie russkoj identichnosti // Plaha. 1917–2017. Sb. statej o russkoj identichnosti / sost. A. V. Shhipkov. M.: Probel-2000, 2015. S. 3–40.]

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Роль Каспийских саммитов в решении региональных проблем

Игорь ЗОНН
Сергей ЖИЛЬЦОВ

Распад СССР привёл к появлению на берегах Каспия новых государств. Изменение геополитической ситуации поставило вопрос о поиске новых форм взаимодействия прикаспийских стран. Соответственно, каспийское направление стало одним из приоритетных для внешней политики России. Повышенное внимание к региону определялось наличием значительных запасов углеводородного сырья и уникальных биоресурсов Каспийского моря.

На Каспий приходится до 90% мировых запасов осетровых рыб, рациональное использование биоресурсов стало ключевой задачей прикаспийских государств, которая определила формирование сети морских маршрутов, прокладки новых трубопроводы.

Данные факторы привели к тому, что прикаспийские страны, заинтересованные в освоении имеющихся месторождений нефти и газа, развитии рекреационной зоны, расширении торгово-экономического сотрудничества, стали искать пути взаимодействия для решения региональных проблем [1].

ЗОНН Игорь Сергеевич – доктор географических наук, генеральный директор инженерно-го научно-производственного центра по водному хозяйству, мелиорации и экологии «Союзводпроект». *E-mail*: igorzonn@yandex.ru

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код*: 4297–7880, *E-mail*: sergej-z71@yandex.ru

Ключевые слова: статус Каспия, Каспийский регион, прикаспийские государства.

¹ Зиланов В. Каспийские осетры – заложники политиков-временщиков и нефтяных королей // Обозреватель–Observer. 2001. № 11.

Формирование многостороннего переговорного процесса

Отношения России и Ирана на Каспии определяются многовековой историей взаимодействия. Ожесточённая борьба за доминирование на Каспии в XVIII–XIX и XX вв. сменилась формированием двустороннего механизма взаимодействия. Подписанные в 1921 и 1940 гг. договоры между Советской Россией и Ираном предоставили двум государствам равные права на морскую деятельность.

Документы предоставляли право свободного судоходства и рыболовства за исключением 10-мильной рыболовной зоны, а также вводили запрет на плавание судов под флагами третьих стран. При этом договоры не регулировали вопросы недропользования и охраны природной зоны.

Распад Советского Союза нарушил сложившийся механизм советско-иранского взаимодействия. Новые прикаспийские государства – Азербайджан, Казахстан и Туркмения – всё меньше брали в расчёт позицию России, проводя политический курс, ориентированный на расширение сотрудничества с западными странами. Советско-иранские договоры подверглись критике новых прикаспийских государств, так как уже не отвечали их интересам. Тем не менее страны региона продолжали сотрудничество, поскольку не могли в одностороннем порядке решить имеющиеся проблемы.

Заинтересованность прикаспийских государств в формировании

многостороннего механизма согласования своих позиций вновь столкнулась с вопросом неурегулированности международно-правового статуса Каспийского моря. Сразу после распада СССР в Азербайджане вспомнили о том, что Каспийское море уже было разделено.

Так, в 1970 г. Министерство нефтяной промышленности СССР поделило на сектора советскую часть Каспийского моря между Азербайджанской ССР, Казахской ССР, РСФСР и Туркменской ССР. За основу была взята срединная линия, общепринятая в международной практике.

Но президент Азербайджана И. Алиев отмечал, что разделение моря между союзными республиками по административно-территориальным границам носило условный характер, так как эти границы являлись всего лишь внутренними, а не внешними государственными линиями [2].

Тем не менее решение двадцатилетней давности давало новым прикаспийским странам основание использовать данный факт в выдвижении своих претензий на «свою» часть Каспия.

В целом позиции сторон изначально различались. Россия опиралась на принцип непрерывности (континуитета) российской государственности. Согласно данному принципу Российское государство (Российская империя), РСФСР, СССР и Российская Федерация являлись одним и тем же участником межгосударственных отношений, одним и тем же субъектом международного

² Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. С. 291.

права, который осуществлял права и выполнял обязательства, вытекающие из его международных договоров. Позиция России по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря в начале 1992 г. определялась тем, что её правопреемство в отношении статуса Каспия новые прикаспийские государства подтвердили в Алма-Атинской декларации (21 декабря 1991 г.).

Согласно этому документу государства – участники Содружества гарантировали выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и обязательств СССР [3].

Соответственно, российские усилия были направлены на то, чтобы международную проблему правового статуса Каспийского моря перевести в правовую плоскость и таким образом сохранить своё влияние на Каспии.

Позиция России не поддерживалась в новых прикаспийских государствах, которые выступали за то, чтобы разделить Каспийское море на национальные сектора. Прикаспийские страны указывали на то, что они не являлись участниками международных договоров, заключенных Россией и Персией (Ираном) в XIX–XX вв. Этот аргумент многократно использовался на переговорах и формировал их последующую позицию по вопросу международно-правового статуса Каспия. Азербайджан, Казахстан и Туркмения настаивали на отсутствии у них исторических обязательств.

Жёсткая позиция Азербайджана, Туркмении и Казахстана была связана с заинтересованностью в привлечении иностранных инвестиций в разработку месторождений углеводородных ресурсов и прокладки трубопроводов для их последующего экспорта на внешние рынки, так как после распада СССР каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития для стран региона [4]. При этом сохранение лидирующей роли России на Каспии противоречило интересам западных нефтегазовых компаний, которые активно действовали в новых прикаспийских государствах. Эти факторы препятствовали конструктивному обсуждению проблемы международно-правового статуса Каспийского моря в пятистороннем формате.

Политическая ситуация в Каспийском регионе кардинально изменилась 20 сентября 1994 г., когда Азербайджан подписал контракт с крупными нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия (месторождения Азери, Гюнешли, Чираг). Соглашение получило негативные оценки в России, которая по-прежнему выступала за совместное использование Каспийского моря. Россия пыталась препятствовать переговорам о разработке месторождений нефти и газа на Каспии, настаивая на создании механизма регионального взаимодействия. В частности, в октябре того же года Российская Федерация предложила прикаспий-

³ Зонн И. С. Каспий: иллюзии и реальность. М.: Коркис, 1999.

⁴ Старченков Г. И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: Крафт+, 2001. С. 298.

ским странам сформировать региональную организацию для рассмотрения вопросов, касающихся проблем Каспия и разработки углеводородных месторождений. Однако подобные предложения не нашли поддержки в прикаспийских государствах. Прежде всего против этого выступил Азербайджан, так как речь шла о праве вето любой из стран региона на разработку месторождений другой стороны без предварительного согласования со всеми участниками организации.

Поскольку идея создания региональной организации не получила поддержки, Россия изменила свою политику, предложив признать Каспий международным озером, поскольку правовой режим международных озёр и замкнутых морей имеет отличия. Статус озера предполагает, что его воды, недра и месторождения являются общим достоянием всех прибрежных государств. Азербайджанская сторона выступила против, указывая, что Каспий является закрытым морем, а статус моря, в соответствии с Конвенцией ООН (1982 г.), закрепляет суверенные права каждого из прибрежных государств на собственную «экономическую зону» – часть недр, шельфа, территориальные воды и т. д. Данное обсуждение не внесло ясности в вопрос о международно-правовом статусе Каспия из-за того, что прикаспийские страны не поддерживали Россию.

Расхождение позиций не мешало прикаспийским странам обсуждать вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря.

В мае 1995 г. в Казахстане прошло совещание заместителей министров иностранных дел прика-

спийских государств. На нём представители внешнеполитических ведомств безуспешно пытались согласовать интересы своих стран.

Затем, в июне 1995 г., руководители правовых департаментов МИД прикаспийских государств провели в Тегеране своё первое совещание по вопросам правового статуса Каспийского моря, достигнув договорённости о создании постоянно действующего переговорного механизма по выработке статуса.

В октябре 1996 г. состоялись пятисторонние переговоры прикаспийских государств, на которых участвовали представители МИД заинтересованных стран. Несмотря на то что переговоры выявили диаметрально противоположные позиции, страны согласились на создание нового механизма взаимодействия по решению проблемы международно-правового статуса Каспия. Результатом переговоров стало решение о создании Специальной рабочей группы (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств. На них была возложена выработка конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря.

Рабочая группа стала одним из ключевых переговорных механизмов прикаспийских стран.

На заседаниях представители стран стремились сблизить свои позиции в отношении конвенции по правовому статусу Каспия.

Так, Азербайджан, Казахстан и Туркмения обладали значительными запасами углеводородов и выступали за раздел моря на национальные сектора.

Туркмения выступила за установление 15-мильной прибрежной зоны и 25-мильной морской экономической зоны.

Кроме того, она выразила претензии на спорные с Азербайджаном месторождения Азери, Кяпаз и Чираг.

Иран предлагал использовать море совместно либо разделить его поровну, предоставляя каждому государству по 20% дна и акватории. Иранская

сторона выступила против освоения каспийских энергоресурсов до определения международно-правового статуса Каспийского моря.

Россия выступала против секторального раздела Каспийского моря. Предложенная министерством иностранных дел Российской Федерации формула «Дно делим – вода общая» сказала на позициях Азербайджана и Казахстана, одновременно позволив вывести из тупика переговоры с ближайшими соседями.

Раздел ресурсов, находящихся на шельфе по принципу срединной линии, которая в дальнейшем могла модифицироваться по договорённости сторон, оставлял водную поверхность моря в общем пользовании.

Спорные месторождения нефти и газа было предложено делить по принципу «50 на 50», что позволяло компенсировать затраты, понесённые одной из сторон на их освоение.

В результате в июле 1998 г. было подписано российско-казахстанское Соглашение «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование», основанное на принципе срединной линии.

Срединной линией, применяемой для делимитации водных пространств между государствами с противоположными и сопредельными побережьями,

является линия, каждая точка которой является равноотстоящей от соответствующих ближайших точек на побережьях этих государств.

Модификация срединной линии осуществляется на основе принципа справедливости и по договорённости сторон. Модифицированная срединная линия включает в себя все участки, которые не являются равноотстоящими от побережий сторон и определяются с учётом островов, геологических структур, а также с учётом других особых обстоятельств и понесённых геологических затрат [5].

В соглашении говорилось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договорённости сторон».

Также в документе было отмечено, что «Стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» [6].

Границы устанавливаются «на равном расстоянии от берегов двух стран по срединной линии, модернизированной на основе принципа справедливости и договорённости Сторон» (ст. 1). При этом её прохождение «определяется при помощи точек отсчёта на побережьях сторон с учётом островов, исходя из уровня Каспийского моря на 1 января 1998 г.».

Разграничение касалось не территории, а перспективных нефте-

⁵ О правовом статусе Каспийского моря. Информация рабочей группы МИД России. Февраль 2001 г. // Вестник Каспия. 2001. № 3. С. 2–4.

⁶ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003. С. 4–5.

газовых месторождений. Это означало, что государственные границы на Каспии и под водой между Россией и Казахстаном не устанавливались, и формально это не могло рассматриваться в качестве раздела Каспия на сектора.

Фактически Россия и Казахстан пошли на политический компромисс, поскольку модифицированная срединная линия стала результатом политических договорённостей.

Для России важным элементом Соглашения стала ст. 5. В ней говорилось, что вопросы, связанные со свободой судоходства и полётов, прокладкой и использованием подводных кабелей, трубопроводов и с иными видами использования Каспийского моря, будут урегулированы отдельными двусторонними и многосторонними соглашениями прикаспийских государств после заключения и на основании конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Соглашение между Россией и Казахстаном о разграничении дна в целях недропользования привлекло внимание Азербайджана.

В результате в январе 2001 г. было подписано Совместное заявление президентов Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море.

В заявлении предлагалось на первом этапе разграничить дно Каспийского моря между сопредельными и противоположащими госу-

дарствами на сектора/зоны на основе срединной линии, проводимой с учётом равноудалённых точек, и модифицированной по договорённости сторон, а также с учётом общепризнанных принципов международного права и сложившейся практики на Каспии.

Суть соглашения можно охарактеризовать следующей формулой: «Дно делим – вода общая».

«Стороны согласились, что за каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе/зоне будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельностью на дне» [7].

По сравнению с российско-казахстанской декларацией новое в этой формулировке – употребление термина «сектор/зона».

Соглашение показало, что Россия приняла решение урегулировать вопрос статуса Каспийского моря в первую очередь с Казахстаном и Азербайджаном. Россия согласилась с принципом справедливого разграничения дна, допуская также возможность «установления для каспийских государств двух прибрежных зон согласованной ширины: одной – для осуществления пограничного, таможенного, санитарного и иного контроля (до 12 миль), другой – рыболовной, в которой рыбным промыслом могли бы заниматься только суда под флагом соответствующей прибрежной страны (не более 20 миль)» [4].

⁷ Совместное заявление президентов Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003. С. 11–12.

Новый формат переговоров

Трудности, с которыми столкнулись прикаспийские страны на переговорах по международно-правовому статусу Каспийского моря, потребовали внести изменения в сформированный механизм. Региональный формат переговоров, помимо заседания СРГ, стал включать в себя также совещания министров иностранных дел прикаспийских стран*. В результате работы СРГ и совещаний министров иностранных дел удалось сблизить позиции по большинству положений конвенции, которые касаются природоохраны, биоресурсов, судоходства и др. В то же время уровень заседаний министров иностранных дел не всегда мог разрешить противоречия, что потребовало участия лидеров стран Каспийского региона.

Россия стала инициатором проведения первого саммита глав прикаспийских государств, который состоялся 23–24 апреля 2002 г. Основным итогом саммита принято считать устное заявление президента России В. В. Путина о том, что пять лидеров прикаспийских стран готовы встречаться и дальше для решения широкого круга проблем. Несмотря на отсутствие подписанных документов, проведение саммита имело большое политическое значение, поскольку был создан многосторонний переговорный механизм.

В 2003 г. прикаспийские государства достигли единства позиций в решении экологических проблем Каспийского моря. Была подписана

Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря, которая стала первым многосторонним документом.

В том же году Россия, Азербайджан и Казахстан в трёхстороннем формате сумели решить проблему правового статуса Каспийского моря. При этом они по-прежнему выступали за решение данной проблемы в рамках «каспийской пятёрки».

Прикаспийским странам потребовалось пять лет, чтобы согласовать позиции ко второму саммиту. Он состоялся в октябре 2007 г. и завершился принятием декларации, в которой лидеры прикаспийских государств подтвердили готовность продолжать переговоры по выработке и принятию конвенции о правовом статусе Каспийского моря, договорились относительно суверенных прав в отношении моря и его ресурсов, обеспечения режимов судоходства, рыболовства и плавания судов под флагами прикаспийских государств. Важными стали положения о мирном характере использования Каспия. В итоге второй саммит заложил основы для продолжения переговоров по решению международно-правового статуса Каспийского моря.

Третий саммит глав прикаспийских государств состоялся 18 ноября 2010 г. Во время его проведения было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, в котором были отражены вопросы борьбы с терроризмом, организованной преступ-

* На начало 2017 г. было проведено 48 заседаний СРГ на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских стран и 6 совещаний (последнее состоялось в сентябре 2016 г.).

ностью, контрабандой оружия, наркотиков и ядерных технологий, захватом судов, нелегальной миграцией, незаконной добычей биоресурсов и т. д. В документе был зафиксирован ключевой для России принцип, согласно которому обеспечение безопасности на Каспии является исключительно делом прибрежных стран.

На встрече президентов было принято решение проводить саммиты глав прикаспийских государств на регулярной ежегодной основе. Кроме того, была отмечена необходимость продолжения работы Специальной рабочей группы по разработке конвенции о правовом статусе Каспийского моря и сохранению формата встреч представителей внешнеполитических ведомств стран региона.

Несмотря на принятие решения о ежегодном проведении саммитов, этого достичь не удалось. Четвёртый саммит не был проведён в 2011–2013 гг., а принятые ранее решения реализовывались не в полной мере.

Так, Казахстан фактически самостоятельно осуществлял мораторий на вылов осетровых.

Не был создан межгосударственный механизм по выполнению Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспии и обеспечении взаимодействия прикаспийских стран.

Не получила своего развития идея создания Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС).

В итоге, после третьего саммита, основной акцент прикаспийские страны сделали на периодически проводимые заседания СРГ. На 35-м заседании группы (29–30 январь 2014 г., Астана) состоялось обсуждение и согласование проекта итогово-

го документа четвёртого каспийского саммита.

Каждая из прикаспийских стран была заинтересована в создании чётких и стабильных «правил игры» в Каспийском регионе, в то же время не забывая о своих национальных интересах. Наиболее чётко это проявлялось в области разведки, добычи и экспорта углеводородов.

Четвёртый саммит глав прикаспийских стран состоялся 29 сентября 2014 г. в Астрахани. Прикаспийские страны не приняли конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря, согласовав и подписав политическое заявление. В нём были отражены основные принципы пятистороннего сотрудничества на Каспии.

В заявлении впервые был зафиксирован размер прибрежного морского пространства – 25 морских миль. Из них 15 миль признавались зоной государственного суверенитета и 10 миль – зоной исключительных прав на рыболовство.

Остальная поверхность водоёма оставалась в общем пользовании для судоходства.

Кроме того, главы прикаспийских государств договорились, что в Каспийском море не будут присутствовать вооружённые силы третьих государств, и оно было объявлено «зоной мира». «Каспийская пятёрка» обсудила развитие транспортной инфраструктуры в регионе. Большое внимание было уделено транспортному коридору Север – Юг.

На саммите в пятистороннем формате были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на Каспийском море, о со-

хранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов, о сотрудничестве в области гидрометеорологии. По итогам встречи в Астрахани президенты сделали заявления о возможности подписания конвенции на следующем саммите (табл.).

Несмотря на сближение позиций, в последующие несколько лет прикаспийские страны не смогли согласовать окончательный текст конвенции. В результате на шестой встрече министров иностранных дел прикаспийских стран (июль 2016 г.) было принято решение перенести проведение саммита прикаспийских государств на 2017 г.

Причин переноса саммита несколько. Нерешённым вопросом оставался принцип раздела моря. Задержка с проведение следующего саммита была связана с Ираном, который не отказался от своей позиции и претендовал на 20% акватории Каспийского моря.

К пятому саммиту Иран должен принять решение относительно принципа раздела дна моря по срединной модифицированной линии в Южном Каспии – между Азербайджаном и Туркменией. Этот принцип использовали Казахстан, Россия и Азербайджан при осуществлении разграничения зон недропользования в Северном Каспии.

Таблица

Саммиты глав прикаспийских государств

Россия	Азербайджан	Иран	Казахстан	Туркмения
I саммит 23–24 апреля 2002 г. (Ашхабад, Туркмения)				
В. Путин	Г. Алиев	М. Хатами	Н. Назарбаев	С. Ниязов
II саммит 16 октября 2007 г. (Тегеран, Иран)				
Д. Медведев	И. Алиев	М. Ахмадинежад	Н. Назарбаев	Г. Бердымухамедов
III саммит 18 ноября 2010 г. (Баку, Азербайджан)				
В. Путин	И. Алиев	М. Ахмадинежад	Н. Назарбаев	Г. Бердымухамедов
IV саммит 29 сентября 2014 г. (Астрахань, Россия)				
В. Путин	И. Алиев	Х. Роухани	Н. Назарбаев	Г. Бердымухамедов

Участие глав прикаспийских государств в переговорах позволило активизировать пятисторонний диалог. Это стало наиболее эффективным механизмом в решении проблем региона. Сложившаяся дипломатическая трёхуровневая переговорная структура – Специальная рабочая группа, совещание министров иностранных дел и саммит лидеров – доказал свою эффективность и востребованность.

Сроки проведения пятого саммита будут зависеть от результатов работы СРГ и совещаний министров иностранных дел. За время, прошедшее с первого саммита, было согласовано значительное число статей конвенции. Большая их часть получила одобрение в прикаспийских государствах.

Принятие конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря обеспечило бы суверенные права прибрежных стран, создало бы международно-правовую базу для их последующего сотрудничества по отдельным направлениям деятельности в регионе.

Библиография • References

- Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. – 712 с.
[Aliiev I. Kaspijskaja neft' Azerbajdzhana. M.: Izvestija, 2003. – 712 s.]
- Зиланов В. Каспийские осетры – заложники политиков-временщиков и нефтяных королей // Обозреватель–Observer. 2001. № 11. С. 45–51.
[Zilanov V. Kaspijskie osetry – založniki politikov-vremenshhikov i neftjanyh korolej // Obozrevatel'–Observer. 2001. № 11. S. 45–51]
- Зонн И. С. Каспий: иллюзии и реальность. М.: Коркис, 1999. – 467 с.
[Zonn I. S. Kaspij: illuzii i real'nost'. M.: Korkis, 1999. – 467 s.]
- О правовом статусе Каспийского моря. Информация рабочей группы МИД России, февраль 2001 г. // Вестник Каспия. 2001. № 3. С. 2–4.
[O pravovom statuse Kaspijskogo morja. Informacija rabochej grupy MID Rossii, fevral' 2001 g. // Vestnik Kaspija. 2001. № 3. S. 2–4]
- Совместное заявление президентов Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003.
[Sovmestnoe zjavlenie prezidentov Rossijskoj Federacii i Azerbajdzhanskoj Respubliki o principah sotrudnichestva na Kaspijskom more // Diplomatičeskie dokumenty po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspijskogo morja (1998–2003). M.: Jedel'-M, 2003]
- Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003.
[Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Kazahstan «O razgranichenii dna severnoj chasti Kaspijskogo morja v celjah osushhestvlenija suverennyh prav na nedropol'zovanie» // Diplomatičeskie dokumenty po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspijskogo morja (1998–2003). M.: Jedel'-M, 2003]
- Старченков Г. И. Нефть Каспия и пути её транспортировки // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: Крафт+, 2001. С. 298–307.
[Starčenkov G. I. Neft' Kaspija i puti ejo transportirovki // Musul'manskie strany u granic SNG. M.: Kraft+, 2001. S. 298–307]

Российский политический консалтинг в начале 2000-х годов

Лариса ФЕДОРЧЕНКО

Истоки трансформаций

Политический пиар-менеджмент является наиболее известным сегментом рынка политико-консультационных услуг в России, так как большинство соответствующих отечественных фирм в начале 2000-х годов занимались прежде всего именно данной деятельностью. Суть политического пиара (англ. *public relations* – связи с общественностью) хорошо видна в конкретных технологиях, ориентированных на формирование доверия к политическому субъекту (кандидату, государству, партии) в целевых группах. Как правило, это

осуществляется путём конструирования политических предпочтений, стереотипов и их распространения в общественном сознании через механизмы масс-медиа и рекламы. Менеджерская составляющая политического пиара определяется запросом заказчиков на профессиональное управление избирательной кампанией, имидж- и бренд-позиционированием [1] со стороны представителей политико-консалтинговых фирм, входящих в соответствующие специализированные ассоциации.

ФЕДОРЧЕНКО Лариса Владимировна – кандидат политических наук, доцент Центра гуманитарного образования Московского политехнического университета. *SPIN-код*: 2031-6628, *E-mail*: kascandra@mail.ru

Ключевые слова: пиар-менеджмент, Россия, политический консалтинг, консьюмеризация, бизнес.

¹ Гайдук В. В., Лукьянцев А. С. Институт политического имиджмейкинга: теоретические аспекты функционального обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1.

Весьма условно весь политический пиар-менеджмент можно разделить на частный (коммерческий сегмент политико-консалтингового рынка, не исключающий связи с транснациональными профессиональными ассоциациями) и внутрикорпоративный (соответствующие пиар-отделы и центры, находящиеся в структуре государственных, муниципальных и партийных органов) и специализирующиеся на политико-консалтинговой работе. В качестве научной методологии предлагается компаративистский подход, во-первых, исходящий из выявления основных характерных черт эволюции российского политического консалтинга и, во-вторых, предполагающий их качественное сравнение.

Политический пиар-менеджмент в основном практикуется в профессиональной политико-консалтинговой среде, однако сам институт политических консультантов не является неким незыблемым монолитом, и у него есть свои причины для качественных и количественных трансформаций. Важнейшим двигателем глубинных изменений российского политического пиар-менеджмента выступает процесс так называемой консьюмеризации института политического консалтинга. Данное явление связано с политическим консьюмеризмом, который зарубежные исследователи рассматривают через критерий потреби-

тельского поведения граждан. Западные политологи довольно часто определяют политический консьюмеризм как потребительское поведение, мотивированное политически [2]. Отечественные учёные допускают иную трактовку, согласно которой политический консьюмеризм – это политическое поведение, мотивированное потребителем [3]. Так или иначе, сопутствующим процессом политического консьюмеризма является политическая консьюмеризация, усматриваемая в нескольких трендах развития политико-консалтингового рынка:

- маркетизация и профессионализация политической жизни;
- институционализация, коммерциализация и технологизация политико-консалтинговой сферы;
- появление сетевых форм политического консьюмеризма граждан.

Важнейшие из перечисленных постдемократических трендов являются, по сути, источниками трансформации политического пиар-менеджмента, происходящей в формате универсального процесса политической консьюмеризации [4].

Так, *профессионализация* в основном связана с возникновением особого сегмента политического консалтинга и ростом его влияния на избирательные и общественные процессы. Логичным шагом за профессионализацией является *институционализация*, означающая оформление (в том числе и юридическое – через профессиональные

² Micheletti M. Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.

³ Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе. Ч. I // Полис. 2009. № 1.

⁴ Федорченко Л. В. Теоретическое осмысление политической консьюмеризации // Обозреватель–Observer. 2016. № 12.

ассоциации и союзы) института политических консультантов и их профессиональную дифференциацию – разделение на внутрикорпоративный и частный сектор, а также глобализацию профессиональной деятельности.

Активное заимствование политико-технологического опыта российскими консультантами у зарубежных специалистов и усиление их влияния на общественное сознание можно отнести к *технологизации*, тогда как проникновение в политику принципов работы и деятельности из сферы бизнеса составляет суть *маркетинга*. С ней тесно связана так называемая *коммерциализация*, подразумевающая частичную (или даже полную) переориентацию политических консультантов на клиентскую базу из сферы бизнеса.

Обозначенные постдемократические тренды тесно связаны, с одной стороны, с развитием информационного и сетевого общества, а также с растущей конкуренцией экспертно-аналитических фирм, а с другой – эти же явления заложили тенденцию институционализации активных игроков политико-консалтингового рынка в иерархическую систему профессиональных сообществ (включающую международный, национальный, региональный и фирменный уровни), способных на фоне рисков неавторитаризма и неопатримониализма открыто апеллировать к общественности в обход власти. Так или иначе, частный отечественный политический консалтинг всё больше коммерциализирует собственную сферу деятельности, сосредоточиваясь на бизнес-клиентах, а не только на заказчиках политического консультирования. И этому есть несколько объективных причин.

Во-первых, институт политического консалтинга уже пережил свой пик развития в России. Это связано

с циклическим характером электоральных процессов в странах, выбравших модель таких демократических институтов, как парламент и партии. Электоральная цикличность нашей страны по большей мере была обусловлена такими факторами, как президентские и парламентские выборы. Иными словами, рост спроса на политико-консалтинговые услуги происходил в предвыборный и выборный период, тогда как в электоральное межсезонье наблюдалось закономерное падение спроса.

Первая известная активизация политико-консалтинговых фирм в постсоветской России (кстати, в основном ориентированных на политический пиар) была в 1993 г.

Тогда работали специалисты из Ассоциации политических наук, ассоциации политического консалтинга «Нике», «Никколо М» и другие «первопроходцы». После этого наступило затишье в политико-консалтинговой деятельности.

С 1995 г. наметился временный бум активности российских политических консультантов. Но политическая конъюнктура уже угадывалась в том, что представители крупного капитала стремились взять новый сегмент рынка под свой контроль.

Пример. Спонсорами политических консультантов были Мост-банк, концерн «Гермес», ОНЕКСИМ-банк. Нефтегазовые компании оказывали финансовую помощь ассоциации политического консалтинга «Нике», под влияние Тверь-универсалбанка и ОАО «Газпром» в своё время попал Центр стратегического анализа и прогноза.

После прошедших в 1999 г. президентских выборов отечественный рынок политико-консалтинговых

услуг стал более структурированным, в то же время осмотрительнее и осторожнее стали себя вести сами заказчики. Цикличные кризисы российского политического консалтинга проявлялись и в том, что постепенно многие кандидаты стали обращаться к представителям политико-технологического цеха. В итоге эффективность таких консультаций резко сократилась – объём выигранных политтехнологами избирательных кампаний упал по сравнению с проигранными (какими бы изощрёнными приёмами ни пользовались сотрудники соответствующих фирм, все кандидаты победить не могли). Пиар-менеджеры остались необходимым, но уже недостаточным элементом предвыборной стратегии победителя. Похожий феномен наблюдался и в странах так называемых западных демократий [5].

Во-вторых, из-за указанных причин, спровоцировавших падение спроса на политико-консалтинговые услуги, часть специалистов отрасли перешла во внутрикорпоративный сегмент пиар-менеджмента.

Например, на государственную службу (Э. Паин, Л. Смирнов; М. Урнов работал в Центре политических технологий), а также в аналитические центры Совета Федерации и Государственной думы РФ.

И этому есть логичное объяснение. Ведь для того чтобы заказать профессиональную политико-консалтинговую помощь, клиенту придётся запастись немалой суммой. Именно поэтому руководство отечественных

партий после демократической эйфории конца 80 – начала 90-х годов стало предпочитать внутрикорпоративных (собственных) политических экспертов [6] (что наблюдается, например, в ФРГ). На подобный феномен повлиял и тот факт, что новым оппозиционным партиям стало довольно непросто попасть в российский парламент. Оформившаяся система парламентской четвёрки («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР) была и более активной во время избирательных периодов. Превращение партий в «электоральные машины», появление партий спойлеров, имитирующих партийную конкуренцию, конечно, не всегда воздействовало на политико-консалтинговый сегмент только отрицательно. Истинным источником переориентации российских пиар-менеджеров на бизнес-клиентов стал уход актуальной политики из сферы так называемой публичной интриги. Постдемократический кризис есть и в том, что обсуждение и окончательное решение большинства важных политических вопросов перешло в сферу аппаратных процедур, поэтому частные эксперты потеряли возможность для широкого политико-технологического манёвра.

В-третьих, определённым ударом для института российского политического консалтинга стала отмена выборов губернаторов. Чтобы представить объём политического рынка, достаточно вспомнить количество субъектов Федерации в конце

⁵ Гончаров В. Э. Политический консалтинг в России: конец эпохи всемогущества // Полития. 1999. № 2.

⁶ Ситников А. Профессиональной гордости политконсультантов // Со-Общение. 2003. № 4.

90-х – начале 2000-х годов. Естественно, что политические пиар-менеджеры потеряли важный источник заработка. Правда, это не стало определяющей предпосылкой падения спроса на услуги политтехнологов. Сформировавшаяся комбинация партийного и государственного финансирования выборов, отсутствие практики серьёзного политического фандрайзинга и спонсоринга вкупе привели к предпочтению отечественными политиками, а также чиновниками внутрикорпоративных специалистов, не переходящих от одного клиента к другому и сохраняющих важную конфиденциальную информацию внутри организации. Возрождение губернаторских выборов (правда, с оговорками) не дало мощного импульса для нового ренессанса института политических консультантов в России.

В-четвёртых, частично сократила возможности политико-консал-

тингового рынка отмена выборов глав муниципальных образований. Согласно новому законодательству законодательные собрания (региональные законодательные собрания) могут изменять порядок выборов глав городов. Сужение политико-консалтингового рынка вызвало и такое проявление консьюмеризации, как глобализация профессиональной деятельности российских политтехнологов. Российские пиар-менеджеры стали более решительно принимать участие в зарубежных избирательных кампаниях.

Выявленные постдемократические тренды способствовали серьёзному изменению портрета отечественного российского политического пиар-менеджмента. Поэтому необходимо разобраться, какие из политико-консультационных услуг сумели сохранить российские политтехнологи и каким образом они переориентировались на бизнес-клиентов.

Сохранение политико-консалтинговой деятельности

Ярким примером консьюмеризации российской политико-консалтинговой сферы в современной России выступает агентство стратегических коммуникаций «Никколо М». Пиар-консультанты из этой компании в 1993, 1995, 1999, 2003, 2007 гг. активно работали во время парламентских выборов.

Их руководители Е. Егорова и И. Минтусов в президентскую избирательную гонку 1996 г. стали персональными консультантами Б. Н. Ельцина по формированию его имиджа.

В период президентских выборов 2000 и 2004 гг. консультанты фирмы работали при штабе В. В. Путина. Компания «Никколо М» довольно рано консьюмеризировала собственную профессиональную активность, проникнув на политические рынки зарубежных государств.

Например, в 1994 г. фирма участвует в белорусской президентской кампании, через два года появляется на парламентских выборах в Польше.

Ещё через год у фирмы в Латвии возникает Балтийское отделение, тогда же консультанты участвуют в президентских выборах в Республике Корея, а спустя год – в президентских выборах Венесуэлы; консультируют депутатов американского конгресса.

В 2001 г. создаётся специальное представительство компании в Грузии.

Кроме того, сотрудники фирмы появляются во время электоральных циклов в Никарагуа, Литве, Латвии, Монголии.

В 2004 г. личным консультантом В. Ющенко в период украинской президентской гонки становится Е. Егорова.

Хороший пример консьюмеризации политического российского пиар-менеджмента виден в кейсе консалтинговой группы «Имидж-Контакт». Фирма появилась в 1989 г. и изначально специализировалась в направлении исследований, политического, психологического и организационного консалтинга, интегрированных маркетинговых технологий, лоббизма.

Её основателем был А. П. Ситников, пришедший из прикладной социальной психологии в бизнес-сферу.

К 2008 г. «Имидж-Контакт» провёл свыше 300 избирательных кампаний регионального и федерального уровней в большинстве регионах России, за рубежом и в странах СНГ; избрано более 250 глав государств, депутатов, мэров и губернаторов [7]. Консультанты организации работали на партию «Наш дом – Россия» (1995 г.) и на партию «Единство» (1999 г.) во время парламентских выборов.

С начала 2000-х годов фирма стала всё активнее консьюмеризировать свой профиль, выйдя на зарубежные политические рынки Грузии, Молдавии, Македонии, Украины, Монголии.

На политической пиар-поддержке выборов также изначально специализировалась консалтинговая группа «Старая Площадь» (основатели – С. Колосова, В. Павлов).

Сотрудники фирмы старались сохранить политический консалтинг в качестве приоритетного направления своей профессиональной работы, несмотря на кризисные явления в самом институте политического консалтинга (деятельность во время думских выборов 1993–1996 гг., консультации партий «Демократический выбор России» и «Наш дом – Россия», участие в партийном строительстве «Единства», работа в избирательных штабах кандидатов в президенты Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева).

С конца 90-х годов стала активно проникать на отечественные региональные политические

рынки Консалтинговая группа Егоров, Ерофеев, Кашицын (*E.E.K. Consulting group*).

Её кейс содержит обширную консалтинговую работу во время выборов парламента, выборов глав Архангельской, Московской, Тюменской, Тульской, Липецкой, Магаданской, Омской областей, глав Республики Коми, администрации Ненецкого АО, президента Республики Северная Осетия – Алания, выборов мэра Сочи, Орска, главы Бийска, Щёлково, Магадана, выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края, Собрания депутатов Ненецкого АО, Эл Курултай Республики Алтай, депутатов советов муниципальных образований Подмосковья.

Консьюмеризация фирмы очевидна на примере её проникновения на политические рынки Киргизии, Украины и Автономной Республики Крым (начало 2000-х годов).

Такая организация, как ЗАО «Компания развития общественных связей» (КРОС), стала действовать на российском политическом пиар-рынке с 1997 г. (основатель – С. Зверев, является соавтором программы «500 дней», принимал участие в стартапе телеканала НТВ).

Фирма часто ориентировалась на специальные государственные заказы, а не просто на консультацию кандидатов и партий.

К примеру, до 2008 г. была задействована в информационно-пропагандистском продвижении федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы». Оказывала информационную поддержку Фонду социального страхования РФ. КРОС, как и другие политико-консалтинговые фирмы, не обошёл процесс консьюмеризации – довольно длительное время сотрудники компании работали с Минкультуры и туризма Турции в период инициирования пиар-стратегии по созданию благоприятного имиджа данной страны в российской туристической сфере. Помимо этого, организация занималась пиар-

⁷ Юханов Н. С. PR-технологии и политическое консультирование в российской политике. М.: РУДН, 2008. С. 105.

проектом «Имидж Республики Казахстан в странах СНГ».

ООО «Ю.Си.Пи.Ар.» (коммуникационное агентство полного цикла *UCPR Consulting Group*) вступило на поприще политического консалтинга в 1999 г., в ту эпоху, когда эту сферу затронул кризис и стал расширяться внутрикорпоративный консалтинг. По этой причине фирма не делала ставку только на политическую сферу (основатели – В. Кузнецов, О. Тарасенко, М. Цапко, М. Шуваев и др.).

Так, консультанты компании участвовали во время думских выборов 1999 г., выборов в Архангельской, Псковской, Владимирской, Тульской, Тюменской, Московской, Калужской, Магаданской, Читинской и Оренбургской областях, Республике Удмуртия.

Фирма представляла интересы кандидата В. В. Путина в российском Центризбиркоме в период досрочных президентских выборов.

Серьёзный профессиональный кейс сотрудники накопили, когда участвовали в местных избирательных процессах Сочи, Санкт-Петербурга, Самары, Екатеринбурга, Магадана, Тольятти. С 2000-х годов определённая консьюмеризация компании видна на примере её участия в выборах народных депутатов Украины, мэра г. Одессы, глав муниципальных образований городов Автономной Республики Крым.

UCPR Consulting Group реализовывала проекты на постсоветском пространстве, а также в Канаде, США, её консультанты работали с Минтуризма Израиля.

Переориентация на бизнес-клиентов

Представляется логичным проанализировать ту самую ориентировку политико-консалтинговых фирм на бизнес-заказчиков, которая наметилась с конца 90-х годов. Осознавая определённое сужение политико-консалтингового рынка в России, отечественные политтехнологи нацелились на юридическую консультацию, пиар банков, коммерческих компаний.

Ощутимая коммерциализация, например, «Никколо М» началась уже в 1996 г., когда компания стала предоставлять пиар-услуги отечественным и иностранным коммерсантам.

Сотрудники организации осуществляли пиар-продвижение имиджа ЦБ РФ и сопровождали его деятельность по деноминации рубля.

В 2001 г. на базе фирмы появляется центр «Никколо Финанс», который стал предлагать услуги в направлении финансирования избирательных кампаний и проектов по развитию предприятий и регионов. В 2003 г. работники «Никколо М» помогли урегулировать противоречия (в том числе в информационной плоскости) между российским

Национальным резервным банком и французским банком *Credit Agricole*.

На этом фоне показательно, что в 2005–2007 гг. фирма инициирует цикл проектов по информационному освещению профессиональной активности Российского союза автостраховщиков.

Одновременно компания вела почти в 15 российских регионах консультативную, информационную, аналитическую деятельность для ОАО «Газпром». Пиар-кампанией «Тольятти, вперёд!» консультанты занимались в 2007–2008 гг.

Сильная коммерциализация старейшей отечественной пиар-кампании обусловлена прежде всего фактором выживания и конкуренции на политико-консалтинговом поле.

По мнению российского политолога Д. Орешкина, «Никколо М» в начале 2000-х годов утратила определённый объём своих политико-технологических заказов в России после того, когда опубликовала монографию «Преступления без наказания» (в ней поднималась проблема махинаций со стороны власти во время выборов) [8].

⁸ Орешкин Д. Почему «Никколо М» потеряло клиентов // [sovetnik.ru](http://www.sovetnik.ru/russia/2012/05/30/news_27226.html#/close/) // URL: http://www.sovetnik.ru/russia/2012/05/30/news_27226.html#/close/

По мнению части исследователей, переломным для профессии политтехнолога в России стал не 1999-й, а 2004 г., когда на фоне событий в Беслане были отменены губернаторские выборы, а верхушка профессионального сообщества, комплектовавшаяся из наиболее преуспевающих представителей, стала сражаться с властными кругами. Отчасти это также определило перенастройку группы сообщества политических консультантов на бизнес-клиентов. Также отмечаются две негативные тенденции в развитии профессионального сообщества политических консультантов:

– во-первых, внутренняя дифференциация проявляется в размежевании на близкий ко власти конформистский сегмент (преуспевающих политтехнологов) и группу специалистов, к власти не приближенную и тоскующую по прежним правилам игры;

– во-вторых, сообщество политтехнологов становится всё более замкнутым – по отношению к нему общество не имеет никаких инструментов контроля и мониторинга.

Проблема профессиональной этики консультантов также остаётся актуальной [9].

Как и «Никколо М», фирма «Имидж-Контакт» не надеялась сохранить серьёзный доход только от политико-консалтингового профиля, поэтому она с начала 2000-х годов старается формировать альтернативную клиентскую сеть по предоставлению самых разнообразных сопутствующих коммерческих услуг, практически не пересекающихся с политической жизнью.

Например, организация предлагает создание и продвижение интернет-порталов, занимается социально-психологическими семинарами и тренингами, издательской деятельностью, а также специализированными маркетинговыми исследованиями.

Крупным событием 2008 г. для фирмы стало создание в её структуре отдельного подразделения

«Имидж-Контакт Аудит». Это подразделение изначально было ориентировано не на продвижение бренда партии или имиджа политика, а на аудиторское, правовое сопровождение деятельности общественных предприятий среднего и малого бизнеса. Консультанты теперь осуществляли налоговые, правовые, кадровые и бухгалтерские услуги.

Помимо этого, «Имидж-Контакт Аудит» направлялось на арбитражную и судебную работу, учётную политику компаний, судебную экспертизу, реинжиниринг бизнес-процессов и налоговое планирование.

Коммерциализация коснулась и компании «Старая Площадь», которая стала более активно осуществлять разные коммерческие услуги.

В качестве примера достаточно назвать такие виды её коммерческой работы, как управление информацией фирм, реализация и организация информационных поводов, аналитический мониторинг пиар-технологий фирм и их потенциальных конкурентов, формирование общественного мнения, а также событийный менеджмент.

«Старая Площадь» уже в начале 2000-х годов предлагала специфический пакет услуг бизнес-консультирования, в формате которого предполагалась помощь в увеличении прибыли, организации роста продаж, определении *KPI* (ключевых показателей эффективности), повышении качества обслуживания, управлении бизнес-проектами, выявлении «проблемных зон», формировании стандартов бизнеса, разработке, а также внедрении программы оптимизации конкретного бизнеса.

Параллельно консультанты «Старой Площади» в это время продолжали заниматься продвижением позитивного образа российских регионов, конструировать и внедрять брендинг компаний и многое другое.

Консалтинговая группа Егоров, Ерофеев, Кашицын также в начале 2000-х годов взялась за по-

⁹ Подвицнев О. В. Российское сообщество политтехнологов: состояние профессии, внутреннее самоощущение и внешний имидж // Сообщества как политический феномен / под. ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН. 2009.

следовательное наращивание спектра коммерческих услуг.

Сотрудники компании стали оказывать специализированную юридическую помощь частным фирмам, отстаивать интересы частных клиентов во время судебных процессов, осуществлять помощь в уголовном судопроизводстве, представлять интересы заказчиков при осуществлении муниципальными или государственными органами власти их полномочий, помогать в оформлении государственной регистрации различного плана организаций. Фирма проводит и социологические и маркетинговые исследования.

Прямым доказательством коммерциализации КРОС также стало её растущее сотрудничество с бизнес-клиентами.

К примеру, в 2007–2008 гг. организация занималась пиар-сопровождением профессиональной деятельности ОАО «Россельхозбанк». По итогам работы наблюдался рост информированности целевых групп о важном участии банка в программах государственного плана, ориентированных на помощь отечественному сельскому хозяйству.

КРОС взялась и за пиар-продвижение для группы турецких отелей *LykiaGroup* для улучшения её образа на российском туристическом рынке. В результате этой деятельности число ярких упоминаний о турецких отелях в отечественных СМИ дошло до 95 информационных поводов. При этом в 2003 г. фирма организовала коммерческую акцию-праздник «День рождения "Агуши"» для «Вимм-Билль-Данн».

UCPR Consulting Group, постепенно коммерциализируя собственную деятельность, уделяет важнейшее внимание коммерческому пиару. С 2000-х годов компания предлагает пользующиеся спросом пиар-услуги: социологические и маркетинговые исследования, аналитика, сопровождение деятельности пиар-департаментов и штатных пресс-служб, корпоративный пиар, *media relations*, продвижение больших компаний и ди-

зайн имиджа их руководства, реализация комплексных рекламных кампаний, организационный консалтинг, антикризисный и внутрикорпоративный пиар.

В 2007–2008 гг. *UCPR Consulting Group* проводила пиар-продвижение ряда проектов фонда «Музыкальный Олимп».

Значение переориентации российских политтехнологов на бизнес-клиентов не стоит переоценивать. Эта переориентация не имела абсолютного характера и больше выступала «подушкой безопасности» на фоне временного периода сужения политического рынка (отмена выборов губернаторов, отмена выборов глав муниципальных образований, увеличение срока президентуры и депутатского мандата). Сами же политические консультанты отмечают, что подобное было характерно для начала 2000-х годов, после чего наметились благоприятные направления для профессиональной отрасли:

- переход к прямым выборам губернаторов 2012 г.;
- рост числа партий после соответствующей реформы;
- возвращение смешанной избирательной системы на думских выборах [10].

Есть и другие отечественные пиар-фирмы, органично совмещающие политическое и бизнес-консультирование.

Среди них: «Агентство политических и экономических коммуникаций» (АПЭК), Агентство коммуникаций «Импакт», центр коммуникативных технологий «PRопаганда», коммуникационное агентство Санкт-Петербурга «BC Communications», центр «Enter-Полит», информационно-консалтинговое агентство «СМИ и бизнес», группа компаний «PR Эксперт», компания «Оптим Проект», агентство «Ньютон PR & Communications», компания «PR-3000», консалтинговая группа «АРМ», пиар-агентство «ПРОСТОП: Пиар&Консалтинг», консалтинговая компания «Центр социальных проектов»,

¹⁰ Орлов Д. Выборы в Государственную Думу: прямая коммуникация и новые лица // Региональная политика-2016. Сб. статей и аналитических докладов / под ред. Д. И. Орлова. М.: Грифон, 2017. С. 46–48.

консалтинговая группа «Управление пиар», коммуникационное агентство «АГТ».

Интересен пример коммуникационной группы «Паблсити», которая стала активно проникать

в издательский бизнес (например, фирма разрабатывала такие печатные издания, как газеты «Южный репортёр», «Барометр», «Мой Волгоград», «Мой Ростов», журналы «Наполеон», «Publicity»).

Итак, ряд российских политико-консалтинговых фирм реально осознали, что ориентироваться лишь на рынок политических услуг весьма рискованное дело на фоне нестабильности отечественной избирательной системы и некоторых других обстоятельств (отмена выборов губернаторов, глав муниципальных образований, увеличение сроков президентуры, депутатского срока и т. п.). Поэтому после пика своей активности в начале и середине 90-х годов отечественные политические пиар-менеджеры к началу 2000-х годов стали расширять свою клиентскую базу за счёт бизнес-заказчиков.

Определённым конкурентом частного политического консалтинга стал такой сегмент, как внутрикорпоративный пиар-менеджмент (к примеру, на базе пресс-служб органов власти). Партийные функционеры также стали больше доверять внутрикорпоративным аналитикам и экспертам.

Выявленная автором консьюмеризация российского института политического консалтинга отчётливо проявлялась в коммерциализации спектра услуг и деятельности консалтинговых компаний [11]. Но переориентация политико-консалтингового сообщества на бизнес-клиентуру имела не абсолютный, стратегический, а скорее тактический характер, позволив части политтехнологов приспособиться к новым условиям работы с властью, партиями и перенастройке избирательного процесса.

Библиография • References

- Гайдук В. В., Лукьянцев А. С. Институт политического имиджмейкинга: теоретические аспекты функционального обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 143–150.
- [Gajduk V. V., Luk'jancev A. S. Institut politicheskogo imidzhmejkinga: teoreticheskie aspekty funkcional'nogo obespechenija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 2016. № 1. S. 143–150]
- Гончаров В. Э. Политический консалтинг в России: конец эпохи всемогущества // Политика, 1999. № 2. С. 40–55.
- [Goncharov V. E. Politicheskij konsalting v Rossii: konec ehpohi vsemogushchestva // Politija, 1999. № 2. S. 40–55]
- Орешкин Д. Почему «Никколо М» потеряло клиентов // sovetnik.ru // URL: http://www.sovetnik.ru/russia/2012/05/30/news_27226.html#/close/

¹¹ Федорченко Л. В., Федорченко С. Н. Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии. М.: Инфра-М. 2016.

- [*Oreshkin D.* Pochemu «Nikkolo M» poteryalo klientov // *sovetnik.ru* // URL: http://www.sovetnik.ru/russia/2012/05/30/news_27226.html#/close/]
- Орлов Д.* Выборы в Государственную Думу: прямая коммуникация и новые лица // Региональная политика-2016: Сборник статей и аналитических докладов / под ред. Д. И. Орлова. М.: Грифон. 2017. – 394 с.
- [*Orlov D.* Vyborny v Gosudarstvennuyu Dumu: piaryamaya kommunikaciya i novye lica // Regional'naya politika-2016: Sbornik statej i analiticheskikh dokladov / pod red. D. I. Orlova. M.: Grifon. 2017. – 394 s.]
- Подвинцев О. Б.* Российское сообщество политтехнологов: состояние профессии, внутреннее самоощущение и внешний имидж // Сообщества как политический феномен / Под. ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2009. – 248 с.
- [*Podvincev O. B.* Rossijskoe soobshchestvo polittehnologov: sostoyanie piaprofessii, vnutrennee samooshchushchenie i vneshnij imidzh // Soobshchestva kak politicheskij fenomen. Pod. red. P. V. Panova, K. A. Sulimova, L. A. Fadeevoj. M.: ROSSPEN. 2009. – 248 s.]
- Пишцова С. Н.* От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе. Ч. I // Полис. 2009. № 1. С. 100–117.
- [*Pshizova S. N.* Ot «grazhdanskogo obshchestva» k «soobshchestvu potrebitelej»: politicheskij kons'yumerizm v sravnitel'noj perspektive. CHast' I // Polis. 2009. № 1. S. 100–117]
- Ситников А.* Профессиональной гордости политконсультантов // Со-Общение. 2003. № 4.
- [*Sitnikov A.* piaprofessional'noj gordosti politkonsul'tantov // So-Obshchenie. 2003. № 4]
- Федорченко Л. В.* Теоретическое осмысление политической консьюмеризации // Обозреватель–Observer. 2016. № 12. С. 55–69.
- [*Fedorchenko L. V.* Teoreticheskoe osmyslenie politicheskoy kons'yumerizacii // Obozrevatel'–Observer. 2016. № 12. S. 55–69]
- Федорченко Л. В., Федорченко С. Н.* Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии. М.: Инфра-М. 2016. – 166 с.
- [*Fedorchenko L. V., Fedorchenko S. N.* Rossijskij politicheskij konsalting: kons'yumerizaciya i tekhnologii. M.: Infra-M. 2016. – 166 s.]
- Юханов Н. С.* PR-технологии и политическое консультирование в российской политике. М.: РУДН, 2008. – 175 с.
- [*Yuhanov N. S.* PR-tehnologii i politicheskoe konsul'tirovanie v rossijskoj politike. M.: RUDN, 2008. – 175 s.]
- Micheletti M.* Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 307 p.

Особенности менталитета украинцев

В контексте российско-украинских отношений

Владимир КАЛИТА

Сегодня отношения между РФ и Украиной находятся на самом низком уровне за весь четвертьвековой период их совместного существования как независимых государств. Среди причин такого состояния, безусловно противоречащего коренным интересам России, определённое место занимает недопонимание или недооценка особенностей менталитета населения соседнего государства со стороны как экспертного сообщества, так и *decision-makers*.

История вопроса

Менталитет украинцев начал складываться одновременно с зарождением самого украинского этноса, т. е. с середины XIV в., когда территория княжеств Юго-Западной Руси, столетием ранее захваченная ордами Батыея, перешла под власть Великого княжества Литовского (ещё в XIII в. установившего контроль над территорией современной

Белоруссии, оставшейся вне зоны ордынского нашествия) и Королевства Польского, которому отошла Восточная Галиция (территории современных Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей Украины). После монголо-татарского владычества новая власть не казалась будущим украинцам слишком обременительной, и они довольно

КАЛИТА Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент (Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)). *E-mail*: freelance51@rambler.ru

Ключевые слова: Украина, менталитет, политика, российско-украинские отношения.

легко смирились с ликвидацией формальных остатков прежней государственности.

Северо-восточные же княжества, где начал формироваться великорусский этнос, остались в зависимости от Золотой Орды, от которой им удалось избавиться только в конце XV в. Победа стала возможной в результате их объединения под руководством Москвы в единое централизованное государство с формой правления, близкой к азиатской деспотии. Это привело к формированию в национальном характере великороссов двух особенностей, остатки которых заметны и сегодня: «аллергии» на любую внешнюю зависимость, временами перераставшей в ксенофобию (особенно заметную в допетровскую эпоху), и терпимости к жёсткой власти собственных правителей. У украинцев эти особенности выражены значительно слабее, что сближает их с жителями Европы, у большинства которых они вообще отсутствуют.

Следующая особенность украинского менталитета связана с влиянием казачества. Оно, как и в России, сформировалось в XIV–XVII вв. в основном из крестьян, сбежавших от помещиков в недосягаемые для них южные степи. При этом первые казаки жили преимущественно за счёт разбоя и отличались от обычных разбойников и пиратов только лучшей военной организацией.

Однако после объединения Польши и Литвы в 1569 г. в единое государство* – Речь Посполитую её правительство стало брать казаков

на службу. Казаки разделились на реестровых (входивших в официальные списки – реестры) и нереестровых. Первые получали содержание от государства, имели определённые права и привилегии и постепенно стали обзаводиться семьями и хозяйством, вторые продолжали жить в условиях полуанархической вольницы, объединившись в Запорожскую Сечь. Пытались стать реестровыми казаками и многие крестьяне, которым грозило закрепощение. Однако польское правительство призывало крестьян вступать в реестр, когда появлялась нужда в войске, а когда такой необходимости не было, то исключало новых казаков из списков. Кроме того, права реестрового казачества, включая его командный состав – старшину, постоянно нарушались. К тому же резко активизировались попытки насаждения среди восточнославянского населения элементов чуждой ему западной цивилизации, включая перевод Православной церкви под управление папы римского за счёт создания Греко-католической (униатской) церкви. В результате в 20-е и 30-е годы XVII в. на территории современной Украины произошло несколько крестьянско-казацких восстаний, в ходе которых крестьяне объявляли себя казаками. Большинство этих восстаний терпело поражение.

В 1648 г. на этих землях началась освободительная война под руководством Б. Хмельницкого, избранного казаками гетманом. Однако последний понимал невозможность

* Неофициально его часто продолжали называть Польшей.

создания независимого государства и обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять свободную от власти Речи Посполитой территорию – Гетманщину «под свою высокую руку». После долгих колебаний Москва ответила согласием*, объявила войну Польше и вместе с войсками гетмана достигла значительных военных успехов. На ослабленную войной Польшу напала Швеция, сумев оккупировать большую часть её территории. В этих условиях правительство Алексея Михайловича допустило стратегическую ошибку, роковым образом повлиявшую на судьбу Украины и менталитет её жителей. Из глубины прошедших столетий очевидно, что оптимальным тогда решением было бы занять земли с дружественным восточнославянским православным населением, которые Польша была уже не способна оборонять, до рубежа, названного в 1920 г. линией Керзона (по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании)**, и предоставить полякам возможность самостоятельно «выяснять отношения» со шведами. В этом случае Москва, вероятно, уже в середине XVII в. получила бы достаточно однород-

ную лояльную территорию на юго-западе, и большинства современных проблем в отношениях с Украиной (а может быть, и распада СССР) можно было бы избежать. Однако царь и его окружение, опасавшиеся чрезмерного усиления Швеции, предпочли ввязаться в непосильную для Московского государства геополитическую игру, объявив войну Швеции и заключив, вопреки мнению Б. Хмельницкого, перемирие с Польшей. В результате последняя сумела не только изгнать шведские войска, но и перетянуть на свою сторону часть казацкой старшины и в конечном итоге вернуть под свой контроль правобережье Гетманщины (без Киева). Здесь была восстановлена власть польских помещиков и ещё без малого полтора (а в Галиции – почти три) века продолжалась политика «приобщения к западной цивилизации» и насаждения унитарства.

Левобережье и Киев стали самоуправляемой территорией (за которой закрепилось название Малороссия) под властью Москвы, где произошло массовое «оказачивание» крестьян. Значительно разросшееся реестровое казачество было принято на царскую службу и постепенно

* Присоединение было оформлено самым демократическим для того времени способом – путём массовой присяги царю лично свободного населения. Характерно, что в 1991 г. Украина стала единственной союзной республикой, вышедшей из СССР путём референдума, проведённого на её территории 1 декабря, а на предыдущем референдуме 17 марта 1991 г. 70% населения, участвовавшего в голосовании, высказалось за сохранение Союза.

** Это было сделано только в 1939 г., когда Галиция уже окончательно стала окраиной западной цивилизации. Сегодня в основном по этой линии проходит западная граница Украины и Белоруссии.

Линия была официально указана в его ноте Советскому правительству от 12 июля 1920 г., однако ещё 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты рекомендовал её в качестве восточной границы Польши.

стало привыкать к мысли, что его Отечество – не Речь Посполитая, а Россия. При этом старшина стремилась сделать свой статус наследственным. Однако основная масса малороссийских казаков – вчерашних крестьян, хотела только пользоваться сословными привилегиями, но, в отличие от казачества российского, тяготилась военной службой. Доходило до того, что казаки побогаче, не желая идти в поход, нанимали вместо себя «заместителей» [1]. Поскольку пользы от подобных «воинов» было мало, в конечном счёте Екатерина II пошла навстречу их желаниям, предоставив большинству старшины права российского дворянства, а также освободив прочих казаков от обязательной службы и фактически приравняв их к государственным крестьянам. Однако на остальных малороссийских крестьян было распространено крепостное право, не существовавшее на Левобережье во времена Хмельницкого, что было там воспринято весьма болезненно [2].

В менталитете же современных украинцев традиции левобережного казачества отзываются не только свободолюбием, но и наличием в массовой психологии некоторой склонности к получению незаслуженных благ, плохо совместимой с протестантской этикой, которая лежит в основе менталитета европейцев.

Эта черта выражена не слишком ярко и не имела бы самостоятельного значения, если бы не соединилась с позаимствованной казачьей верухой у польских магнатов паразитической тенденцией, возродившейся и расцветшей после 1991 г. Она базируется на выгодном транзитном положении Украины (как когда-то Речи Посполитой).

По словам крымского политика В. Колесниченко, в основе данной тенденции «находился расчёт, согласно которому соседи в любом случае будут кормить транзитёров, поскольку заинтересованы в перевозке своих товаров. При этом неважно, будет ли это хлеб, как в XVII веке, или газ, как в XXI. Принцип всегда один: Запад и Москва должны финансировать паразитирующие элиты (панов) стран-транзитёров» [3].

Именно паразитическая тенденция стала определяющей в отношениях Украины с Россией 1992–2013 гг. В более широком смысле она проявилась также в том, что украинские олигархи, как отмечал бывший чешский посол в Киеве, многие годы управляли страной как фирмой и поэтому считали собранные налоги своей прибылью, а убытки старались возлагать на общество [4].

В конце XVIII в. при разделе Польши России досталась также правобережная часть бывшей Гетманщины (кроме Галиции, которая

¹ Полонська-Василенко Н. Історія України. У 2 т. Київ: Либідь, 1995. Т. 2. С. 164–165.

² Капнист В. В. Ода на рабство // URL: <http://rvb.ru/18vek/kapnist/toc.htm>

³ Колесниченко В. Россия и Украина? // URL: <http://www.vz.ru/opinions/2013/7/1/639470.html>

⁴ Катастрофа на Украине. Заразные болезни и уровень развивающихся стран Африки // URL: <http://inosmi.ru/politic/20170606/239526151.html>

отошла Австрии). К тому времени большинство православных здесь под угрозой репрессий были вынуждены перейти в униатство. Российские власти инициировали обратный процесс, который также не обошелся без насилия.

Как отмечал в своих мемуарах потомок казацкой старшины писатель В. Г. Короленко, «религия, явившаяся результатом малодушного компромисса, пустив корни в сердцах нескольких поколений, стала гонимой и потребовала от своих последователей преданности и самоотвержения» [5, с. 96].

Только в 1875 г. униатство в Российской империи было полностью ликвидировано*, оставив в менталитете живших в ней украинцев лишь косвенный след – достаточно лёгкое отношение к перемене убеждений.

Особенностью Правобережной Украины был её национальный состав: почти все помещики и большинство горожан были поляками, а крестьяне – украинцами. Национальные противоречия тесно переплелись с классовыми, и в период польского восстания 1863 г. украинские крестьяне жестоко расправлялись с панами, взбунтовавшимися против отменившей крепостное право российской власти [5, с. 109–110; 112].

Вместе с тем, по свидетельству В. Г. Короленко, появившиеся в это время первые проповедники зарождавшегося украинского национа-

лизма воспринимались как нечто искусственное, опереточное и потому постыдное [5, с. 116–119]. Их учение не пользовалось популярностью в России вплоть до кризиса 1917 г. и не стало ведущей тенденцией даже в условиях Гражданской войны, когда украинцы сражались не только в рядах националистических (петлюровских) формирований, но и в отрядах анархиста Н. Махно и других «батек», безразличных к «украинской идее», а также среди красных и белых, относившихся к этой идее откровенно неодобрительно.

В Российской империи, как позже и в СССР, шло постепенное сближение украинского и русского мировосприятия. Зато в Галиции при поддержке австро-венгерских властей и униатской церкви процветал национализм антироссийского толка. После перехода в 1921 г. Западной Украины под контроль Польши национализм распространился и на бывшую российскую Волынь, где он, опираясь на историческую традицию, приобрёл во многом антипольскую направленность, что особенно отчётливо проявилось во время Волынской резни (1943 г.), которую Варшава рассматривает как геноцид поляков со стороны Украинской повстанческой армии (УПА) – вооружённых отрядов наиболее радикального крыла украинских националистов, возглавлявшегося С. Бандерой. Тем не менее многие

⁵ Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч. В 5 томах. Л.: Художественная литература, 1990. Т. 4.

* В результате присоединения Галиции и Закарпатья униатство появилось в СССР и подверглось запрету в 1946 г. После легализации в годы перестройки именно эти районы стали базой его реального восстановления.

элементы их близкой к нацизму идеологии стали официальными в независимой Украине, особенно

с 2014 г., и повлияли на сознание населения, что необходимо учитывать и в российской политике [6].

Украинский менталитет и его отражение в политике

Современное состояние украинского менталитета начало формироваться в постсталинские времена, с середины 50-х годов, когда вооружённое бандеровское подполье на западе Украины после амнистий сошло на нет. В позднесоветский период подавляющее большинство этнических украинцев бессознательно (поскольку термина еще не существовало) относило себя к «Русскому миру». Этих людей, проживавших на большей части территории УССР, можно условно назвать «малороссами». Именно к ним в полной мере относятся слова В. В. Путина о том, что русские и украинцы «в целом, в большинстве своём – это один народ, народ одной истории, одной культуры, очень близкий этнически» [7]. В больших городах они говорили и думали преимущественно на русском языке*, а в сельской и полусельской местности – на простонародной русифицированной версии украинского. Сегодня этот язык называют на Украине суржи́ком. Он был явным признаком сельского происхождения, что формировало у многих его носителей (главным образом у недавно переехавших

в город сельчан) некоторый «комплекс неполноценности», который с начала 90-х годов стал благоприятной почвой для националистических настроений и своеобразного «языкового реваншизма». По этой причине, а также под влиянием официальной пропаганды и усилий стран Запада доля «малороссов» в населении Украины значительно снизилась. Однако у многих соответствующий менталитет сохранился на подсознательном уровне и при изменении идеологических условий может быть легко восстановлен.

На западе страны, особенно в Галиции, преобладали другие украинцы. Они говорили исключительно по-украински, причём в городах это был вполне литературный язык. Его носители демонстративно подчёркивали свою «украинскость», отвечая на своём языке даже приезжим, многие из которых его не понимали. Значительная часть этих людей, вероятно, уже тогда были плохо скрытыми сторонниками Бандеры, а позже составили ядро радикального националистического движения, отличающегося иррациональностью и агрессивностью. В современной

⁶ *Калита В. Н.* Почему Россия не может оставить Украину в покое // *Обозреватель–Observer*. 2017. № 5. С. 16–18.

⁷ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53151>

* При этом не было никакой дискриминации украинского языка, скорее наоборот, наблюдалась его искусственная поддержка властями.

блогосфере их метко окрестили «бандерлогами». Россия для них – извечный враг Украины [8]. После 1991 г. они при поддержке государства постепенно распространились по всей территории страны и стали оказывать решающее влияние на формирование сознания украинцев, особенно нового поколения. А начиная с 2014 г. на волне болезненной реакции на потерю Крыма и события в Донбассе им удалось вовлечь в орбиту своего влияния и многих русскоязычных горожан центра и востока и юга страны, но в меньшей степени. В результате стало массовым такое противоестественное явление, ранее иногда встречавшееся только в столице, как русскоязычный украинский национализм, что часто интерпретируется идеологами официального Киева и разделяющими их позицию исследователями как признак завершения (в основном) формирования украинской политической нации [9].

При этом на политической арене представлены как партии, придерживающиеся классической идеологии «бандерлогов» (с учётом реалий истории Украины их можно условно назвать бандеро-петлюровцами),

так и представители «новой волны» (условно – бандеро-махновцы).

Для первых (характерный пример – партия «Свобода») их русскоязычные соотечественники вообще не люди, а по словам одной из наиболее известных функционеров этой партии, И. Фарион, «существа» и «дегенераты» [10].

Вторые (классический пример – «Правый сектор») занимают более прагматичную позицию: хотя этнические украинцы должны «вернуться к собственному языку, истории, идентичности, но процесс дерусификации не может быть форсированным». К тем представителям национальных меньшинств, включая этнических русских, которые признают право украинских националистов «быть хозяевами... на своей земле», бандеро-махновцы относятся «толерантно», а тех, кто согласен «бороться за государственность украинской нации», готовы даже считать побратимами [11]. Иначе говоря, хотя русские и русскоязычные – люди второго сорта, но если они согласны с таким статусом, то, так и быть, пусть живут. А если они ещё и готовы вместе с «хозяевами» воевать против тех, кто не согласен, то это и вовсе «полезные идиоты», которым временно можно даже предоставить какие-то права.

Как ни странно, такая «шитая белыми нитками» позиция оказалась достаточно эффективной, и сегодня среди боевиков «Правого сектора»

⁸ Бышок С. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. М.: Книжный мир, 2013. С. 62–63.

⁹ Горноста́й П. П. Громадянська ідентичність українців та її еволюція // Проблеми політичної психології. Київ: Міленіум, 2015. Вип. 2. С. 105.

¹⁰ Фарион за общение на русском назвала коммуниста «существом» и тянет его в суд // URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/95802-farion-za-obschenie-na-russkom-nazvala-kommunista-suschestvom-i-tyanet-ego-v-sud.htm>; Фарион предлагает посадить в тюрьму 5 млн «дегенератов, которые не говорят на украинском языке» // URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1083161-farion-predlagaet-posadit-v-tyurmu-5-mln-degeneratov-kotorye-negovoryat-na-ukrainskom-yazyke>

¹¹ Правый Сектор: Звернення до росіян та російськомовних громадян України // URL: <http://politikan.com.ua/1/0/0/78220.htm>

и ему подобных структур «бандеро-махновского» типа* значительную часть составляют русскоязычные.

Однако на постсоветской Украине сформировалась ещё одна, невиданная ранее общность, составляющая значительную (а среди молодёжи, возможно, преобладающую) часть населения. С лёгкой руки М. Задорнова таких людей можно именовать «еврохохлами», хотя среди них встречаются и представители этнических меньшинств. Их объединяет желание (в нынешних условиях абсолютно утопическое) жить «как в Европе», а Россию они рассматривают как досадную помеху на пути к цели. К другим политическим и околополитическим проблемам, включая языковую, «еврохохлы» почти индифферентны. Впрочем, социально-экономические последствия первых шагов по евроинтеграции ведут к постепенной политизации этой группы и её размыванию в пользу двух других.

На украинской политической арене на «еврохохлов» в качестве массовой базы опираются в первую очередь псевдолиберальные прозападные партии, составляющие правящую коалицию в Верховной раде. На Западе они воспринимаются как наиболее удобные партнёры – «рукопожатные» и послушные. Согласно их терпеть – как меньшее зло – и российское руководство. Однако популярность этих партий неуклонно сокращается из-за падения жизненного уровня, роста коррупции, военных поражений в Донбассе и др. После

следующих выборов часть из них определённо будет вне парламента, а оставшимся придётся искать других партнёров по коалиции.

На эту роль могли бы претендовать «осколки» правившей до 2014 г. «Партии регионов», объединившиеся в «Оппозиционный блок». Он по традиции воспринимается как защитник интересов русскоязычного населения (в качестве которого позиционировали себя «регионалы») и пользуется определённым влиянием, особенно в южных и восточных областях. Однако он сильно дискредитирован ведущейся нынешними властями массовой кампанией по разоблачению коррумпированности «Партии регионов». Кроме того, «Оппозиционный блок», как и его предшественники, ведёт довольно непоследовательную политику.

Остальные же политические силы, которые теоретически могли бы отстаивать интересы «малороссов», а практически большинства населения Украины (т. е. противодействовать насильственной «украинизации» и евро-атлантической интеграции, выступать против ущемления социальных прав, за прекращение карательной операции в Донбассе и за нормализацию отношений с Россией), сегодня дезорганизованы и в значительной степени разгромлены. Единственная организация такой направленности, упоминания о которой можно сегодня встретить в СМИ, – это «Украинский выбор» В. Медведчука. Однако её реальное влияние незначительно.

* Сегодня они фактически «младший союзник» официальных властей, выполняющий наиболее «грязную работу».

В таких условиях центр тяжести в сложившемся тактическом союзе прозападных и радикально-националистических сил неизбежно будет смещаться в сторону последних. Это уже проявляется в росте популярности промежуточных между этими силами умеренно-националистических партий типа «Батькивщины» и «Самопомощи». Однако утверждения большинства украинских политологов о том, что сами радикальные националисты якобы не являются серьёзной политической силой [12], основанные на низкой electoralной популярности последних, являются в лучшем случае самообманом.

Вопреки любимому лозунгу «еврохолов», Украина с её анархическими традициями – это далеко не Евро-

па, где решающую роль в политике играют результаты выборов. Для радикалов остаётся актуальным другой, маоистский, лозунг: «Винтовка рождает власть», благо после переворота 2014 г. и военных действий в Донбассе оружия у них на руках вполне достаточно*. Отношение к ним большинства общества, отформатированного в духе «Украина превыше всего» [13], также вполне терпимое и может быть выражено формулой «Пусть они почти фашисты, но украинские, значит, наши». Единственное, что заставляет радикалов мириться с тем, что власть формально принадлежит не им, – это стоящий за правящей коалицией Запад, незаменимый спонсор «независимости», серьёзно ссориться с которым они пока не готовы.

Таким образом, сдвиги в политической ситуации на Украине сегодня возможны, скорее всего, в пользу радикальных националистов, что противоречило бы интересам как России, так и Запада.

Нельзя не согласиться с выводом аналитического агентства «Внешняя политика» о том, что «в общих интересах не превращать Украину в поле битвы между Россией и Западом» и, следовательно, урегулирование украинского кризиса невозможно без компромисса между его внешними участниками [14]. Однако гораздо большее значение всё же имеет состояние умов внутри страны. Их многолетняя националистическая «интоксикация» привела к тому, что в нынешних условиях на Украине, как отмечает польский эксперт, быстро распространяется ведущее к развалу государства «бесшабашное безумие», когда «одна сторона уверена, что лишь за ней правда и не нужно искать ни с кем компромиссов». Отсюда неутешительный прогноз

¹² Иванов П. Подростки-националисты гнут Порошенко // Московский комсомолец. 2017. 1 июня.

¹³ Нюра Н. Берг. Куда возвращаться Донбассу? // URL: <https://ria.ru/analytics/20170525/1495052397.html>

¹⁴ Степанов Г. Четыре сценария украинского кризиса // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324293>

* Эту опасность признают и некоторые западные эксперты (см., напр.: Cohen J. Ukraine's ultra-right militias are challenging the government to a showdown // The Washington Post. 2017. June 15).

политолога: кризис на Украине будет продолжаться до тех пор, пока к украинцам не придёт отрезвление [15]. Оно же, по-видимому, станет и основной предпосылкой нормализации российско-украинских отношений.

При этом, как подчёркивает К. Затулин, «подлинный ренессанс в отношениях с Украиной может произойти только через постоянное обращение к украинскому народу через систему СМИ» [16], преодолевая установленную киевскими властями информационную блокаду, в результате которой, по мнению известного украинского политика В. Сулова, жители Украины идеологически «оказались в мире... описанном Джорджем Оруэллом» [17]. При нынешней достаточно пассивной позиции России остаётся только продолжать всестороннюю поддержку контролируемых «малороссами» ДНР и ЛНР и запастись терпением в ожидании самостоятельного «отрезвления» большинства населения Украины и соответствующих изменений в её политике.

Библиография • References

Бышок С. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. М.: Книжный мир, 2013. – 352 с.

[Byshok S. Ilyuziya svobody. Kuda vedut Ukrainu novye banderovcy. M.: Knizhnyj mir, 2013. – 352 s.]

Запад готовит Украину к «большому размену» с Россией // Комсомольская правда. 2017. 12 июля.

[Zapad gotovit Ukrainu k «bolshomu razmenu» s Rossiey // Komsomolskaya pravda. 2017. 12 iyulya]

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53151>

[Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 27 oktyabrya 2016 goda // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53151>]

Иванов П. Подростки-националисты гнут Порошенко // Московский комсомолец. 2017. 1 июня.

[Ivanov P. Podrostki-nacionalisty gnut Poroshenko // Moskovskij komsomolec. 2017. 1 iyunya]

Калита В.Н. Почему Россия не может оставить Украину в покое // Обозреватель-Observer. 2017. № 5. С. 14–24.

[Kalita V.N. Pochemu Rossiya ne mozhet ostavit' Ukrainu v pokoe // Obozrevatel'-Observer. 2017. № 5. S. 14–24]

Капнист В. В. Ода на рабство // URL: <http://rvb.ru/18vek/kapnist/toc.htm>

[Kapnist V. V. Oda na rabstvo // URL: <http://rvb.ru/18vek/kapnist/toc.htm>]

Катастрофа на Украине. Заразные болезни и уровень развивающихся стран Африки // URL: <http://inosmi.ru/politic/20170606/239526151.html>

¹⁵ Польский эксперт об Украине: поражён, как быстро распространяется безумие // URL: https://ria.ru/radio_brief/20170503/1493580206.htm

¹⁶ Ставка. Итоги «прямой линии» В. В. Путина // URL: http://ruskline.ru/opp/2017/iyun/17/stavka_itogi_pryamoj_linii_v_v_putina/

¹⁷ Запад готовит Украину к «большому размену» с Россией // Комсомольская правда. 2017. 12 июля.

- [Katastrofa na Ukraine. Zaraznye bolezni i uroven' razvivayushchihsya stran Afriki // URL: <http://inosmi.ru/politic/20170606/239526151.html>]
- Колесниченко В.* Россия и Украина? // URL: <http://www.vz.ru/opinions/2013/7/1/639470.html>
- [*Kolesnichenko V.* Rossiya i Ukraina? // URL: <http://www.vz.ru/opinions/2013/7/1/639470.html>]
- Короленко В.Г.* История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч. В 5 томах. Л.: Художественная литература, 1990. Т. 4. – 656 с.
- [*Korolenko V.G.* Istoriya moego sovremennika // *Korolenko V.G.* Sobr. Soch. V 5 tomah. L.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. T. 4. – 656 s.]
- Нюра Н. Берг.* Куда возвращаться Донбассу? // URL: <https://ria.ru/analytics/20170525/1495052397.html>
- [*Nyura N. Berg.* Kuda vozvrashchatsya Donbassu? // URL: <https://ria.ru/analytics/20170525/1495052397.html>]
- Польский эксперт об Украине: поражён, как быстро распространяется безумие // URL: https://ria.ru/radio_brief/20170503/1493580206.html
- [Pol'skij ehkspert ob Ukraine: porazhjon, kak bystro rasprostranyaetsya bezumie // URL: https://ria.ru/radio_brief/20170503/1493580206.html]
- Ставка. Итоги «прямой линии» В. В. Путина // URL: http://ruskline.ru/opp/2017/iyun/17/stavka_itogi_pryamoj_linii_v_v_putina/
- [*Stavka. Itogi «pryamoj linii» V. V. Putina* // URL: http://ruskline.ru/opp/2017/iyun/17/stavka_itogi_pryamoj_linii_v_v_putina/]
- Степанов Г.* Четыре сценария украинского кризиса // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324293>
- [*Stepanov G.* SChetyre scenariya ukrainskogo krizisa // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324293>]
- Фарион за общение на русском назвала коммуниста «существом» и тянет его в суд // URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/95802-farion-za-obschenie-na-russkom-nazvala-kommunista-suschestvom-i-tyanet-ego-v-sud.htm>
- [*Farion za obshchenie na russskom nazvala kommunistu «sushchestvom» i tyanet ego v sud* // URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/95802-farion-za-obschenie-na-russkom-nazvala-kommunista-suschestvom-i-tyanet-ego-v-sud.htm>]
- Фарион предлагает посадить в тюрьму 5 млн «дегенератов, которые не говорят на украинском языке» // URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1083161-farion-predlagaet-posadit-v-tyurmu-5-mln-degeneratov-kotorye-ne-govoryat-na-ukrainskom-yazyke>
- [*Farion predlagaet posadit' v tyur'mu 5 mln «degeneratov, kotorye ne govoryat na ukrainskom yazyke»* // URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1083161-farion-predlagaet-posadit-v-tyurmu-5-mln-degeneratov-kotorye-ne-govoryat-na-ukrainskom-yazyke>]
- Горностай П.П.* Громадянська ідентичність українців та її еволюція // Проблеми політичної психології . Київ: Міленіум, 2015. Вип. 2. С. 98–111.
- Полонська-Василенко Н.* Історія України. У 2 т. Київ: Либідь, 1995. Т. 2. – 608 с.
- Правий Сектор: Звернення до росіян та російськомовних громадян України // URL: <http://politikan.com.ua/1/0/0/78220.htm>
- Cohen J.* Ukraine's ultra-right militias are challenging the government to a showdown // *The Washington Post.* 2017. June 15.

Два подхода к российским революциям 1917 года: какой из них верен?

Концептуальные размышления
о судьбах российских революций 1917 года

Яков ПЛЯЙС

В последнее время в связи со 100-летием революций в России 1917 г. – Февральской и Октябрьской – в выступлениях некоторых политиков и учёных обозначился новый подход к ним. Этот подход нашёл отражение и в официальной печати и даже в некоторых научно-публицистических статьях. Суть его заключается в интерпретации революций, а также Гражданской войны как единого процесса, характеризуемого как «Великая русская революция». В связи с таким утверждением возникает вопрос о его научном обосновании: чего больше в таком утверждении – науки или политики?

Авторов вывода нового подхода можно понять, поскольку они, исходя из благих гуманных побуждений, стремятся примирить нашу трагическую историю 1917 г. и Гражданской войны. Однако с научной точки зрения примирять антагонистические явления принципиально неверно и неоправданно. Кроме всего прочего, это выхолащивает научную суть и основу русских революций 1917 г. Более того, если признать правомерным и оправданным такой подход к российским революциям 1917 г., то нельзя будет понять, почему обе революции в конечном счёте потерпели поражение: одна – Февральская –

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве России. E-mail: spn2004@rambler.ru

Ключевые слова: российские революции 1917 г., Февральская революция, Октябрьская революция, госпереворот, контрреволюция, элита.

в 1917 г., а вторая – Октябрьская – в конце 80-х – начале 90-х годов. И верно ли, что Октябрьская революция, точнее говоря, советский социализм, потерпел поражение?

Несмотря на то что тема советского социализма особая, я попытаюсь в этой статье хотя бы кратко на ней остановиться, понимая, что исчерпать её не удастся.

О теоретической сути социальных революций

Всемирная история знает целый ряд великих социальных революций. Это, конечно, Великая английская революция середины XVII в., Великая французская революция конца XVIII – первой половины XIX в. и некоторые другие. В XX в. к великим можно по праву отнести Великую Октябрьскую революцию 1917 г. в России и Великую китайскую революцию.

Что давало учёным право и основание называть революции в Англии и Франции великими?

Прежде всего и главным образом – фундаментальные положительные итоги этих революций для страны и народа, их всестороннее глубокое воздействие на судьбы социума и государства. Такое воздействие стало возможным благодаря тому, что эти революции оказались своевременными для этих стран и открывали им благоприятную перспективу устойчивого эволюционного развития. Даже в том случае, если (как это было с Французской революцией) она совершалась чрезвычайно сложно, в несколько этапов, с приливами и отливами. При этом особенно важно подчеркнуть, что все эти революции, несмотря на подъёмы и спады, были **одновекторными, или, иначе говоря, развивались в одном направлении, а именно буржуазно-демократическом.**

А отливы и приливы, подъёмы и спады были обусловлены борьбой новых и старых сил, т. е. тех, кто потерял власть в результате революции, кто всеми способами стремился её вернуть, и теми новыми силами, которые, постепенно укрепляясь, снова и снова пытались закрепиться во власти. Если потенциала у них не хватало, «старые» возвращались и через определённое время ситуация повторялась. И так до тех пор, пока у новых классов, или слоёв, не оказывалось достаточно сил, чтобы утвердиться во власти окончательно.

Главное, повторю, заключалось в том, что это было движение в одном и том же направлении, а именно буржуазно-демократическом.

Другой отличительной чертой этого движения и тех сил, которые за ним стояли, было то, что (в отличие от российской ситуации 1917 г.) это было связано с прогрессивным социально-экономическим и политическим трендом, а также с тем, что новые силы опирались на новые, более мощные производительные силы и, соответственно, новые, более эффективные производственные отношения. Весьма важно было и то, что в отличие от своих феодальных предшественников, новый класс – буржуазия – оказался не только более образованной, искусственной,

но и более организованной силой, в том числе в политическом смысле.

Все перечисленные факторы в совокупности создавали хорошие предпосылки для окончательной победы нового класса и утверждения его власти. Эти характерные черты евро-

пейской буржуазии XIX в. позволили ей главенствовать в революционном процессе в то время, как состояние рабочего класса и уровень его политической зрелости были ещё недостаточны для того, чтобы заявлять о себе во весь голос. Это пришло в XX в.

О сути российских революций 1917 года

Вслучае с российскими революциями 1917 г. ситуация была принципиально иная. Февральская и Октябрьская революции – антиподы, они не однотипные, а разнотипные по своей сути: первая – буржуазно-демократическая, изначально призванная довести до логического конца революцию 1905–1907 гг., но не сумевшая это осуществить (главным образом из-за незрелости субъективных факторов, в частности, незрелости и неопытности политических партий и их лидеров), а вторая – социалистическая. При всей значимости Октябрьской революции, которую по праву называют Великой, она оказалась не только преждевременной, так как для неё не созрели ни причины, ни особенно предпосылки и движущие силы, но и уводящей страну и общество от магистрального пути социального развития. Качественная неготовность общества к переходу к социализму вынудила правящую большевистскую (коммунистическую) партию создавать новый строй преимущественно силовыми мобилизационными методами и средствами, что в конечном счёте негативно отразилось не только на исторической судьбе советского социализма, но и на имидже социализма в целом в мире. Здесь необходимо

сказать о том, в чем состояло величие Октябрьской революции, а также о том, в чём состояли её драмы.

О величии, так же как и о драматичности, этой революции в своё время было сказано и написано столько верного и неправильного (и отечественными авторами, и зарубежными), что мне едва ли удастся добавить что-то новое.

В обобщённом виде о положительных и отрицательных сторонах Октябрьской революции хорошо и относительно полно сказал Руслан Гринберг, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН.

Отвечая на свой же вопрос «Что дал и отнял Октябрь, применительно к отечеству и остальному миру?», Гринберг отметил: «Сначала о мире. Практически не оспаривается тезис о том, что российский порыв к справедливости оказал серьёзное влияние на социальную политику стран классического капитализма. То есть установка на равенство, которую декларировала Октябрьская революция, быстро приобрела европейскую, если не всемирную популярность.

Социальность – первое благо, которое принесла Октябрьская революция.

Второе. Подрыв и уничтожение колониальной системы – тоже результат существования СССР и его попытки обеспечить равноправие всех народов.

Третье. Внедрение цивилизационных институтов и цивилизационных форм жизни в Центральной Азии. Практически безвозмездно СССР осуществил грандиозную цивилизационную миссию

в этом ранее абсолютно отсталом регионе и превратил его в несколько экономически приличных государств с развитым для того времени образованием, здравоохранением, наукой и культурой.

Четвёртое – Китай. Сегодня он всё больше будет определять повестку жизни человечества в целом. Напомню очень важный факт: СССР практически безвозмездно создал материально-техническую базу экономики Китая в пятидесятые годы, что, конечно, тоже удивительное достижение Советского Союза» [1].

Правильнее было бы говорить не только о Китае, но и о многих других странах третьего мира, которые благодаря во многом бескорыстной помощи СССР и других соцстран не только обрели независимость от колониального и полуколониального рабства, но и стали создавать собственную экономику, включая тяжёлую промышленность (вспомним хотя бы Индию, Египет и др.).

Перечисляя невыученные уроки Октября, Гринберг назвал в первую очередь онтологизацию теоретических схем, или святую веру во всемогущество теорий, «и, если представляется такая возможность, пытаемся внедрить их в жизнь, несмотря на сопротивление несогласных с ними».

К невыученным урокам Октября Гринберг также относит абсолютно ненормальное отношение к Западу, «которое можно охарактеризовать как смесь комплекса неполноценности и мании величия».

Ещё один порок нашей ментальности, по мнению Гринберга, – тотальное отсутствие договора по собственности. «Как и в 1917 г. не было стремления найти точки соприкос-

новения различных политических сил, так и сегодня у нас экспертные сообщества носят абсолютно сектантский характер. Культура диалога, культура компромисса, культура консенсуса практически на нуле» [1].

Во многом соглашаясь с выводами Гринберга, хочу тем не менее отметить, что наиболее важные достоинства и недостатки Октябрьской революции 1917 г. в России он всё же не отметил. Исключительно важным достижением Октября было то, что российское общество (а не только центральноазиатские народы) кардинально качественно изменилось в цивилизационном отношении. Значительная цивилизационная отсталость, которая отделяла нас от европейских народов многие столетия и которую пытались преодолеть, начиная с Петра I, практически все российские правители, была в основном преодолена в годы Советской власти. Сегодня у нас качественно иное, по сравнению с 1917 г., более высокоразвитое общество и в целом вполне сравнимое с западным. Это общество способно **самостоятельно** (что особенно важно) решать многие проблемы развития, в том числе социальные, на принципиально ином уровне, чем российское общество в 1917 г. Недостаток, правда, современной политической культуры, правовой культуры, также не хватает бытовой культуры. Недостаток также (и это, может быть, самое важное) цивилизационного понимания свободы. Под таким пониманием свободы я имею в виду свободу, ограниченную рам-

¹ Гринберг Р. Что дал и отнял Октябрь отечеству и миру. Невыученные уроки // Российская газета. 2017. 2 июня.

ками закона, а не свободу, понимаемую у нас как вседозволенность, как воля (что хочу, то и ворочу). В целом же, повторю, современный российский народ – это уже качественно другой народ. И именно в этом состоит главное достижение советского социализма и, соответственно, главная заслуга Октябрьской революции, открывшей к этому путь. Поэтому не соглашусь с утверждением Гринберга о тотальном отсутствии у нашего народа договороспособности. Определённый дефицит этой самой договороспособности, конечно, есть, но о тотальном её отсутствии говорить нельзя. К слову сказать, именно это новое качество нашего социума – необходимое, а в нынешней ситуации, пожалуй, единственное условие и предпосылка постепенного преодоления пороков нашего современного дикого капитализма и смыва той густой, мутной пены, которая мешает нам нормально дышать и жить. Можно сказать и иначе: в 90-е годы мы оказались в таком глубоком болоте, из которого и сегодня ещё не выбрались, и оно до такой степени деформировало общество (особенно молодёжь), его моральные устои, что нам очень долго придётся исправлять ситуацию, вводя её в патриотическое русло. Новое цивилизационное качество российского общества должно перебороть отечественный дикий капитализм. Но само собой ничего не произойдёт. Этому надо всячески содействовать, но без по-

мощи власти (государства) с указанными проблемами не справиться. И нормальная власть – первый субъект, который должен быть в этом заинтересован. Это совершенно иное качество общества должно создать принципиально новую властвующую элиту, которая заменит нынешнюю [2].

Не раз я писал также о том, почему эту элиту следует заменить. Добавлю лишь, что это жизненно важный и не терпящий отлагательства вопрос для нашей страны. И хотелось бы, чтобы он был разрешён как можно скорее. Хотя абсолютно ясно, что быстрого разрешения вопроса нет и быть не может и по объективным, и по субъективным причинам. Главная объективная причина состоит в том, что само общество не может ускоренно решить эту задачу. А субъективная причина заключается в том, что действующая элита, находящаяся у власти, не заинтересована в своей замене и потому не ставит такой задачи. А системы, которая решила бы эту задачу, нет. Из-за противоречия между объективной потребностью в безотлагательной замене элиты и опять же объективной неспособностью общества самостоятельно решить эту весьма сложную задачу и субъективным нежеланием правящей элиты заняться её решением возникла фактически тупиковая ситуация, которая (если не найти из неё выход) может закончиться печально для нашей страны. Как это было в фев-

² Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России // Трансформация элит в переходные эпохи и ее особенности в современной России. М.: РОССПЭН, 2010; *Он же*. Новый проект реконструкции властной элиты в России, содержание и перспективы реализации // Демократия, власть, элиты: Демократия vs элитократия. Сб. статей / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010.

рале – октябре 1917 г. в Российской империи и как это было в конце 80-х годов в Советском Союзе. Правящая элита должна хорошо понимать ситуацию в стране, знать о проблемах, требующих безотлагательного решения, представлять себе, какие кадры способны их решить, готовить эти кадры и своевременно расставлять их на командные посты на разных уровнях власти, ставя перед ними ясные цели, которые они должны достичь в определённые сроки. Это должны быть хорошо подготовленные люди, способные системно и адекватно обстоятельствам мыслить, прошедшие тщательный отбор в специальных комиссиях.

В царской России такой системы не было, и поэтому преимущественно дворянская элита, мыслившая и поступающая по-старому, догматически, главным образом в духе самодержавных ценностей, оказалась неспособной понять, какие преобразования в России назрели и как их решить. А та незрелая партийная элита, которая выросла в буржуазных и мелкобуржуазных партиях после первой русской революции, оказалась в 1917 г. неспособной решить назревшие проблемы, понять логику, темп революции и возглавить народную стихию.

Ситуация повторилась в конце 80-х – начале 90-х годов, когда уже партийная властвующая элита, за исключением небольшой её горстки, оказалась также неспособной справиться с назревшими социально-экономическими и политическими проблемами. И это несмотря на то, что элита была выпестована системой, но системой догматической, неадекватной реальности, отставшей идеологически.

Всё сказанное о правящих элитах имеет прямое отношение к революционным процессам в России:

– неадекватность властвующей элиты;

– её неспособность эффективно решать назревшие проблемы общественного и государственного развития – боком выходят для страны. Отсюда следует элементарный вывод: *качество властвующей элиты, её адекватность и способность эффективно и своевременно решить назревшие проблемы – задача номер один для любой страны, а для нашей страны сейчас особенно.*

Поэтому, когда мы размышляем о том, чего Октябрь **не дал**, следует сказать не только о том, на что обратил внимание Гринберг и что было упомянуто выше. Но и о том, что не удалось сформировать адекватную правящую элиту, способную своевременно и качественно решать проблемы развития страны, идя в ногу со временем. Не удалось также создать конкурентоспособную политическую систему, способную к саморазвитию, подобно западным системам, но с другим содержанием.

Возникшая элита была способна вполне эффективно решать текущие проблемы внутреннего и внешнего характера, но адекватно анализировать и – самое главное – также адекватно меняющимся условиям реагировать на **фундаментальные** изменения в мире и в стране, верно корректировать стратегию развития страны и в целом социалистической системы, за что она также несла ответственность как лидер этой системы, на это она была неспособна.

Система подготовки и рекрутирования элиты её этому не учила и не призывала.

Не удалось также научиться своевременно корректировать и адаптировать к меняющейся реальности государственную идеологию.

Какими же, по сути, в таком случае это были российские события 1917 г.?

Что касается Февральской революции, то это был второй этап буржуазно-демократической революции, начавшейся в 1905 г. Октябрьская революция началась фактически тоже как государственный переворот, а затем по мере развития процесса превратилась в социальную революцию, практически завершившуюся в начале 90-х годов.

С учётом сказанного о сути буржуазно-демократических революций в Европе и их движущих силах необходимо особое внимание обратить на то, что в России на момент Февральской революции не было достаточно организованных и искушённых в политическом управлении сил, которые были бы способны умело дирижировать развитием социальных процессов в эпоху революции в нужном для них духе. Не имея опыта ни в подготовке, ни в организации революции, ни особенно в том, что следует предпринимать после государственного переворота (такowymi были февральские события 1917 г., которые так и не смогли стать революцией, в отличие от октябрьского переворота, который пе-

рерос в революцию*), они неизбежно должны были потерпеть поражение. Радикальный слом старой государственной машины и создание новой происходил достаточно быстро. Для всего этого были и причины, и предпосылки. Об этом стоит сказать подробнее.

Прежде всего причины, в частности объективные, для завершения буржуазно-демократической революции, начатой в 1905 г. и фактически свёрнутой (в том числе силой) в 1907 г., в России существовали. В частности, следует упомянуть о том, что быстрое экономическое развитие России всё больше входило в противоречие с недостатком политической свободы и усиливало взрывной потенциал в обществе. Первая мировая война довела до крайности все противоречия и явилась «повивальной бабкой» февральских событий 1917 г. Народная стихия опережала осмысленную организацию политических процессов. Многие не только не понимали, что происходит в стране и в каком направлении развиваются события, кто ими управляет, но и какие могут быть от этого последствия. Незрелость политических партий и политической элиты, их неспособность понять ни актуальные проблемы страны, ни интересы большинства общества привели к тому, что народной стихией достаточно легко и быстро (за не-

* Здесь надо сказать о том, чем государственный переворот отличается от социальной революции. Главное принципиальное отличие состоит в том, что за госпереворотом совсем не обязательно следуют фундаментальные системные преобразования: смена систем, режима и т. д., в то время как вслед за социальной революцией такие смены происходят безусловно. Поэтому революция – это значительно более сложный и болезненный процесс, т. е. госпереворот – это, как правило, драма, а революция – это трагедия, тяжёлая хирургическая операция. В госпереворотах особо отличаются военные. (Кстати говоря, в февральских событиях в России 1917 г. они также сыграли особую роль.)

сколько месяцев) овладели радикальные партии, прежде всего большевики, обещавшие народу долгожданный мир, землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим. Всё было просто, понятно, сказочно заманчиво и привлекательно. Именно большевики оказались более искусными агитаторами и пропагандистами, более активными и решительными. Ими двигали не только коммунистические идеи, но и амбиции глобальных лидеров. У их политических оппонентов – буржуазных и полубуржуазных партий, амбиции были намного скромнее – российского масштаба. Поэтому именно субъективные причины и предпосылки сыграли в Октябрьской революции основную роль. И это при полной незрелости объективных причин и предпосылок (в отличие от февральских событий).

Как же большевики сумели взять власть, как такое стало возможно?

Да, в условиях, когда власть слаба, нерешительна, совершает одну ошибку за другой, когда её авторитет быстро приближается к нулю или даже к отрицательным значениям, активная, наступательная оппозиция (в нашем случае это были левые радикальные партии, прежде всего большевики) берёт верх и субъективные факторы становятся главенствующими. Эти же факторы сыграли роковую роль в поражении советского социализма в 1991 г., когда в России после очередного госпереворота началась либеральная, или анти(контр)социалистическая революция. Это ещё более удиви-

тельная и более странная революция, чем Октябрьская 1917 г.

Чем же она удивительна и что в ней такого странного?

Первое удивление и первая странность состоят в том, что для неё, казалось бы, не было очевидных причин и предпосылок. Действительно, к 1917 г. капитализм в России не достиг даже среднего уровня развития и сильно отставал от европейского, социум также не был готов к социалистическому перевороту. Небольшая партия РСДРП(б) на момент выхода из подполья (март 1917 г.) насчитывала всего лишь 24 тыс. чел. Быстро увеличиваясь, она, придя к власти, смогла удержать её лишь благодаря популистской программе действий и массовым репрессиям против населения (красный террор). Поэтому движение по социалистическому пути было столь сложным, тяжёлым и кровавым. Нарушив определённые фундаментальные нормы гуманности и свободы, уничтожив, например, институт частной собственности, большевики неизбежно в конце концов должны были завести страну в тупик и проиграть соревнование более конкурентоспособному и легко адаптирующемуся в быстро меняющихся условиях капитализму.

Другая странность либеральной революции 1991 г. состояла в том, что в СССР не было той политической организованной, влиятельной силы, которая открыто выдвигала бы задачу возвращения к капитализму. Было также немало других странностей и особенностей [3].

³ Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России // Особенности и перспективы современной социальной революции в России. М.: РОССПЭН, 2010.

Почему же достаточно долго существовал социализм в СССР и, более того, распространился при его непосредственном участии на многие страны мира?

Для этого было несколько фундаментальных причин, которые следует перечислить, не раскрывая.

Это, в первую очередь, богатейшие природные ресурсы нашей страны, которые позволяли в прошлом и позволяют в наши дни решать различные социальные, оборонные и многие другие проблемы преимущественно экстенсивными, а не интенсивными методами, как это происходит в наиболее развитых странах мира.

Это также особый менталитет народа, долготерпение которого много больше, чем у многих других наро-

дов. Долготерпение, сочетаемое с аскетизмом и готовностью к самоограничениям и самопожертвованию – залог адекватного отношения к власти и её многочисленным ограничительным действиям по отношению к своим гражданам.

Это также привлекательная образовательная, пропагандистская и воспитательная работа правящей партии, а также многое другое, включая преимущества социализма.

Не называя других причин длительного существования социализма в СССР, отмечу, что, несмотря на, казалось бы, крепкий фундамент и возможности, он всё же рухнул. Значит, были другие причины – разрушительные, которые оказались более важными, чем цементирующие*.

Какой же общий вывод можно сделать из сказанного?

Он состоит в том, что российские события 1917 г. – февральские и октябрьские – не относятся к одному ряду. Они – разнопорядковые, разнотипные во всех смыслах, а в утверждении, что они составляют одну Великую русскую революцию, больше политики, чем науки.

Библиография • References

- Гринберг Р. Что дал и отнял Октябрь отечеству и миру. Невыученные уроки // Российская газета. 2017. 2 июня.
 [Grinberg R. Chto dal i otnjal Oktjabr' otechestvu i miru. Nevyuchennye uroki // Rossijskaja gazeta. 2017. 2 ijunja]
- Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России // Трансформация элит в переходные эпохи и ее особенности в современной России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–296.

* В связи со 100-летием российских революций 1917 г. и либеральной революцией начала 90-х годов в России возникает ещё одна важная и до сих пор не осмысленная нашей наукой тема – это революции, отрицающие друг друга: Октябрьская революция как отрицающая ценности Февральской 1917 г. и либеральная революция начала 90-х годов как отрицающая ценности Октябрьской. Каковы причины и последствия этих отрицаний? Почему (скажем, в отличие от Великой французской революции) так зигзагообразно развивался революционный процесс в России? Эти и другие вопросы ждут научных обсуждений и ответов учёных.

[Pljajs Ja. A. Politologija v kontekste perehodnoj jepohi v Rossii // Transformacija jelit v perehodnye jepohi i ee osobennosti v sovremennoj Rossii. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 279–296]

Пляйс Я. А. Новый проект реконструкции властной элиты в России, содержание и перспективы реализации // Демократия, власть, элиты: Демократия vs элитократия. Сб. статей / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 87–112.

[Pljajs Ja. A. Novyj proekt rekonstrukcii vlastnoj jelity v Rossii, sodержanie i perspektivy realizacii // Demokratija, vlast', jelity: Demokratija vs elitokratija. Sb. statej / pod red. Ja. A. Pljajsa. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 87–112]

Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России // Особенности и перспективы современной социальной революции в России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 99–116.

[Pljajs Ja. A. Politologija v kontekste perehodnoj jepohi v Rossii // Osobennosti i perspektivy sovremennoj social'noj revoljucii v Rossii. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 99–116]

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. «O merakh po realizatsii vneshepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvol'y, tekhnologii // Obzrevatel'–Observer. 2012. № 3. С. 36–48]

Коммунистическая партия в системе диктатуры пролетариата: доктрина и история

Алексей НИКАНДРОВ

Диктатура пролетариата как теоретический концепт

Концепт диктатуры пролетариата, введённый основоположниками марксизма К. Марксом и Ф. Энгельсом, был логично вписан в их учение о «передовом классе», авангарде истории. «Революционная диктатура пролетариата», согласно Марксу, есть государство переходного от капитализма к коммунизму периода. Иногда говорят, что основатели марксизма не оставили развёрнутой теории диктатуры пролетариата (или перехода, если не скачка, от его гегемонии к диктатуре); что в текстах Маркса и Энгельса этот термин является метафорой; или же что они

не настаивали именно на таком названии государства переходного периода (а могли бы заменить его на что-либо менее вызывающе звучащее), или же что Маркс случайно «обронил» эти слова (как Каутский).

Так, к примеру, на том лишь основании, что Маркс и Энгельс крайне редко прибегали к термину «диктатура пролетариата», Э. Л. Розин делает вывод: «Представляется, что у Маркса и Энгельса “диктатура пролетариата” скорее метафора, чем научный термин» [1, с. 135].

Однако классики выразили свои идеи о переходе от капитализма

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *SPIN-код*: 8954-4220, *E-mail*: bobbio71@mail.ru

Ключевые слова: классы, пролетариат, диктатура пролетариата, классовая борьба, пролетарская революция, государство диктатуры пролетариата.

¹ Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. М.: Юрист, 1996.

к коммунизму чётко, так что не ясно, как тут можно «подать» теорию диктатуры пролетариата в ещё более развёрнутом виде (именно диктатуру, а не что-либо иное). Согласно Манифесту Коммунистической партии, «пролетариат основывает своё господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» [2, с. 61], а затем «использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс». «Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения» [2, с. 72].

Классики настаивают на связи диктатуры пролетариата с насилем, но не акцентируют внимание на том, что диктатура пролетариата, как и любая другая диктатура, не может быть связана законами, – дело тут, может быть, в том, что они по «техническим» причинам не могли столь откровенно выражать свои мысли (всё-таки слово «диктатура» явно отсылало к якобинцам). Но ясно, что «основать своё господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии», «вырвав у буржуазии шаг за шагом весь капитал», «скрутить буржуазию в бараний рог», невозможно в рамках зако-

на и без известной доли «деспотического вмешательства». Допускали ли основоположники мирный переход к социализму? Известны колебания Энгельса, однако в конце концов он признал, что без насильственной революции – как высшей формы классовой борьбы – завоевать политическую власть пролетариату не удастся. Классики не были против того, чтобы на пути к власти пролетариат использовал достижения западной демократии, к завоеванию которых он и сам был непосредственно причастен. Но «взять» саму власть никакими «демократическими процедурами» для пролетариата невозможно, что совершенно ясно, уже без всяких оговорок, сказал Ленин: «Мирного пути к социализму быть не может!»

Ленин, не будучи стеснён ограничениями в выражении своих идей, «доистраивает» (а на деле попросту договаривает) идею диктатуры пролетариата.

Приведём ленинские определения:

«Диктатура пролетариата... власть, опирающаяся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооружённую силу той или иной части населения».

«Революционная диктатура есть власть, завёванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [3].

Согласно Ленину, марксистское «учение о классовой борьбе... ведёт необходимо к признанию политиче-

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / отв. ред. Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. М.: ВИУ: Социально-политическая мысль, 2007.

³ Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / отв. ред. Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. М.: ВИУ: Социально-политическая мысль, 2007. С. 172–173.

ского господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооружённую силу масс» [4, с. 26]. Эта диктатура, как собственно диктатура, не связана законами, правом и не разделяется её «обладателем» ни с кем.

Но почему именно диктатура, а, допустим, не более «сдержанная» гегемония, не просто власть пролетариата, не суверенитет пролетариата? Почему пролетариат – диктатор, т. е. «единоличный» правитель, не сдерживаемый законами, моралью и традицией? Ответ ясен: тут стоит вопрос о власти.

Но как может быть осуществлена такая диктатура? Как от вполне понятной в теории гегемонии пролетариат переходит к диктатуре?

Гегемония – это состояние (класса, социальной группы) по отношению к обществу, тогда как *диктатура* – состояние (класса, социальной группы, партии, узкой группы во главе с одним лицом) по отношению к власти.

До октября 1917 г. пролетариат был (точнее, считался марксистами во главе с Лениным) именно гегемоном. Собственно, идея гегемонии пролетариата была выдвинута Лениным достаточно рано – около середины 90-х годов XIX в. «Гегемонией» пролетариата Ленин называл его руководящую (авангардную, на военный манер) роль в будущей буржуазно-демократической революции. При этом он отвергал возражения оппонентов, которые отчасти

справедливо утверждали, что речь о гегемонии идти не может, ибо в процентном отношении пролетариат составлял крайне малую долю населения России.

В работе 1908 г. Ленин, совершенно безо всяких сомнений, по сути, «обнаруживая» и констатируя очевидный факт, пишет: «Вполне обнаружилось и то, что его *сила* в историческом движении неизмеримо более, чем его *доля* в общей *массе* населения» (курс. – Авт.) [5].

Но дело не только и не столько в силе пролетариата, какой бы она ни была. Согласно Ленину, собственно *сила* пролетариата как раз и состояла в том, что его *авангардом* (передовым отрядом) является *партия* большевиков – как *сила*, обеспечивающая единство организации, теории и миссии; партия – как единство теории и политического действия. Это и было важнейшим условием «установления диктатуры пролетариата».

Ясно, что диктатура класса как политическая власть – это не диктатура в обычном понимании слова. Чем отличается диктатура пролетариата в марксизме от диктатуры в обычном понимании и от теоретически и практически невозможной «диктатуры массы», «диктатуры толпы»?

Во-первых, диктатура пролетариата конструктивно-теоретически противопоставляется и одновременно находится в отношениях исторической преемственности с «дикта-

⁴ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 13.

турой буржуазии»: диктатура пролетариата необходимым образом приходит на смену диктатуре буржуазии, отрицая и ликвидируя её.

Ясно, что при этом диктатура пролетариата не может пониматься и не понималась классиками как режим, совокупность методов правления, особое состояние общества и т. п.

Во-вторых, пролетариат не является массой, это класс, сплочённый и организованный, поднимающийся на высшую ступень классовой борьбы, т. е. класс, у которого имеется боевая революционная марксистская партия, «руководимая передовой теорией» (Ленин).

В-третьих, «пролетариат-диктатор» в известной степени интеллектуализируется Марксом, и в особенности Лениным: компартия «наделяет», вооружает передовой класс теорией – марксизмом-ленинизмом и ставит перед передовым классом цель – коммунизм, поэтому пролетариат – класс целеустремлённый.

В-четвёртых, говоря об отношениях пролетариата и его авангарда – партии, необходимо признать своего рода политический иерархизм, напоминающий военную иерархию: сам пролетариат – гегемон или авангард общества, организованный и дисциплинированный класс, компартия же – авангард пролетариата – обладает ещё большей степенью организации. Так получается некая новая пирамида власти, иерархия гегемонии.

В-пятых, «диктаторский» характер власти пролетариата компенсируется у классиков марксизма, осо-

бенно у Ленина, известным демократизмом пролетарской власти как её сущностной чертой. Этот демократизм нивелирует отрицательные черты диктатуры как таковой – известный деспотизм, незаконность и временный характер, т. е. главным образом понимание диктатуры как диктатуры меньшинства или отдельного лица. Так, совершенно меняется смысл диктатуры: пролетарская диктатура превращается в своего рода демократичную диктатуру, диктатуру демократии. Пролетарская демократия, полагал Ленин, есть демократия высшего типа, или, другими словами, подлинная демократия. Это, однако, не означает императива добиваться власти исключительно демократическим путём, как настаивал Каутский: борьба за демократию не должна подменять революцию.

Диктатура пролетариата – необходимый, если не фундаментальный элемент марксистской догматической системы. Диктатура пролетариата (можно сказать вместе со Сталиным) – это самое дорогое и ценное, что есть в ленинизме, и с доктринально-теоретическим определением её, равно как и её субъекта – пролетариата – проблем нет (о социологическом смысле и определении пролетариата при этом споры начались уже ближе к концу XIX в.).

Диктатура пролетариата – это именно тот момент и пункт теории, где, если пользоваться выражением С. А. Левицкого, ленинский панлогизм превращается в панполитизм [6].

⁶ *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. С. 430.

Монументальная теоретическая конструкция, возведение которой довершает Сталин, согласно его словам, есть ленинизм, развитие верным ленинцем доктрины Ленина, который в свою очередь опирается на Маркса. «Весь ленинизм, – подчёркивает В. И. Мишин, – и является творческим применением марксизма к условиям развития России» [7].

«Ленинизм, – определяет Сталин, – есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [8, с. 110].

Главное в ленинизме – это диктатура пролетариата: «Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата есть “основное содержание пролетарской революции”? Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата» [8, с. 112].

Надо заметить, что и Ленин, и Сталин работали с уже воздвигнутым Энгельсом и Марксом историософским концептом «пролетариат». Этот «идеолого-политический конструкт», возведённый в ранг политической теологемы, выстроен и введён в общественную мысль Запада основателями марксизма на-

столько мощно и уверенно, что имеет силу и поныне.

«...У Маркса и Энгельса, – говорит М. В. Ильин, анализируя историософские концепции мессианизма, – всемирно-историческая миссия переходит к пролетариату – наиболее подвижной и целеустремлённой в будущее части гражданского общества, которой предназначено покончить со всякой государственностью, утвердив “вечный город” коммунизма. Мессианизм пролетариата и его партии оправдывается их уникальной способностью возвыситься до понимания мировых задач без утраты из поля зрения эмансипирующегося благодаря революции индивида» [9].

Догмат единства пролетариата не полностью потерял свою силу и в наши дни (в основном речь идёт скорее о лозунге, что же до признания, так сказать, наличного бытия «самого» пролетариата, тут мнения расходятся).

Об этой «политической концептологии», «идеологической филологии», или догматике (точнее, марксистской догматике; тут имеется в виду прежде всего всё, что касается учения о роли пролетариата, социалистической революции), необходимо сделать ещё одно отступление.

В. Л. Шейнис, разбирая полемику Ленина, Каутского и Троцкого о диктатуре пролетариата, пролетарской демократии, социализме в 1918 г., оговаривается: «Все они оперировали идеолого-теоретическими конструктами, имевшими очень

⁷ Мишин В. И. Ленинская методология социального познания. Н. Новгород: Изд-во Волгодонской академии гос. службы, 2003. С. 5.

⁸ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1952.

⁹ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 349.

отдалённое отношение к существу дела. Ни в России, ни в Европе переход к социализму, как он рисовался Марксу, Ленину (да и Каутскому), в порядке дня не стоял, как и не стоит он век спустя» [10, с. 120].

Надо отметить заслугу Маркса и Энгельса, что эти конструкты всё же надо было прежде сконструировать, создать, облечь определённой авторитетностью; сконструировать не по отдельности, а в качестве элементов «научно-политической конструкции»; наделить их идейной силой и смыслом с тем, чтобы они

обладали идеологической убедительностью и привлекательностью. Всё это оказалось под силу классикам-основателям и классикам-практикам марксизма. Но, помимо перечисленного, сделать ещё и так, чтобы последующая политическая мысль с огромным трудом могла бы вырваться из их категориально-понятийных сетей; чтобы мыслители, теоретики, идеологи, полемисты и политики не вышли бы за рамки марксистских конструктов, не уклонились от использования их в своей деятельности.

Революция и «старый» мир

Цель пролетарской (социалистической, или антикапиталистической) революции – построение в перспективе коммунизма как справедливого общества на совершенно новых началах, без классов, без государства, без правовой системы. Главное препятствие на этом пути – «старое» государство, соответственно, главная задача, которую должна решить революция, – уничтожение буржуазного («старого») государства вместе с буржуазным правом: «новое» государство, пусть и устанавливаемое на время, будет оснащено и «новым» правом, сконструированным не взамен «старого», но на совершенно новых принципах государственности и собственности, – настолько иных, что в «буржуазном смысле» его правом назвать будет невозможно.

Этот момент подчёркивается В. С. Нерсесянцем: «Диктатура пролетариата – это завоевание, удержание и использование пролетариатом (во главе и через коммунистическую партию) политической власти. Это не новое право и не новое государство, а радикальное и самое последовательное, насколько это вообще возможно, отрицание всего предшествующего (т. е. по сути и фактически – буржуазного) права и государственности для революционного движения к неправовому и безгосударственному коммунизму» [11].

Так, между «старым» и «новым» мирами ставится переходный период: «...Переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без "политического переходного периода", и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата» [4, с. 87]. Диктатура пролетариата»

¹⁰ Шейнис В. Л. Большевицкая власть и первая советская Конституция // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1.

¹¹ Нерсесянц В. С. *Философия права*. М.: Норма, 2003. С. 209.

риата есть также пусть и довольно специфическое, но государство, наделённое «правом» (скорее обязанностью) насилия и освобожденное от «оков» собственно права, ибо важная (но не единственная и не важнейшая) цель этого государства – уничтожение «старого» государства, «старой машины». Но это только первый шаг, и сводить диктатуру пролетариата к одному лишь отрицанию, разрушению явно нелепо. Скорее наоборот: «этатизм» диктатуры пролетариата от Маркса к Сталину неизменно возрастал: Маркс – жёсткий критик анархизма, подчёркивающий необходимость и неизбежность пролетарской государственности; Сталин – создатель советской сверхдержавы, социалистического сверхгосударства.

Уничтожение буржуазного государства – акт быстрый и безусловно связанный с насилием. Но с помощью насилия происходит уничтожение системы, которая основана на насилии же, ибо любое государство есть сила, машина подавления класса классом. То «старое» государство, с которым «имеет дело» пролетариат, согласно Ленину, есть продукт непримиримости классовых противоречий, непримиримости, которая никаким образом не может быть «излечена» (только разве что на время сглажена). Отсюда, убеждён Ленин, с необходимостью следует, что «освобождение угнетённого класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан...» [4, с. 8].

Буржуазное государство – «машина угнетения» пролетариата, тогда

как пролетарское – «машина подавления» побеждённой и обречённой буржуазии. Так, диктатура пролетариата – как новая «машина подавления» – должна уничтожить старую аналогичную машину, – такова эта революционная «война машин». «Если государство, – пишет Э. Л. Розин, – есть лишь орудие насилия в руках господствующего класса, а именно так понимал Ленин государство, то оно представляет собой абсолютное зло, которое подлежит уничтожению» [1, с. 129]. Зло невозможно победить без использования подавляющей силы, поэтому суть диктатуры пролетариата – насилие. Ленин в «Государстве и революции», восхищаясь «панегириком насильственной революции» Энгельса, не устаёт подчёркивать роль насилия.

«Насильственная революция, диктатура пролетариата, уничтожение, истребление, насилие, смертельная борьба с инакомыслящими и т. п. – главный рефрен книги "Государство и революция"» [1, с. 29].

Для Ленина «непримиримость классов» – догмат, совершенно не допускающий сомнений.

«Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку противоречия не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [4, с. 7].

Классовый антагонизм, согласно марксистам, «встроен» в общество, но не в природу человека – мир может наступить лишь с уничтожением антагонистических классов (один из которых по природе подавляет

другой или другие) и последующим исчезновением («засыпанием») «дружественных» классов (как, например, пролетариат и крестьянство). Важнейший «аккумулятор» антагонизма – государство, и в этом его суть. Все идеи политического консенсуса, компромисса, примирения классов отбрасываются. В работах Ленина – только «отказ от сотрудничества классов и обвинение сторонников соглашения классов в реформизме (у Ленина это бранное слово), в социал-шовинизме и оппортунизме. Ибо, считал Ленин, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы было возможно примирение классов. <...> Ленин на чисто отказывается видеть в государстве прежде всего управляющее устройство» [1, с. 28].

Что же такого опасного в «политических машинах»? Подчёркивая, что «революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* "аппарат управления" и весь государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооружённых рабочих», Ленин не устаёт повторять, предостерегая тех, кто мог бы подумать воспользоваться некоторыми возможностями «старого аппарата»: «Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутинной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*» [4, с. 114].

«Старое» государство, орудие угнетения пролетариата, и «старое» право, «воля господствующего класса, возведённая в закон», таким

образом, должны быть, по Ленину, безусловно, уничтожены.

«Перспектива – "разрушение всей буржуазной законности". Речь, конечно, шла не только об отмене прежних законов. Коль скоро они "буржуазны", то "буржуазна" и вся юридическая система, в основе которой принцип законности. Значит, он тоже подлежал отмене» [12, с. 256].

Это принципиальный момент, который Ленин как бы не замечает в «Государстве и революции» и ввиду очевидности не сильно акцентирует в других работах, – уничтожение права, «старого права», в «формате» которого новые принципы не могут быть ни обоснованы, ни введены в действие. Речь идёт прежде всего о «старых» принципах ограничения власти, верховенства права, разделения властей, парламентаризма, имманентных «буржуазному обществу», но совершенно «устаревших» с точки зрения «нового» мира (и, разумеется, «лживых», согласно «новой риторике»; и уж, во всяком случае, совершенно не подходящих ни к новому государству, ни к новым принципам собственности).

Именно эти принципы должны быть отброшены, их действие как можно скорее прекращено, а соответствующие институты безжалостно разрушены. Отсюда столь жёсткая и непримиримая ленинская риторика в отношении «старого» мира, риторика энергичного отрицания «буржуазного права» и «буржуазной демократии» как «хлама», который должен быть отброшен; отсюда же стремление к «ликвидации прошлого».

¹² Фельдман Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум: Неолит, 2015.

Виднейший теоретик и деятель партии эсеров В. М. Чернов писал об этом так: «Цель была – наносить прошлому такие сокрушительные удары, чтобы корабли были сожжены, чтобы к старому возврата больше не было... Шло грандиозное провоцирование масс на колоссальную ломку без сколько-нибудь ясного представления о том, что и как станет на "расчищенное" – вернее, на загромождённое обломками место» [13].

Если классики уделяли внимание праву как общественному феномену (но не пытались вывести принципы права при социализме), то Ленин равнодушен к праву вообще (система советского права будет в своих основах построена Сталиным). Причина такого отношения ясна: «старое» право обречено исчезнуть, а принципы «нового» ещё не ясны, то нет смысла и размышлять над ними. Вполне достаточно, допустим, для начала – туманной максимы революционной совести (или революционного правопорядка, иногда – «революционной справедливости»), затем – идеологемы революционной законности и лишь после этого – введения принципа законности социалистической и построения системы советского права (все толкования и разъяснения к которым оставались за правящей партией).

Примерно такое же отношение проявляется у Ленина и к «буржуазному» государству.

«...Для ленинского общего отношения к государству характерно непонимание того, что государство – это прежде всего исторически сложившаяся организованная социальная сила, управляющая обществом, – пишет Э. Л. Розин. – Для Ленина чуждо... выработанное мировой прогрессивной политической мыслью понимание государства как определённой политической структуры в интересах всего общества... Государство, по Ленину, это – прежде всего и только – машина для подавления, угнетения господствующим классом его классовых противников. "Машина", "дубинка", "аппарат" насилия – вот всё, что видел вождь большевизма в таком сложном социальном институте, как государство, в тайну которого человеческая мысль стремилась проникнуть десятки веков» [1, с. 9–10].

Однако повторим: Ленин смотрел на буржуазное государство как на исторический феномен, которому немного осталось, и если для историков, правоведов оно и будет представлять интерес, то в политических работах, да ещё и установочного характера, ему явно не место. Поэтому хоть и нельзя не согласиться с исследователями, которые упрекают Ленина в *небрежении* по отношению к правовому государству, прежде всего надо иметь в виду, что речь шла о его полном уничтожении и о построении уже на пустом месте «нового» государства (основанного на принципиально иных отношениях собственности), о полном разрыве со «старым» миром.

Диктатура пролетариата и «диктатура» партии

Как может показаться, Ленин без основания сводит «буржуазное государство» к «аппарату управле-

ния», к «чиновничеству и постоянной армии», выделяя лишь остов, каркас «машины подавления», но ос-

¹³ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. С. 245.

тавляя без внимания двигатель и системы, равно как и принципы управления. Именно так, по сути, дело и обстоит, но эта редукция как раз обоснована тем, что всё это предполагается уничтожить полностью и заменить совершенно новой «машиной», построенной на новых принципах.

«Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управляя при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал при помощи *новой* машины...» [4, с. 114].

Но ведь «новая машина власти» практически создана (во всяком случае её важнейшая часть – двигатель), и эта новая сила – партия Ленина, партия большевиков, «партия нового типа», которая готова взять управление в свои руки и которой совершенно не нужна «старая государственная машина» ни в целом виде, ни по частям, но у которой вполне достаточно сил и способностей создать, построить новое государство.

«Весь ход событий, – говорит В. Л. Шейнис, – подводил взявшую власть партию к *необходимости создания государства нового типа* (по модели самой партии), к слиянию партии и государства, к наполнению абстрактной дотеле марксистской формулы диктатуры пролетариата содержанием, нисколько не похожим на Парижскую коммуну 1871 г.» [10, с. 120].

Задачи, которые поставила перед собой партия, взявшая власть, были настолько колоссальны (это касается как доведения до конца «уничтожения старого мира», так и построения нового государства и создания нового права), а перспективы, открывавшиеся перед новой «властной

машиной», настолько огромны, что она принципиально не могла сдерживать себя никакими ограничениями, никаким правом, даже пододбием такового. Такое право партии – не быть связанным правом, законом – не распространялось на государство диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия также должна была стать (и стала) создателем совершенно новой, не бывавшей ещё в истории системы права. Ясно, что сама партия при этом не могла быть включена, вписана в какую-либо систему права, – и вся система «старого» права была обречена на исчезновение. Поэтому любые «нити» связи со «старым» миром, с его «косностью и рутинной» должны быть порваны. Партия не могла быть ограничена правом (в «старом» значении), в «новое» же право она не могла быть вписана, ибо любое право налагает ограничения, тогда как для исполнения своих задач и для достижения целей партия не могла быть ограничена.

Д. М. Фельдман приводит утверждение выдающегося советского учёного-криминалиста А. Н. Трайнина: «Закон всегда двусторонен: он обязывает граждан, но и связывает власть. Так, закон одновременно и карает вора, и ставит пределы этой каре. Закон поэтому, как бы ни было пёстро, а порой и деспотично его содержание, всегда есть самоограничение власти. Но в пору разрушения старого мира, в пору диктатуры как политической системы, власть сознательно избегала такого ограничения. Власть желала быть свободной, свободной даже от собственных законов, чтобы в каждый момент "от случая к случаю" подчинить свои действия велениям единой цели и единой стихии – революции» [12, с. 296].

Здесь под властью есть все основания понимать «власть партии».

Однако совершенно не имеет смысла отождествлять государство (диктатуры пролетариата) и партию. В самом деле, в историко-теоретическом и идейно-политическом смысле речь о «диктатуре» партии вести не может, «диктатура» партии – теоретический абсурд.

Пролетариат как «суверен» передаёт партии не власть, не часть власти и даже не право на власть (он сам – властитель), но скорее право выступать от своего имени.

Безусловно, иное дело – практика, иное – теоретические конструкции; хотя если говорить о практике, то необходимо отметить:

– *во-первых*, только пролетариат – «единный и единственный», тогда как партий пролетариата может быть много;

– *во-вторых*, словосочетание «диктатура партии» из броского лозунга может быть легко превращено и в обвинение.

Это хорошо чувствовал Сталин. На XII съезде ВКП(б) (1923 г.) Зиновьев пытался утвердить «догмат» диктатуры партии.

«...Идея была изложена лапидарно: "Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии"» [14].

И.В. Сталин – и в пику зиновьевско-троцкистскому «ультрадиктаторскому» подходу, и как бы отвечая на жёсткую критику диктатуры пролетариата со стороны Каутского, говорил о «приводных ремнях», которые связывают партию и с пролетариатом, и с крестьянством.

Тут следует вчитаться в рассуждения Сталина: «Партия осуществляет диктатуру пролетариата.

"Партия – это непосредственно правящий авангард пролетариата, это – руководитель" (Ленин). В этом смысле партия берёт власть, партия управляет страной. Но это ещё не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо Советов... Партия есть ядро власти. Но она не есть и не должна быть отождествлена с государственной властью» [8, с. 128].

Вписывая партию как руководящую силу в систему диктатуры пролетариата и признавая, что «диктатура пролетариата есть, по существу, "диктатура" его авангарда, "диктатура" его партии, как основной руководящей силы пролетариата» [8, с. 126], Сталин делает массу оговорок, уделяет внимание оттенкам смысла, проводит линию различия между «диктатурой пролетариата» и «"диктатурой" партии», выступая, согласно В. С. Нерсисянцу, талантливым и изощрённым «идеологическим филологом». Цель Сталина – вовсе не доказать того, что никакой диктатуры партии не существует, не исключить это словосочетание из политики и риторики, но оформить теоретически и догматически «диктатуру» партии так, чтобы этот новый концепт был особым образом включен в партийно-политический дискурс не в противопоставлении, но наряду с диктатурой пролетариата.

Уже когда Сталин задаётся вопросом, можно ли «между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии ("диктатурой" партии)... про-

¹⁴ Дурачинский Э. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы. М.: РОССПЭН, 2015. С. 174.

вести знак равенства», ясно, что «диктатуру» партии нельзя назвать несуществующей: во всяком случае, уже можно трактовать «диктатуру» партии как её руководящую роль, и наоборот. Тем более это следует из несколько противоречивого утверждения: «Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, в сущности, "диктатурой" его партии, то это еще не значит, что "диктатура партии" (руководящая роль) тождественна с диктатурой пролетариата, что первая равняется второй по своему объему». В работе И. В. Сталина «Вопросы ленинизма» он указывает пять пунктов почти теологических обоснований, исходящих из того, что «диктатура пролетариата по объему шире и богаче руководящей роли партии» [8, с. 127].

Смысл обоснований – показать «диктатуру» партии по отношению к диктатуре пролетариата как её сущность, квинтэссенцию. Поэтому нельзя не только отождествлять «диктатуру» партии и диктатуру пролетариата, но и, настаивает Сталин, нельзя их противопоставлять.

«Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству (диктатуре) партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколь-либо прочную и полную диктатуру...» [8, с. 138].

Почему в качестве пары для запрета отождествления/противопоставления диктатуре пролетариата избирается именно «диктатура» партии, почему отношения устанавливаются между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии; почему бы просто не потребовать запрета, исключения из теории, полемики и пр. этого необычного понятия – «диктатура» партии (оставив только «руководство»)? Потому что без него система не будет «работать», повиснет в воздухе, потеряет прочность и полноту (по Сталину), оставит слишком много вопросов, сомнений и соблазнов перетолкования, переинтерпретации, теоретических «дистраиваний» уже готовой иерархической системы диктатуры. Слово «руководство», хотя и употребляется синонимично «диктатуре» партии, явно недостаточно, неконкретно. Не исчерпывают смысла предстояния партии перед пролетариатом и её трактовки как «вождя», «учителя», – без «диктатуры» не обойтись. Поэтому, обставляя множеством уточнений, оговорок, дистинкций; сознавая, что «формула диктатура партии, взятая без... оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в... практической работе» [8, с. 141], Сталин, несмотря на всё это, оставляет концепт «диктатуры» партии в лексиконе и теории.

Проблема суверенитета в государстве диктатуры пролетариата

При любых толкованиях и различиях в прочтении партия не могла быть представлена сувереном в теории (даже такая необычная и могущест-

венная партия, как большевистская), что же касается практики, то она предоставляет право судить по-разному, обращаясь к разным же

толкованиям суверена и суверенитета: так, если согласиться с Карлом Шмиттом в том, что «сувереном следует считать того, кто в состоянии решать, может ли быть приостановлено действие закона, если того требует чрезвычайное положение. Суверенитет как субъект государственного суверенитета обладает монополией последнего решения. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка, но при этом принадлежит ему, "ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции"» [15], то ответ на вопрос, кто является сувереном в государстве диктатуры пролетариата (при том что сувереном может быть признано в данном аспекте лишь само государство диктатуры пролетариата, или «социалистическое государство»), становится вполне определённым. Равным образом этот «суверенитет-диктатура» партии уже не представляется теоретической нелепостью, если (вместе с К. Шмиттом) вернуться к Жану Бодену, который первым внёс в политическую мысль понятие суверенитета, и вместе с ним полагать сувереном высшую власть, свободную от законов, «ведь она, – поясняет В. Л. Цымбурский, – творит и отменяет законы – а значит, сама должна быть выше их, не может быть ими связана» [16].

Почему же не признать партию сувереном, ведь факты подталкивают к такому признанию?

Однако политическая теория неумолима: даже если применить известное насилие с помощью фактов, в любом случае партия не может быть рассмотрена ни как источник, ни как обладатель (субъект, носитель) суверенитета; однако метафорически нередко говорят о «суверенитете партии», «абсолютности партийного суверенитета» (А. Н. Медушевский) и т. п.

В юридической (да и в политической) науке часто различают понятия «источник суверенитета» и «носитель (субъект, иногда – обладатель, реже – носитель) суверенитета» или собственно суверен. Как правило, под сувереном (или обладателем суверенитета, а тем более – носителем) понимается государство. Ясно, что в нашем вопросе сувереном является государство диктатуры пролетариата или же, поскольку пролетариат – диктатор, то сам пролетариат, так сказать, «лично».

Советские теоретики высказывались на этот счёт определённо: «Суверенитет принадлежит рабочему классу, который осуществлял свою диктатуру» (Н. А. Кудинов).

«После свержения эксплуататорских классов и упрочения диктатуры пролетариата, полномочие, суверенитет осуществлял рабочий класс» (Я. Н. Уманский) [17, с. 57–58].

¹⁵ Русакова О. Ф. Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1–2. С. 266.

¹⁶ Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 185.

¹⁷ Шевцов В. С. Суверенитет Советского государства. М.: Юридическая литература, 1972.

Советские учёные понимали под «носителем суверенитета» господствующий класс. Так, И. Д. Левин, автор фундаментального исследования о суверенитете, говорит: «носителем суверенитета в аспекте его социально-политического содержания (или условно – "политического суверенитета") является господствующий в государстве класс. <...> Политический суверенитет – это высшая власть класса, господствующего в государстве...» [18]. Народ в антагонистическом обществе сувереном быть не может, несмотря на все заявления и заверения; только в социалистическом государстве народ становится подлинным властителем, сувереном.

Под «источником суверенитета», согласно наиболее распространённым теориям, понимается прежде всего народ, или воля народа. Однако марксистская теория трактует «источник суверенитета» по-другому: дело, собственно, в ином понимании народа. В. И. Ленин постулировал сведение народа к «трудящимся массам» или фактически к одному пролетариату. И так в развитие ленинских идей «советскими учёными была создана во многом уникальная, хотя и антидемократическая концепция развивающегося классового суверенитета» [19, с. 38]. И далее: «Основными элементами этой конструкции стали замена понятия единого народа трудящимся народом, а также последовательное развитие и трансформация классового суве-

ренитета в общенародный суверенитет» [19, с. 38].

Так, марксистская мысль пыталась завершить это «круговое движение» суверенитета, вернувшись от пролетариата обратно к народу (преображённому социализмом). Сведение народа к пролетариату – не теоретическая ошибка или приём, а необходимый ход марксистской мысли. Один западный критик продолжил этот тезис, отождествив народ («настоящий народ») с партией.

Шведский теоретик Арне Хеллден (1921–2009 гг.) в работе 1966 г. писал, что марксизм «ограничивает понятие "народ", которое становится тождественным понятию "трудящиеся"... Но дело не только в этом. Настоящий человек – это коммунист, и настоящий народ, следовательно, это те, кто принадлежит к Коммунистической партии... Понятие "народ" становится чисто демократической фикцией» [17, с. 56–57].

Так, воля пролетариата как господствующего класса («воля к власти») является источником его суверенитета.

Где же в этой конструкции партия («правящая партия»)? Представляется, что она занимает место силы, обеспечивающей единство и монолитность пролетариата-суверена (да и само существование его как единого и монолитного класса), равно как и его «единство воли»; и инстанции, осуществляющей руководство пролетариатом-сувереном («пролетариат царствует, партия правит»). Партия «цементирует» про-

¹⁸ Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр, 2003. С. 62.

¹⁹ Крылов К. А. Теория развивающегося классового суверенитета в советской правовой литературе // История государства и права. 2007. № 15.

летариат, делая его настоящим сувереном в том государстве, «официальным» диктатором которого он является (или, если не противоречить

сложившемуся употреблению термина «суверенитет», делая государство диктатуры пролетариата сувереном).

Партия, сила и право: к вопросу о сущности партии

Надо особо отметить, что слова «партия» и «сила» в советском не только политическом, но и научном лексиконе стояли рядом, сливались, так что понятие силы, можно сказать, изначально включалось в определение партии. Власть – трудящихся, диктатура – пролетариата, а сила – почти исключительно партии, а если и класса – то в связке с партией.

«Мозг класса, дело класса, сила класса, слава класса – вот что такое партия!» (Маяковский).

С классом (т. е. пролетариатом) ассоциировались слова «мощь», «могущество», но не «сила». Именно как силу партия вписывает себя в Конституцию 1977 г.; вписывает, ибо власть имеет силу вписывать себя в Основной закон; но как раз собственно то, что «непререкаемый принцип партийного руководства государством и обществом потребовалось подкрепить законом» [20, с. 18], и есть свидетельство как раз о начавшемся уходе, отступлении от партии её силы, раз потребовалось подкрепить законом ту силу, которая сама была законом. К тому же понятие силы едва ли было уместно в Основном законе, не говоря уж о других формулировках.

Получается, по сути, что в правовом документе столь высокой юридической значимости, как конституция, сила предшествует праву (как бы нарушая старый принцип *potentia debet sequi justitiam, non antecedere*). При этом авторы текста ст. 6 постарались не забыть и о разуме (подключив, так сказать, дублирующий источник закона), однако сделано это было с подчёркиванием опять-таки «силовой» составляющей: партия, «вооружённая марксистско-ленинским учением». Иными словами, партия не могла воспринимать себя иначе, как силу, вооружённую силу, даже пытаясь встроиться в право, которое до этого было она же сама. Но следует оговориться: эта сила – особая, «умная сила», ведь обычно сила – вещь изменчивая, сложно постоянно обладать силой, время от времени она уходит, теряется. Право же, вполне возможно, помимо дополнительной легитимации (основную легитимацию партии предоставляли теория и история) могло придать лишнюю, в некоторых моментах остро необходимую устойчивость. Но сила партии имеет иную природу.

Какова же природа той силы, которой обладала партия? Как представляется, источник (или, во всяком случае, важнейший источник)

²⁰ Бахтатов Р. Великолепная шестёрка // Страна и мир. 1990. № 1. Январь-февраль.

силы партии или партии как силы – это идеи, идейный комплекс, идейный фундамент (учение Маркса и Энгельса, развитое Лениным и Сталиным). Иными словами, партия – «умная сила», или «умная партия», обладающая «умным логосом». Интересно, что именно силой идей СССР (во главе с Компартией) поддерживал, фундировал своё влияние в мире: коммунистические партии, рождающиеся по всему миру с начала 20-х годов, стали «идейными базами», – в противоположность США, с начала XX в. развивающими систему военных баз.

Итак, ясно, что из того, что революционная власть (в лице партии, руководящей государством диктатуры пролетариата) не могла ограничивать себя правом, не следует, что и «новое» общество будет лишено правового регулирования. Но ясно также, что при этом государство диктатуры пролетариата, как и любое другое государство, не могло полностью избежать подвластности праву, которое оно же и создавало. Оно и не избежало этой «власти права». Однако партия – как *целое*, как «ядро власти», как «основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата» (Сталин), как «непосредственно правящий авангард пролетариата, руководитель» (Ленин), наконец, как источник и творец государства и права (*Grundnorm*, говоря языком Кельзена) могла и должна была (во всяком случае, какое-то время) избегать связанности правом, быть «изъятая из права» (вспомним *princeps legibus solutus*

est, только принцепс был свободен от закона согласно закону же, а партия *legibus solutus erat* не по закону, а, так сказать, субстанциально).

«Абсолютность партийного суверенитета, – пишет А. Н. Медушевский, – со времён Ленина подразумевала, что партия стоит над правом и государством, и потому едва ли может ограничить даже сама себя» [21, с. 465].

«Умная сила» и мистическая целостность... Вообще партия – это часть, но не советская Компартия, она если и принимала по отношению к себе предикаты частичности, то всегда в активном смысле: ядро, авангард и т. п. При этом партия не мыслила себя частичным образом, обнимая, если не перекрывая, целостность общества, государства, народа.

Так, М. Я. Вайскопф, анализируя ряд высказываний Сталина о партии, о соотношении партийного аппарата и партийных масс, усматривает в сталинских конструкциях «ноуменальное инобытие партии», некий таинственный «главенствующий элемент, а именно “партия” как таковая... Это столь же неуловимая, сколь и могущественная абстракция, которая витает, подобно божественному арбитру, над обеими своими составными (аппарат и массы. – Авт.). Ближе всего к её сущности стоит, очевидно, понятие “единое целое”, но и здесь нет полной тождественности, ибо партия эту свою целостность оценивает тоже как бы извне, словно отвлекаясь от себя самой».

Вчитываясь в слова Сталина «Трудности будут. Но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы – большевики, выкованные железной партией Ленина», исследователь говорит: «Оказывается, партия – как отвлечённое субстанциаль-

²¹ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

ное единство – “выковывает” именно тех, из кого она состоит, т. е. самое себя. Партия одновременно имманентна и трансцендентна сообществу большевиков, тождественна и внеположна ему» [22].

Практически партия, единая партия, выступает здесь как Единое Плотина, одновременно имманентное и трансцендентное сущему (по отношению же к пролетариату партия выступает как его энтелехия).

О «метафизике партии» рассуждает Р. Б. Бахтатов: «Руководящая роль партии действительна только как данность: она существует, потому что она существует. Любая попытка обосновать этот принцип или хотя бы задуматься над ним смертельно опасна. Всё это – сфера метафизики, первооснов бытия... Внести этот высший, божественный принцип в конституцию (наряду с правом на жильё и унылым перечнем министерств и госкомитетов) значит сделать его земным, превратить в мишень» [20, с. 19].

И далее: «Это была сила всепроникающая, загадочная, метафизическая, вознесённая над человеком, обществом, государством, наделённая сверхчеловеческой способностью видеть будущее человечества... Метафизическое, иррациональное – таково, пожалуй, главное, что отличало партию от всех других учреждений и институтов XX века. Сталин, назвавший партию орденом меченосцев, довольно точно уловил истоки этого иррационального могущества...» [20, с. 24].

«Метафизика партии», «партийный неоплатонизм» – отсюда и проблемы определения (и политического, и юридического) как самой партии

(что взять за *genus proximum?*), так и роли партии в советском обществе (если не пользоваться словами «сила», «ядро», «авангард» и т. п.), ведь определение – это ограничение, а, как уже не раз было сказано, партия не могла себя ограничивать ни на практике, ни в общепринятой теории. Как ограничить силу, которая не могла полагать себе пределов?

Ожесточённая дискуссия, и ныне представляющая серьёзный научно-политический интерес, разгорелась в ходе так называемого «дела КПСС» (1992 г.). Острые споры – решить, была ли КПСС политической партией в общепринятом смысле слова (т. е. общественно-политической организацией с определёнными чертами и функциями). Противники коммунистов категорически отрицали, защитники же пытались отстоять этот тезис [23]. Достаточно противоречивыми были и советские юридические определения партии.

Так, А. А. Безуглов пишет: «В юридической литературе отмечалось, что Коммунистическую партию в политической организации советского общества следует считать *самостоятельным элементом системы*. Это обусловлено тем, что она хотя и является общественной организацией, но *организацией особого рода*, осуществляющей политическое руководство как государством, так и всеми без исключения негосударственными организациями» (курс. – Авт.) [17, с. 66–67].

А. Н. Медушевский замечает, что советская «политическая система представлена... тремя элементами – КПСС, государством и общественными организациями» [21, с. 464].

²² Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 69–71.

²³ Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. Записки участника процесса. М.: Былина, 1999.

Д. А. Журавлёв утверждает, что партия «выступает как особая организация, специальный институт... Она не только авангард рабочего класса, но и организующее начало, инструмент расширения и укрепления диктатуры (рабочего класса. – *Авт.*), ключевой управленческий институт» [24, с. 132].

Однако наиболее интересное определение было предложено А. А. Зиновьевым, который определяет сущность и роль партии по отношению к «советскому сверхгосударству»: «...Коммунистическое общество в Советском Союзе было государственно-организованное человеческое объединение. Более того, тут следует говорить даже не просто о государственности, а о сверхгосударственности. А основу, ядро, стержень, скелет и голову этой сверхгосударственности образовывал социальный феномен, который называли словом “партия”, но который на самом деле не был партией в смысле привычных политических партий Запада. Он имел лишь подобие партии, имел какие-то генетические источники в партии. Но фактически он был явлением качественно иного рода» [24, с. 376–377].

Такое понимание партии, пожалуй, наиболее зримо демонстрирует

невозможность её ограничения юридическими рамками и принципиальную «невыписываемость» её в рамки западной политической науки, которая к концу 70-х годов, надо заметить, уже оказывала влияние на советскую общественно-политическую мысль, несмотря на сопротивление теоретиков и идеологов, представлявших опасность такого влияния, ведь если допустить неконтролируемое вмешательство, вторжение науки, рациональности в сферу догматики, то это будет иметь для последней фатальные последствия.

Впрочем, раз такое и было допущено, значит, догматика уже лишилась своей былой силы и нет смысла задавать вопрос, с какой целью партия, которая некогда во главе пролетариата уничтожала буржуазную государственность вместе с её принципами (в общем виде – принципами «правового государства»), вдруг решила встроиться в её же отправленную на слом систему, систему, в понятиях которой эта партия существовать не может.

Библиография • References

- Бахтамов Р.* Великолепная шестерка // Страна и мир. 1990. № 1. Январь–февраль. С. 18–30.
 [*Bachtamov R.* Velikolepnaja shestjorka // Strana i mir. 1990. № 1. Janvar’–Fevral’. S. 18–30]
- Вайскопф М.* Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
 [*Vaiskopf M.* Pisatel’ Stalin. M.: Novoje literaturnoje obozrenije, 2002. – 384 s.]
- Дурачинский Э.* Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы. М.: РОССПЭН, 2015. – 823 с.
 [*Durachinskij E.* Stalin: sozdatel’ i diktator sverchderzhavy. M.: ROSSPEN, 2015. – 823 s.]
- Ильин М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.

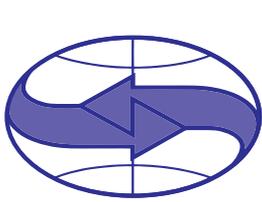
²⁴ От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, М. В. Романенко. М.: Мир философии, 2017.

- [*Il'in M. V. Slova i smysly. Opyt opisanija ključevykh političeskikh ponjatij. M.: ROSSPEN, 1997. – 432 s.*]
- Крылов К. А. Теория развивающегося классового суверенитета в советской правовой литературе // История государства и права. 2007. № 15. С. 38–40.*
- [*Krylov K. A. Teorija razvivajusčegosja klassovogo suvereniteta v sovetskoj pravovoj literature // Istorija gosudaestva i prava. 2007. № 15. S. 38–40*]
- Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр, 2003. – 373 с.*
- [*Levin I. D. Suverenitet. SPb., 2003. – 373 s.*]
- Левитский С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. – 496 с.*
- [*Levitckij S. A. Očerki po istorii russkoj filosofii. M.: Kanon, 1996. – 496 s.*]
- Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 152 с.*
- [*Lenin V. I. Gosudarstvo i revolutsija. Učeniye marksisma o gosudarsrve i zadachi proletariata. M.: Izd-vo LKI, 2010. – 152 s.*]
- Ленин В. И. ПСС. Т. 3. – 792 с.*
- [*Lenin V. I. PSS. T. 3. – 792 s.*]
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / отв. ред. Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. М.: ВИУ: Социально-политическая мысль, 2007. – 288 с.*
- [*Marks K., Jengel's F. Manifest Kommunističeskoj partii // Pervaja programma Sojuza kommunistov. «Manifest Kommunističeskoj partii» v kontekste istorii / otv. red. G. A. Bagaturija, D. V. Dzhochadze. M.: VIU: Sotsialno-političeskaja mysl', 2007. – 288 s.*]
- Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.*
- [*Medushevskij A. N. Političeskaja istorija russkoj revolutsii: normy, instituty, formy sotsialnoj mobilizatsii v XX veke. M.; SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 656 s.*]
- Мишин В. И. Ленинская методология социального познания. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2003. – 176 с.*
- [*Mishin V. I. Leninskaja metodologija sotsialnogo poznanija. N. Novgorod: Izd-vo Volgo-Vjatrkoj akademii gos. sluzhby, 2003. – 176 s.*]
- Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2003. – 652 с.*
- [*Nersesjants V. S. Filosifija prava. M.: Norma, 2003. – 652 s.*]
- От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, М. В. Романенко. М.: Мир философии, 2017. – 495 с.*
- [*Ot Velikogo Oktjabrja k sovetskomu sotsializmu. Vzgljad 100 let spustja / red. kol. P. P. Apryshko, A. P. Poljakov, M. V. Romanenko. M.: Mir filosofii, 2017. – 495 s.*]
- Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / отв. ред. Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. М.: ВИУ: Социально-политическая мысль, 2007. – 288 с.*
- [*Pervaja programma Sojuza kommunistov. «Manifest Kommunističeskoj partii» v kontekste istorii / otv. red. G. A. Bagaturija, D. V. Dzhochadze. M.: VIU: Sotsialno-političeskaja mysl', 2007. – 288 s.*]
- Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. М.: Юристъ, 1996. – 320 с.*
- [*Rozin E. L. Leninskaja mifologija gosudarstva. M.: Jurist', 1996. – 320 s.*]
- Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. Записки участника процесса. М.: Былина, 1999. – 502 с.*

- [Rudinskij F. M. «Delo KPSS» v Konstitutsionnom Sude. Zapiski uchastnika protsessa. M.: Bylina, 1999. – 502 s.]
- Руссакова О. Ф. Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1–2. С. 266–269.
- [Rusakova O. F. Detsizionizm kak bazovyj kontsept konservativnogo diskursa K. Shmitta // Diskurs-Pi. T. 10. № 1–2. S. 266–269]
- Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1945. – 652 с.
- [Stalin I. V. Voprosy leninizma. 11-e izd. M.: OGIz, 1945. – 652 s.]
- Фельдман Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум: Неолит, 2015. – 480 с.
- [Feldman D. M. Terminologija vlasti. Sovetskije politicheskije terminy v istoriko-kulturnom kontekste. M.: Forum, Neolit, 2015. – 480 s.]
- Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. – 372 с.
- [Tsimburskij V. Kon'junktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskije i chronopoliticheskije intelektualnyje rassledovanija. M.: Evropa, 2011. – 372 s.]
- Чернов В. М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.
- [Chernov V. M. Konstruktivnyj sotsializm. M.: ROSSPEN, 1997. – 670 s.]
- Шевцов В. С. Суверенитет Советского государства. М.: Юридическая литература, 1972. – 264 с.
- [Shevtsov V. S. Suverenitet Sovetskogo gosudarstva. M.: Juridicheskaja literature, 1972. – 264 s.]
- Шейнис В. Л. Большевицкая власть и первая советская Конституция // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 106–121.
- [Sheinis V. L. Bol'shevistskaja vlast' i pervaja sovetskaja Konstitutsija // Obschestvennyje nauki i sovremennost'. 2012. № 1. S. 106–121]

Уважаемые читатели!

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесёнными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук. Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в указанный перечень.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

The role of the UN in the overcoming of contemporary threats and challenges to international security. Part 2 5

A. Abashidze, G. Guseynova

Events and trends in international relations in recent years show that with the preservation and aggravation of previous threats and challenges, new ones appear, and the international community often cannot find ways and means to overcome global problems. The second part of the article shows the role of international law and the United Nations in confronting modern challenges and threats to international security. The emphasis is made on the importance of understanding the indivisibility of development, security and human rights in the modern world.

About the authors: ABASHIDZE Aslan Kh. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the RUDN University, Professor at the Moscow State Institute of International Relations, A member of the UN Committee on economic, social and cultural rights.

GUSEYNOVA Gunay Vidadi-kyzy – post-graduate student of the Department of International Law of the RUDN University.

Key words: Globalization; contemporary threats and challenges; international law; international relationships; UN; human rights; international terrorism; migration; climate change.

Security Factors for the Russian Nation, State and Society. Threats of power use of social networks 23

A. Podberezkin, A. Zhukov

The paper examines the problems of the influence of social networks on various objects and subjects of the international and military-political situation that determine the state of their security.

About the authors: PODBEREZKIN Alexei I. – Dr. Sci. (His.), Professor, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia.

ZHUKOV Artem V. – graduate student of the Department of Sociology, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia.

Key words: State, nation, society, local human civilization, elite, social networks, foreign policy, security, security criteria, power politics, security factors.

About modesty and greatness in world politics. On the issue of the geopolitical status of Russia 41

M. Neimark

The role and place of Russia in the modern world, the evolution of its approach towards the definition of the international status of the country in comparison to the permanent course of the US to the geopolitical domination on the world arena are analyzed in the article.

About the author: NEIMARK Mark A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: Russia, World Politics, Geopolitical Influence, USA, Messiahship.

Identity – object of modern global struggle 53

S. Ustinkin, A. Rudakov

The identity crisis is the factor of weakness in front of the global challenges and threats. To this end, the article is devoted to analysis of the geopolitical strategies and the features of modern trends of globalization that are transforming the phenomena of identity into a factor of political struggle.

About the authors: USTINKIN Sergei V. – Dr. Sci.(Hist.), Professor; Dean of the Faculty of International Relations, Economy and Management, Director of Volga branch of Institute of Sociology, RAS.

RUDAKOV Anatoly V. – Cand. Sci.(Pol. Sci.), chief expert of the Research Center for the Study of National and International Security, the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Key words: Humanitarian technologies, the archaization of neoliberalism, the conflict of identities, the synthesis of historical and cultural codes.

The Role of Caspian Summits in Solving Regional Problems 62

I. Zonn, S. Zhiltsov

For more than a quarter of a century, since the collapse of the USSR, the countries of the Caspian region have developed mechanisms for stepwise solution of regional problems. To resolve one of the key problems of the Caspian region, the international legal status of the Caspian Sea, the countries of the region are using summits, which have replaced meetings at the highest level. The summits of the Caspian countries, which are being held since the beginning of the XXIst century, brought together the positions of the Caspian countries, created the conditions for further consideration of regional issues.

About the authors: ZONN Igor S. – Doctor of Science (Geography), CEO of the Engineering Research and Production Center for Water Management, Melioration and Ecology «Soyuzvodproekt».

ZHILTSOV Sergey S. – Doctor of Science (Political Science), Head of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: The status of the Caspian Sea, the Caspian region, the Caspian littoral States.

Russian political consulting at the beginning of the 2000's 72

L. Fedorchenko

The purpose of this work is to study the specifics of the process of development of domestic political consulting in the early 2000's, its unique and universal features. The article notes that the consumerization of the Russian institute of political consulting is manifested in the commercialization of the range of services and the activities of the relevant political and technological campaigns. However, the author believes that the partial reorientation of the political and consulting community to the business clientele was not absolute, strategic, but rather tactical in nature, allowing some political technologists to adapt to new working conditions with the authorities, reconfiguring the electoral process and party building.

About the author: FEDORCHENKO Larisa V. – candidate of political science, associate professor of the Center for Humanitarian Education of the Moscow Polytechnic University.

Key words: PR-management, Russia, political consulting, consumerization, business.

Some features of Ukrainians' mentality. In the context of the Russian-Ukrainian relations 83

V. Kalita

The article analyses some features of Ukrainians' mentality and their influence on the relations between Ukraine and Russia. It considers the historical development and contemporary condition of Ukrainians' mentality and its reflection in politics. The author marks the main mentality groups among the population of Ukraine and

concludes that the influence of the radical nationalists is growing in that country, which hampers the normalization of the Russian-Ukrainian relations and demands Russia's more active policy.

About the author: KALITA Vladimir N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University).

Key words: Ukraine; mentality; politics; the Russian-Ukrainian relations.

The 100th anniversary of the Russian revolutions of 1917

Two approaches to Russian Revolutions of 1917: which of them is correct? Conceptual reflections on the fate of the Russian Revolutions of 1917

94

Ya. Pleis

The article analyses two approaches to Russian Revolutions of 1917. One of them is based on the idea, that these revolutions, as well as the civil war of 1918–1922, belong to one process, which can be called – the Great Russian Revolution. The other – author's approach, is founded on the idea, that the February and October Revolutions – are processes different in content and direction and therefore they cannot be united and characterized as one Great Revolution.

About the author: PLEIS Yakov A. – doctor of history, doctor of political science, professor of political science department of the Finance university under the RF Government.

Key words: Russian Revolutions of 1917, February revolution, October revolution, state turnover, counterrevolution, elite.

Scientific life

The Communist Party in the System of Dictatorship of the Proletariat: Doctrine and History

104

A. Nikandrov

The author makes an attempt to determine the place and role of the party in the system of the dictatorship of the proletariat – a special form of state that was in the USSR. The concept of the dictatorship of the proletariat is analyzed in the works of K. Marx and F. Engels, V. I. Lenin and I. V. Stalin, as well as the relationship of the party and sovereignty in the state of the dictatorship of the proletariat.

About the author: NIKANDROV Aleksey V. – Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University.

Key words: classes, proletariat, dictatorship of the proletariat, class struggle, proletarian revolution, the State of the dictatorship of the proletariat.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2017 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Дизайн и вёрстка
Новикова Н.М.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru.**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>.**

Подписано в печать 23.08.17. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Наша Типография».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 45. Заказ № 261.